

СОВЕТСКИЕ

А. М. ХОРОБРЫХ

Главный маршал авиации

А. А. НОВИКОВ

**Александр Александрович
НОВИКОВ**

А. М. ХОРОБРЫХ

Главный маршал авиации

А. А. НОВИКОВ

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ББК 68.49(2)243
X80

Редактор *И. М. Дынин*

Хоробрых А. М.

X80 Главный маршал авиации А. А. Новиков. — М.: Воениздат, 1989. — 287 с. 12 л. ил., с портр. — (Советские полководцы и военачальники).

ISBN 5—203—00244—4

Яркая, насыщенная важными событиями жизнь дважды Героя Советского Союза главного маршала авиации А. А. Новикова дала большой материал для интересного и увлекательного повествования. Читатель увидит героя книги в ходе гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Особый интерес представляют рассказы о его участии в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования во многих стратегических операциях Великой Отечественной войны.

Расчитана на широкий круг читателей.

X $\frac{1305010000-082}{068(02)-89}$ 49—89

ISBN 5—203—00244—4

© Воениздат, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

В плеяде советских полководцев и военачальников, воспитанных ленинской партией в годы Советской власти и закаленных в горниле Великой Отечественной войны, достойное место занимает дважды Герой Советского Союза главный маршал авиации Александр Александрович Новиков, возглавлявший советские Военно-воздушные силы с апреля 1942 г. по апрель 1946 г. Облеченный высоким доверием Коммунистической партии, Советского правительства, наделенный большими правами, А. А. Новиков в ходе войны руководил мощными силами фронтовой и дальней авиации, а также авиационными стратегическими резервами для успешного выполнения задач, поставленных перед ВВС Ставкой Верховного Главнокомандования. Умело опираясь на Военный совет и штаб ВВС, он твердо и четко управлял боевыми действиями авиационных оперативных объединений и соединений. Под его руководством к лету 1943 г. было завоевано стратегическое господство в воздухе на всем советско-германском фронте, которое прочно удерживалось до конца второй мировой войны.

Коммунист с 1920 г., А. А. Новиков был щедро одарен военным талантом. Страницы его жизни насыщены постоянным стремлением к поиску нового, сочетанию теории с практикой, преодолению многих рубежей в годы гражданской и советско-финляндской войн, в межвоенный период, в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и в послевоенный период. Он вошел в историю как бесстрашный боец, отдавший жизнь служению Коммунистической партии, Родине и советскому народу. Его знают и помнят ветераны, авиаторы, полководцы и военачальники. Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян дали высокую оценку военной деятельности и полководческому таланту А. А. Новикова.

В годы войны с особой силой проявилось стратегическое мышление А. А. Новикова. Он умело и творчески использовал основные положения советской военной науки и военного искусства в практике строительства и разви-

тия Военно-воздушных сил, их оперативно-стратегического и стратегического применения. При его активном и непосредственном участии в течение 1942 г. была осуществлена организационная перестройка центрального аппарата, оперативных объединений и соединений Военно-воздушных сил. На базе ВВС фронтов и общевойсковых армий были созданы крупные оперативные объединения — воздушные армии и мощные авиационные резервы — авиационные корпуса и отдельные авиационные дивизии РВГК.

Ему же принадлежит заслуга широкого внедрения в практику управления войсками маневра силами и средствами авиации во фронтах, между фронтами и театрами военных действий, наиболее эффективного применения объединений и соединений ВВС в зимних условиях. Он стал инициатором создания специальной системы управления авиацией над полем боя с помощью радиосредств с передовых пунктов управления, всячески содействовал введению в практику новой, хорошо зарекомендовавшей себя во время войны формы оперативного применения авиационных сил во фронтовой наступательной операции — авиационного наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования, высоко оценивая природные дарования А. А. Новикова как крупного авиационного полководца, считала, что он может успешно справляться с руководством советскими Военно-воздушными силами и одновременно быть ее представителем по авиации на фронтах войны. Он с честью справился с этой сложной задачей. Как представитель Ставки по авиации, А. А. Новиков с небольшой оперативной группой генералов и офицеров штаба ВВС принимал непосредственное участие в Сталинградской битве, в воздушных сражениях на Кубани, в битве под Курском, в Корсунь-Шевченковской, Львовско-Сандомирской, Белорусской, Восточно-Прусской, Кенигсбергской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

Под руководством А. А. Новикова мне вместе с другими генералами и офицерами оперативной группы приходилось участвовать в разработке планов оперативного применения авиационных объединений и соединений, готовить боевые распоряжения и директивы, контролировать их выполнение. В памяти неизгладимый след оставила большая творческая, напряженная работа А. А. Новикова на командных пунктах фронтов, общевойсковых, танковых и воздушных армий, авиационных корпусов и ди-

визий, аэродромах. Обладая широким военным кругозором, глубоко понимая характер и природу войны, битв и операций сухопутных войск, воздушных операций и сражений, общевойскового и авиационного боя, он стремился в каждую операцию внести что-то новое. По его указанию, например, в расположении 16-й воздушной армии летом 1942 г. по опыту Ленинградского фронта и 8-й воздушной армии была организована и на практике в полном объеме использована разветвленная наземная радиосеть паведения истребителей на воздушные цели противника. Он лично облетал и объехал все вновь организованные передовые радиостанции паведения и убедился в эффективности созданной системы. На основе полученных результатов использования системы паведения была разработана «Инструкция для Военно-воздушных сил по управлению, оповещению и паведению самолетов по радио» и введена приказом Народного комиссара обороны СССР в действие. Этим было положено начало новому направлению в организации управления истребительной, а несколько позже штурмовой и бомбардировочной авиацией.

В битве под Сталинградом, на ее втором этапе, на практике была использована новая форма оперативного применения авиации во фронтовых наступательных операциях — авиационное наступление. Большим достижением в оперативном применении различных видов авиации (фронтовой, дальней, ПВО) явилась организованная и успешно проведенная воздушная блокада крупной окруженной группировки противника. Газета «Правда» 19 августа 1944 г. писала: «В битве за Сталинград наши Военно-воздушные силы истребили большую часть лучших немецких эскадр, а затем блестяще осуществили воздушную блокаду окруженных в Сталинграде немецких армий».

Полководческий талант А. А. Новикова раскрылся и в последующих операциях, проведенных Советскими Вооруженными Силами. Весной 1943 г. на Кубани при его непосредственном участии были применены новые способы групповых воздушных боев и проведены три (17—24 апреля, 29 апреля — 10 мая, 26 мая — 7 июня) воздушных сражения; под Курском проведены две крупные воздушные операции ВВС по разгрому основных авиационных группировок противника на аэродромах и массивные, сосредоточенные авиационные удары по наступавшим вражеским танковым войскам; под Бобруйском организован мощный авиационный удар 16-й воздушной армии по окруженной группировке противника и ее раз-

гром; под Кенигсбергом осуществлено руководство действиями четырех воздушных армий и почти всей 18-й воздушной армии, сформированной на базе дальней авиации, в интересах одного 3-го Белорусского фронта; под Берлином он координировал сосредоточение и боевые действия четырех авиационных оперативных объединений, усиленных авиационными соединениями РВГК в интересах наступления войск трех фронтов.

А. А. Новиков руководил действиями привлекаемых сил авиации в кампании по разгрому Квантунской армии милитаристской Японии на Дальнем Востоке в 1945 году.

Первому в нашей стране А. А. Новикову 17 марта 1943 г. присвоено воинское звание маршала авиации, а 21 февраля 1944 г. после успешного завершения Корсунь-Шевченковской наступательной операции по разгрому окруженной вражеской группировки он стал главным маршалом авиации. В апреле 1945 г., когда сухопутные войска во взаимодействии с Военно-воздушными силами и Краснознаменным Балтийским флотом разгромили кенигсбергскую группировку противника и взяли штурмом столицу Восточной Пруссии, А. А. Новиков был удостоен звания Героя Советского Союза, а за умелое руководство боевыми действиями ВВС на Дальнем Востоке по разгрому Квантунской армии награжден второй медалью «Золотая Звезда».

В послевоенный период А. А. Новиков находился на ответственных должностях в ВВС, командовал дальней авиацией. Уволившись в запас по болезни, возглавил училище ГВФ в Ленинграде, где создал кафедру «Летная эксплуатация» и руководил ею, проявив незаурядный педагогический талант в воспитании авиационных кадров. В 1958 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Все, кто работал вместе с Александром Александровичем, знают и помнят его не только как крупного организатора и требовательного военачальника, но и как человека большой души. Исключительно отзывчивый и внимательный, он всегда проявлял огромную заботу о летчиках и авиационных специалистах, пользовался их уважением. Находясь на фронтах, он при подготовке к каждой операции бывал почти на всех аэродромах, где дислоцировались части и соединения, беседовал с летчиками, командирами, политработниками, давал указания, принимал решения по способам боевых действий, по усилению частей и соединений самолетами, радиостанциями, автотранспортом.

Обладая феноменальной памятью, он знал всех командующих объединениями, командиров авиационных корпусов и дивизий в лицо, помнил имя и отчество каждого, знал их недостатки и положительные стороны, смело выдвигал на более высокие должности отличившихся в боях летчиков, командиров, офицеров штабов и тыла.

Важные решения на фронтах войны он согласовывал с представителями Ставки Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, Н. Н. Вороновым, Генеральным штабом, командующими фронтами и воздушными армиями, настойчиво добивался сосредоточения усилий авиации на главном направлении, уделял особое внимание организации четкого и непрерывного стратегического и оперативного взаимодействия ВВС с сухопутными войсками и между родами и видами авиации. Общевойсковые и авиационные генералы и офицеры относились к нему с большим уважением.

И вот передо мной рукопись о жизненном пути Александра Александровича Новикова, о его полководческой деятельности, о беззаветном служении Родине. Читаю страницу за страницей, главу за главой, и он видится мне в различных ситуациях мирного и военного времени.

1 мая 1919 г. Саша Новиков, восемнадцатилетний студент учительской семинарии, слушал выступление Владимира Ильича Ленина на Красной площади, которое определило выбор им жизненного пути. Юноша становится красным командиром, вступает в партию большевиков, участвует в подавлении кронштадтского мятежа, впервые поднимается на самолете в небо.

Гражданская война, учеба на курсах «Выстрел», служба в военно-политической школе Отдельной Краснознаменной Кавказской армии закалили Новикова политически, сделали его убежденным воином-интернационалистом. В Военную академию имени М. В. Фрунзе он поступает опытным боевым командиром и стойким коммунистом-ленинцем. Автору удалось показать живость его ума, неуемную тягу к знаниям, удивительную работоспособность, широту интересов. Новиков досконально изучает военные дисциплины, особенно теорию глубокой операции, познает основы авиационного дела.

Службу в войсках после окончания академии Новиков начал в Смоленске в 11-м стрелковом корпусе, которым командовал легендарный Е. И. Ковтюх. Скоро сбылась мечта Новикова и о службе под руководством командарма И. П. Уборевича, назначенного командующим Белорус-

ским военным округом. В книге показаны взаимоотношения этих незаурядных людей, их забота о профессиональном росте выпускника академии, расширении его военного кругозора, развитии оперативно-тактического мышления. По инициативе И. П. Уборевича общественной командир А. А. Новиков становится авиатором. Будучи начальником штаба авиационной бригады, он воплощает свою мечту в жизнь — осваивает технику пилотирования, становится командиром эскадрильи.

Новая полоса жизни начинается после трагических событий 1937 г. Принципиальность членов партийной организации эскадрильи ограждает Новикова от вздорных обвинений. Он остается в партии и армии. В советско-финляндской войне участвует в роли начальника штаба ВВС фронта, совершает несколько боевых вылетов. В описании этих и других событий автор подмечает стремление Новикова опираться на партийную организацию штаба ВВС при разработке вопросов взаимодействия авиации с наземными войсками, повышения эффективности ее боевого использования.

Основная часть книги посвящена описанию событий Великой Отечественной войны. Вероломное нападение фашистской Германии на СССР Новиков встретил в расцвете творческих сил и таланта, умеющим широко мыслить, правильно оценивать обстановку, принимать научно обоснованные решения. С именем Новикова связана первая воздушная операция, проведенная по указанию Ставки Главного Командования уже 25 июня 1941 года.

Развитие полководческого таланта Новикова показано в монографии динамично, со знанием дела, с привлечением мало известных документов, в том числе и неопубликованных воспоминаний и писем. Взять, к примеру, его роль в разработке планирования и проведения авиационной поддержки сухопутных войск в масштабе фронта по периодам всего наступления, которое вопло в историю военного искусства как авиационное наступление. Автор нашел документальное подтверждение того, что оно впервые разрабатывалось еще в августе 1942 г. под Погорелым Городищем, а в полном объеме использовано при контрнаступлении под Курском.

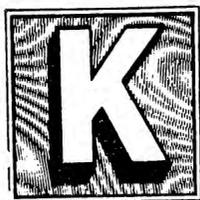
Много внимания автором уделено воздушным сражениям. Опираясь на положения советской военной науки, Новиков правильно оценил роль и значение господства авиации в воздухе, рассматривал его как одну из главных предпосылок победы над врагом.

Особое место в монографии занимает заключительная глава. В ней раскрыты такие черты характера Новикова, как стойкость, непоколебимая вера в правое дело партии, мужество и выдержка коммуниста. Необоснованные репрессии не сломили его духа. После полной реабилитации он отдает все силы перевооружению дальней авиации на реактивную технику, а после увольнения в запас с завидным упорством готовит руководящие кадры для Аэрофлота, осваивавшего в ту пору первые реактивные пассажирские лайнеры.

Думается, что новую книгу из серии «Советские полководцы и военачальники» с интересом прочтет и ветеран войны, и юноша, обдумывающий жизнь.

*М. Кожевников,
генерал-майор в отставке,
кандидат военных наук*

ВЫБОР ЦЕЛИ

огда один из журналистов спросил Александра Александровича Новикова, как начинался его путь в авиацию, он весело рассмеялся:

— По жребию. В высшей тактико-стрелковой школе «Выстрел» в 1922 году среди слушателей разыгрывался единственный билет, дававший право совершить полет на самолете в качестве пассажира. Счастливым обладателем этого билета выпало стать мне. Полет состоялся на подмосковном аэродроме в Подосинках. Он продолжался всего пятнадцать минут, но запомнился на всю жизнь. Тогда-то я и заболел небом. А настоящую боевую работу летчиков мне довелось увидеть раньше, при подавлении кронштадтского мятежа.

...После окончания Нижегородских советских пехотных курсов командного состава молодой коммунист краском Александр Новиков прибыл на Северный фронт. В июне 1920 г. получил назначение на должность заведующего (начальника) разведкой 384-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии, после чего участвовал в боях на петрозаводском и олонцеком направлениях.

С наступлением холодов Северный фронт стал «тихим». Бои в районе Петрозаводска, где дислоцировался полк, возникали от случая к случаю, и Новиков просил перевести его на один из действующих фронтов. Направление в Петроград к начальнику штаба 128-й стрелковой бригады было для молодого краскома манной небесной, потому что тогда он мечтал вырваться на настоящую передовую.

Утром 10 марта 1921 г. Новиков представился начальнику штаба бригады Белянину.

— Разведчик? — спросил тот, прочитав документы. — Очень хорошо. Разведчики нам как раз и нужны. Знаете, почему?

— Нет, — ответил Новиков.

— В Кронштадте мятеж. Первый штурм крепости и фортов не удался. Командующим 7-й армией назначен Тухачевский. Он готовит войска к новому штурму. У разведчиков много работы.

В штабе армии Новиков вместе с другими разведчиками попал на прием к М. Н. Тухачевскому. Говоря о подготовке к штурму, командующий армией особое внимание уделил разведке.

— С Западного фронта, — сказал он, — прибыли три авиационных отряда—девятнадцать летчиков и восемнадцать самолетов. Вместе с петроградским авиаотрядом из них организована эскадрилья под командованием красноуплета Семена Корфа. Смелый командир и прекрасный организатор. Недавно награжден орденом Красного Знамени за организацию налета с бомбовым ударом по станции Барановичи, во время которого было сброшено двадцать пудов бомб. Летчики и здесь будут бомбить, но их надо привлечь к разведке. Опыта у них, конечно, еще маловато, но вы, наземные командиры, растолкуйте им, что и как надо выяснять, на что обращать внимание.

Новикову поручили контроль за войсковой разведкой в полосе наступления со стороны Лисьего Носа. Он инструктировал разведчиков, уточнял маршруты поиска, определял ориентиры. Но совет Тухачевского об организации воздушной разведки не давал покоя. Доложил командующему Северной группой Е. С. Казанскому.

— Берите коня — и к летунам, — посоветовал тот. — Они на льду Финского залива расположились.

Командовал эскадрильей крепкий мужчина с щеголеватыми усиками.

— Погода путает все карты, — сказал он. — Летаем мало, видимости никакой — туманы. Командующий армией требует прежде всего бомбить и обстреливать с воздуха корабли, казармы мятежников, форты крепости. Но при малейшей возможности постараемся выполнить и вашу просьбу.

К 15 марта подготовка войск к новому штурму Кронштадта закончилась. Группа, в которую входил краском Новиков, получила задачу из района Лисьего Носа зах-

ватить номерные форты и оказать помощь войскам Южной группы непосредственно в самом Кронштадте. Артиллерийская подготовка, а точнее артиллерийская дуэль, началась в 14 часов 16 марта и длилась до наступления темноты. Мятежники пытались освещать лед вокруг крепости, но свет прожекторов тонул в тумане, опустившемся на залив. В 1 час 30 минут 17 марта части Красной Армии двинулись в направлениях, указанных в приказе командарма Тухачевского.

Отряды, наступавшие со стороны Лисьего Носа, штурмом овладели номерными фортами. Войсковая разведка оказалась на высоте. Однако у форта № 6 вышла заминка. Саперам своевременно не удалось обнаружить заминированную полосу льда. Мятежники взорвали лед, и группа курсантов под самыми стенами форта оказалась отрезанной от основных сил, которые остались за полыней. Используя оставшуюся узкую полосу льда, курсанты сделали мостки из досок и лестниц и, несмотря на большие потери, ворвались в форт.

Днем краском Новиков стал свидетелем удара авиации по наземным целям. Как только рассеялся туман, Корф поднял в небо все самолеты эскадрильи. С высоты 400 метров красные военлеты обстреливали наземные цели и корабли из пулеметов, сбрасывали бомбы. Огонь мятежников заметно ослаб. А к утру 18 марта город Кронштадт, крепость, все форты и линкоры находились в руках красных войск. Пожалуй, это была одна из первых операций, где авиация взаимодействовала с наземными войсками. Правда, случилось это, как показалось Новикову, стихийно, но итоги боя были впечатляющие и картина воздушного палета запала в душу.

После подавления мятежа Новикова оставили при штабе 128-й бригады. Здесь он узнал, что 19 марта В. И. Ленин вызвал М. Н. Тухачевского для доклада, радушно встретил его, подробно расспросил о кронштадтском мятеже, высказал командарму полное одобрение его действий по управлению войсками. Затем Ленин принял возвратившихся в Москву делегатов X съезда РКП(б), участвовавших в подавлении кронштадтского мятежа. Владимир Ильич долго говорил с ними о боях за Кронштадт, а после беседы сфотографировался вместе с делегатами. Эту фотографию Новиков хранил как память о тех суровых и трагических событиях.

Всматриваясь в снимок, Александр Александрович вспоминал тот день, когда ему посчастливилось увидеть

и услышать Владимира Ильича. Случилось это на Красной площади в Москве 1 мая 1919 г., куда он, выпускник Кинешемско-Хреновской учительской семинарии, с большим трудом попал после бессонной ночи, проведенной на вокзале. Появление вождя вызвало долго не смолкающую овацию. Александр старался не пропустить ни одного слова Владимира Ильича, поэтому каждая услышанная фраза врезалась в память навсегда.

Ленин приветствовал московский и всемирный пролетариат, вспоминая предыдущий Первомайский праздник, сказал, что за год политическая обстановка изменилась в пользу Советской власти. Потом он зачитал телеграмму об освобождении Севастополя от французских отрядов, сказал, что победа над Колчаком совсем близка.

В тот день Владимир Ильич трижды выступал на Красной площади, но Александру не удалось расслышать и половины сказанного. Поэтому он решил дожидаться выхода газет с отчетом о празднествах. Что из того, что еще одну ночь придется провести на вокзале, зато в свою деревню он вернется не с пустыми руками. Пусть и его товарищи знают, о чем говорил Владимир Ильич.

«Вечерние известия Московского Совета» за 2 мая 1919 года он купил перед самым отходом поезда на Кострому. Теперь то, что он слышал отрывками, можно было спокойно прочитать и обдумать. Бросилась в глаза строка: «Речь с Лобного места на открытии памятника Степану Разину», и будто снова услышал голос Ильича:

«Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу. Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры. Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу, но не за ту свободу, которую предлагает капитал, свободу с банками, с частными фабриками и заводами, со спекуляцией. Долой такую свободу, — нам нужна свобода действительная, возможная тогда, когда членами общества будут только работники. Много труда, много жертв надо будет положить за такую свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма»¹.

А где же речь о детях? Ведь Ленин говорил и о внуках, которым предстоит жить при социализме. Вот они — эти слова: «Внуки наши, как диковинку, будут рас-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 326.

смагивать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети»².

Мысли будоражили душу. Как здорово сказал Ленин о детях! Им строить здание социализма. А что сделал ты, Саша Новиков, для этого? Ты ведь скоро станешь воспитателем. Но в стране идет гражданская война. Осенью тебе исполнится девятнадцать, наступит возраст призыва в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Что важнее — воспитывать детей или защищать страну от врагов? Наверное, важнее спасти Советскую власть...

После окончания учительской семинарии в мае 1918 г. Александр Новиков стал заведующим внешкольного центра Нерехтского уезда, в который входило шесть волостей. Работа оказалась трудной. Транспорта не было, приходилось ходить пешком. Создавал сельские библиотеки, организовывал кружки художественной самодеятельности, сортировал литературу, изъятую из помещичьих библиотек. Это был экзамен и на твердость духа, и на политическую зрелость. Не все, что имелось в усадьбах богатей, годилось для рабочего люда, но и далеко не все нужно было отвергать. Речь шла о спасении памятников старины и русской культуры.

Александр Александровичу часто вспоминался случай, который произошел весной 1919 г. в Кинешемском уезде. Костромское имение Новинки, принадлежавшее Александру Юрьевичу Пушкину, дяде великого русского поэта, в начале века перешло по наследству к внучке Александра Юрьевича Елене Львовне Пушкиной. После Октябрьской революции в Новинках была организована коммуна, и Елена Львовна добровольно передала ей большую часть дома, а сама изъявила желание вступить в коммуцу. Волостное начальство засомневалось: можно ли в трудовое объединение бедняков принять столбовую

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 325.

дворянку? Послали запрос в уезд и получили ответ: «Пушкину — можно».

12 апреля 1919 г. Кинешемский уездный земельный отдел выдал по этому поводу Клеванцовскому волостному земотделу специальный документ: «...земотдел постановил: поскольку гражданин Пушкина не является вредным для коммуны элементом, присутствие ее допустимо, со стороны членов коммуны возражений нет. Оставить гражданина Пушкину Е. в коммуне равноправным членом»³. Новиков считал такое решение мудрым и старался в своей работе проявлять такую же чуткость в отношении к наследию прошлого.

В июле 1919 г. был призван в Красную Армию отец Александра — Александр Иванович Новиков. Надо было помогать матери, Екатерине Ивановне, с малолетними детьми, и Александр бросил работу в уезде, устроился сначала учителем, а потом стал заведующим Пешевской школы, которая находилась рядом с домом. Свою зарплату — пуд ржи в месяц — он получал на ссыпном пункте в деревне Филиппово. Это был важный источник существования большой семьи.

Родители отца и матери Александра были крепостными крестьянами. Семья жила в доме деда по отцу Ивана Амплеевича Новикова, человека трудолюбивого, всеми силами старавшегося выйти из нужды. Александр Иванович, отец Саши, как мог помогал семье, но жили они бедно. Когда отца призвали в армию, на руках Екатерины Ивановны кроме Александра остались дочери Глафира и Анна и сын Валентин.

Но вскоре пришел черед и Александру идти в армию. Свою службу в Красной Армии он начал в 27-м Приволжском пехотном полку, который дислоцировался в Нижнем Новгороде (ныне Горький). Город славился своими революционными традициями, и молодой красноармеец из далекой северной губернии с большим интересом ходил на митинги и диспуты, читал газеты. Большое место в политическом воспитании красноармейцев занимали собрания, лекции, коллективные и индивидуальные беседы. Коммунисты убедительно разъясняли бойцам справедливый, классово-революционный характер гражданской войны, показывали истоки побед Красной Армии.

Полк располагался в Тобольских казармах. Служилось трудно. Не хватало дров, спать приходилось не разде-

³ Красная звезда. 1987. 15 февр.

ваясь. Скучным было и питание. Но молодые бойцы не унывали, упорно овладевали азами военного дела, жили в ожидании радостных сообщений с фронтов. Разгоряченные занятиями на морозе, они возвращались в казармы, где начинались горячие дискуссии. Узнав, что Новиков окончил учительскую семинарию, малограмотные часто задавали ему самые разные вопросы.

Особенно много было вопросов, когда в роте узнали, что Александр Новиков видел Владимира Ильича Ленина, слушал его выступления на Красной площади в Москве.

— Какой он? Во что одет? Есть ли у него охрана?

Александр отвечал подробно, доставал заветный номер газеты, зачитывал вслух то, о чем говорил Ильич. И как-то так получилось, что уже через несколько недель Новиков стал признанным агитатором роты, а затем его направили на курсы красных командиров, которые также располагались в Нижнем Новгороде. Многие преподаватели на курсах были из числа военспецов, бывших офицеров царской армии. Они лояльно служили Советской власти, читали учащимся курсы лекции, учили их ружейным приемам, занимались с ними строевой подготовкой. Одни из них политикой вроде бы не интересовались, в других проглядывала враждебность к простому люду, а третьи оказались людьми честными и дальновидными.

Большую симпатию учащихся завоевал начальник учебной части курсов Борис Иннокентьевич Кузнецов, ставший впоследствии начальником штаба Отдельной Кавказской армии и сыгравший заметную роль в жизни Новикова. Свою задачу Кузнецов видел не только в обучении учащихся военному делу, но и в расширении их кругозора — много рассказывал о Красной Армии, часто выступал на политические темы, старался держать обучаемых в курсе всех фронтовых событий, каждое из которых оценивал с пролетарских позиций.

Однажды начальник учебной части повел разговор о генералах, которые стоят во главе контрреволюционных армий. Чувствовалось, что он, бывший офицер генерального штаба, хорошо знает их биографии.

— Самозванный «верховный правитель России» адмирал Колчак, — говорил Кузнецов, — до революции командовал Черноморским флотом, Врангель и Деникин — генерал-лейтенанты, Юденич — генерал от инфанте-

рии. Все они в свое время учились в академии генерального штаба...

— Зачем нам знать об этом? — не выдержал один из учащихся. — Вы нам расскажите о наших, рабоче-крестьянских полководцах.

— А я и веду к этому, — ответил Кузнецов. — Революция выдвинула полководцев из среды рабочего класса и крестьянства. Фрунзе, Блюхер, Ворошилов... А что из того, что Уборевич был офицером? Послушайте его биографию — и вы все поймете. Он родился в Литве, в простой крестьянской семье. По окончании реального училища в 1913 году поступил в Петербургский политехнический институт, но за участие в студенческом революционном кружке и за политическую агитацию был осужден. Сразу же после Февральской революции, в марте 1917 года, вступил в партию большевиков. Ему не было и двадцати трех лет, когда он в декабре 1918 года был выдвинут на должность начальника стрелковой дивизии, громил врага под Орлом и Кромами... Повторяю, ему еще нет и двадцати пяти, а он уже командарм. Это ли не пример для вас, красных командиров? Только учитесь, перед вами открыты все дороги.

Командарм Уборевич стал примером для Новикова. Он еще настойчивее изучал военное дело, не упускал возможности побеседовать на политические темы с комиссаром курсов Ф. А. Вавиловым, которого учащиеся называли «наш, из окопной братии». Особые отношения сложились у Новикова и с Кузнецовым, который разрешил ему пользоваться своей богатой библиотекой. Опыт работы с книгой у юноши был. Это Борис Иннокентьевич понял сразу же, как только Александр подошел к книжному шкафу. Однако круг чтения он ограничил списком книг, в котором преобладали издания на военную тему.

— Беллетристикой, — говорил он, — займемся позднее. Общий уровень подготовки у вас, пожалуй, выше остальных. Педагогику и психологию в какой-то мере вы изучили. Теперь главное — военные дисциплины.

Пригодился Новикову и опыт агитационной работы, приобретенный в 27-м пехотном полку. Он организовывал коллективные читки газет, делал сообщения о событиях на фронте, помогал тем товарищам, у кого был низкий уровень образования. И вскоре на курсах появилось объявление о партийном собрании, в повестке дня которого одним из вопросов значилось: «Прием тов. Новикова А. А.

в партию». Голосовали за него единодушно, а 24 мая 1920 г. он получил партийный билет.

Перед самым выпуском Кузнецов сказал Новикову, что и он скоро получит назначение в войска.

— Возьмите меня с собой! — вырвалось у Александра.

— Я же пока на курсах, — рассмеялся Кузнецов. — Но желание ваше, молодой человек, учту. При первой же возможности пришлю вызов.

Кузнецов сдержал свое слово. Получив назначение в Тифлис, он осенью 1921 г. вызвал Новикова к себе. Но при новой встрече огорошил:

— Слышали о высшей тактико-стрелковой школе «Выстрел»? Сейчас как раз идет отбор кандидатов. Хотите, я помогу вам?

— Борис Иннокентьевич... — начал было Новиков.

— «Выстрел» — то, что надо, — не дал договорить ему Кузнецов. — Главные учебные предметы там — тактическая подготовка, стрелковое дело, методика обучения войск и обществоведение. Изучите топографию, военную инженерию, артиллерию, авиацию, средства связи. Через год вернетесь командиром роты, а то и батальона.

В те годы школа «Выстрел» располагалась в пригороде Москвы, в районе Новогиреево, Кусково. Новиков прибыл туда в ноябре 1921 г.

— Вам, — говорил при встрече с молодыми слушателями помощник начальника школы Л. Л. Клюев, — предстоит не только учиться, но и участвовать в разработке тактических приемов боевых действий войск, испытаниях новых образцов стрелкового оружия. Для этого у нас есть все условия: специальные лаборатории, ружейный полигон, опытные преподаватели.

Учиться в школе «Выстрел» Новикову пришлось около девяти месяцев. Но какие это были месяцы! Что ни день — то открытие. Новиков особенно полюбил стрелковое дело. Каждый выход на полигон для него превращался в маленький праздник. Природная пылливость его ума находила благодатную пищу. Для слушателей проводились показательные стрельбы, демонстрировались образцы стрелкового вооружения, приборы для управления огнем и обучения войск. Здесь испытывалось новое стрелковое оружие, изучалось вооружение иностранных армий.

Через многие годы «Выстрел» назовут по праву полковой академией. Традиция обучать войска тому, что необходимо на войне, рождалась в бытность Сашки Новикова

слушателем «Выстрела». Запятая по тактике проводилась на местности с решением практических задач, часто с боевой стрельбой. И здесь молодой краском проявлял завидную расторопность и смекалку, находил неординарные решения. Человек, выросший в деревне, он ничего не умел делать вполсилы. Если уж за что-то брался, то доводил начатое до конца.

Рос военный кругозор Новикова, совершенствовалось его боевое мастерство, крепла политическая закалка. Этому способствовали встречи и беседы с выдающимися деятелями международного и коммунистического движения: Георгием Димитровым, Вильгельмом Пиком, Марселем Каменом, Бела Куном, Эрнстом Тельманом, Пальмиро Тольятти, которые после присвоения школе «Выстрел» 13 октября 1921 г. имени III Коммунистического Интернационала часто бывали гостями слушателей. На всю жизнь Новиков запомнил первомайские торжества 1922 г. В тот день состоялся выпуск командиров полков, вручение Знамени от имени Исполкома Коминтерна и принятие Красной присяги всем составом школы. Торжества состоялись на спортивной площадке в Новогиреево. Парад слушателей принимал Главком Красной Армии С. С. Камедев, Знамя Исполкома Коминтерна вручал Вильгельм Пик, член ВЦИК, Председатель ВСНХ П. А. Богданов привел личный состав школы к Красной присяге.

Новикову неоднократно приходилось участвовать в работе научно-практических конференций школы, куда приглашались все коммунисты «Выстрела». Он слушал выступления Главкома РККА С. С. Камедева, начальника Всевобуча Н. И. Подвойского и других военных деятелей. Довелось ему прослушать и лекцию о значении прорыва австро-венгерских и германских позиций армиями Юго-Западного фронта в 1916 г., которую читал организатор этого прорыва — выдающийся русский военачальник А. А. Брусилов, работавший в то время в должности председателя Особого совещания при Главкоме Красной Армии⁴.

Здесь, на «Выстреле», краскому Новикову выпал жребий совершить полет на самолете в качестве пассажира, и он решил поступить в Институт инженеров Красного Воздушного Флота имени профессора Н. Е. Жуковского. Но жизнь внесла в его планы коррективы. Во второй половине июня в школу пришло письмо ЦК РКП(б) «О

⁴ См.: Полевая академия. М., 1983. С. 64.

кампании вербовки в военно-учебные заведения», в котором Центральный Комитет партии обращал внимание на то, что «хотя армия и сокращается, но одновременно с этим она должна быть укреплена качественно. Особое внимание надо обратить на командный состав... Если состав нашей армии многочислен и хорошо обучен, он сумеет повести ее к победе ценою малых потерь... Пополнение военно-учебных заведений осенью 1922 г. есть очередная задача партии»⁵. Выпускники школы «Выстрел» направлялись на усиление руководящего состава командных курсов на местах.

— Вы назначаетесь в Батум на 14-е командные курсы, — сказали Новикову в строевом отделе. — Теперь сами будете готовить красных командиров...

К новому месту службы Новиков ехал в радужном настроении, полный сил и честолюбивых замыслов, мечтая учить и воспитывать молодежь и служить Отечеству. Выбор цели жизни был сделан. Он хорошо изучил тактику, методы обучения стрелковому делу, научился сам хорошо стрелять из всех видов оружия, закалился физически. С собой он вез конспекты лекций, учебники и другие пособия, нужные командиру.

Курсы располагались в Батуме. Но прежде чем ехать туда, Новиков решил побывать в Тифлисе у Кузнецова. Тот обрадовался встрече с «крестриком», однако заговорил сразу о деле.

— Значит, готов к работе на курсах? — спросил он. — Сеять разумное, доброе, вечное — хорошее дело. Однако обстановка складывается так, что обучение и воспитание красных командиров придется пока отложить. Банда Чолокаева активизировала свои действия. Грабит население, убивает активистов, судя по всему, будет рваться к турецкой границе. Поедешь в Батум заместителем командира первой роты к Блау. Толковый командир из латышских стрелков. Он возглавит специальный отряд, ты будешь начальником штаба. Не возражаешь?

— Доверие оправдаю.

— Имей в виду, Чолокаев — бывший полковник царской армии, хитрая бестия. Служил в Тифлисе, Кавказ знает...

Командир роты Блау был полной противоположностью комиссару со смешной фамилией Душок. Если из первого

⁵ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1981. С. 192, 193.

надо было вытягивать каждую фразу, то второй считал своей обязанностью разъяснить Новикову любую мелочь. Несмотря на это, все трое быстро нашли общий язык и к моменту образования отряда понимали друг друга с полуслова.

К месту боевых действий предстояло ехать по железной дороге. Погрузка в эшелон, размещение личного состава, организация питания, масса других неотложных дел легли на плечи начальника штаба. Новиков проявил расторопность и сметку, обеспечил порядок в пути. После выгрузки предстоял ночной марш. И здесь начштаба оказался на высоте. Пригодился опыт организации разведки, приобретенный при подавлении кронштадтского мятежа.

Все шло по плану, но комиссар забил тревогу.

— Надо что-то предпринимать, — говорил он. — Местное население косо смотрит на нас. Сказывается меньшевистская агитация. Утром одна женщина, увидев группу красноармейцев, как коза, сиганула через плетень.

Блау вопросительно посмотрел на Новикова.

— Ничего предпринимать не надо, — сказал начальник штаба. — Порядок и дисциплина, безупречное поведение каждого красноармейца и командира — вот что должно отличать нас от бандитов Чолокаева.

На том и порешили.

Три дня находился отряд в поселке, и за все три дня не возникло ни одного инцидента с местным населением. Между тем стало известно, что банда ищет пути, чтобы прорваться к турецкой границе через соседний перевал. Было решено передислоцировать отряд в селение Апаури, что располагалось в 10 километрах западнее поселка.

Новиков выслал вперед разведку. Не исключалась встреча с бандитами, к тому же сюрприз преподнесла горная речка Чорох. Мелководная летом, она разлилась широко и бурлила мутным потоком.

— Переправляться можно только в колонне по одному, — доложил старший группы разведчиков. — Мосточек устроен на козлах с жиденькими перильцами.

Быстро составили план переправы и ее прикрытия на случай нападения бандитов, прикинули ход дальнейших событий.

— Надо выслать сильную разведку-заслон к турецкой границе, — предложил комиссар.

— Перекрыть все дороги, — добавил начальник штаба, — организовать патрулирование.

— Действовать на два фронта у нас не хватит сил, — вздохнул командир отряда.

— Прислали бы нам хоть один самолет, — мечтательно проговорил Новиков.

— Почему один? — хохотнул комиссар Душок. — Авиаотряд нужен. Но увы! Нет ни отряда, ни самолета.

Решили прикрыть подступы к границе, как предлагал комиссар. Новиков видел недостатки этого плана, но понимал, что для патрулирования на подступах к перевалу сил у отряда не хватает.

Потянулись томительные дни ожидания. То, что называется службой войск, для Новикова стало главной задачей. Он обеспечивал боеготовность и бдительность, порядок и дисциплину. Командиры остановились на частных квартирах, красноармейцы разбили лагерь рядом с селением. Настороженное отношение местных жителей к отряду быстро сменилось на доброжелательное: они увидели в красноармейцах и командирах сердечных и приветливых людей.

Хозяин дома, в котором остановилось командование отряда, оказался человеком образованным и любознательным, немножко говорил по-русски. Его очень интересовала личность Владимира Ильича Ленина.

— Вы, дорогой, спросите его, — комиссар указал глазами на Новикова, — он сам видел и слышал Владимира Ильича.

— Вах, вах! — всплеснул руками хозяин. — Сам видел? Расскажи. Все расскажи!

На другой вечер начальнику штаба отряда пришлось вести беседу не с одним человеком, а выступать перед всеми жителями селения. Особенно всех тронул рассказ Новикова о том, как Ленин говорил о детях, которым строить социализм...

А банда будто растаяла в горах. Никаких следов. Только на десятый день стало известно, что хитрая лиса Чолокаев обвел красных командиров вокруг пальца. Ему удалось скрыться в Турции. Командование отряда переживало неудачу. Особенно Новиков.

— Какой же я начальник штаба, — корил он себя, — если не сумел помочь командиру перехитрить противника?

Однако руководство Отдельной Кавказской армии понимало всю сложность обстановки. Упрека в адрес Блау, Душка и Новикова не последовало.

В Анаури произошло событие, которое впоследствии Новиков в шутку называл «предзнаменованием судьбы». Вместе с товарищами он был приглашен на грузинскую свадьбу, узнал некоторые местные обычаи, услышал свадебные песни. Вряд ли тогда он думал, что скоро, очень скоро многие из них прозвучат и на его собственной свадьбе.

После возвращения из Анаури Новиков получил назначение в Баку помощником командира роты курсов красных командиров, но в марте 1923 г. эти курсы были ликвидированы, и Александр вернулся в Тифлис, где его ждала юная Милица. Ему тогда исполнилось двадцать два года, ей шел восемнадцатый. Свадьба была скромной, но без песен не обошлось. Были спеты и русские, и грузинские. Милица очень удивилась, что ее Саша знает те и другие, точно соблюдает необходимые в подобных случаях ритуалы.

Все хорошо складывалось в молодой семье. Успешно шли дела у Новикова и по службе в Военно-политической школе Отдельной Кавказской армии. Командир батальона Журбин высоко ценил боевой опыт командира второй роты, его умение организовать занятия с курсантами, оказать помощь молодым командирам взводов, веселый нрав. Не чурался Новиков и общественной работы. Выступления перед личным составом, на предприятиях Тифлиса он считал своим партийным долгом.

Советская власть в Грузии победила в феврале 1921 г. в результате вооруженного восстания рабочих и крестьян. **Совданный** ревком направил В. И. Ленину телеграмму, в **которой** сообщалось о восстании и о том, что на помощь **грузинским** меньшевикам «спешат силы европейской **реакции**». Ревком выражал надежду, что Советская Россия не оставит молодую Республику в неравной борьбе с врагами и придет на помощь. Правительство РСФСР дало необходимые указания. Плечом к плечу с революционными отрядами трудящихся Грузии сражались воины 11-й армии, которая скоро была преобразована в Отдельную Кавказскую. В боях против сил контрреволюции крепла дружба между грузинским и русским народами. Однако силы реакции были еще сильны. Об этом и говорил в своих лекциях молодой человек в форме командира роты.

Служба в Отдельной Кавказской армии стала для него подлинной школой интернационализма. Рота, которой он командовал, уверенно шла впереди других, и в феврале 1923 г. Новиков был назначен командиром батальона. Во

главе этого подразделения он и участвовал в боях в районе урочища Манглис при подавлении меньшевистского восстания в Грузии в 1924 г.

Изучая документы XIII съезда РКП(б), Новиков обратил внимание на резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Съезд приветствует шаги, предпринятые Центральным Комитетом для проведения вполне назревшей реформы в военном ведомстве и усиления его парторботниками... Съезд поручает Центральному Комитету принять ряд мер для увеличения числа коммунистов среди красноармейцев и моряков»⁶.

— Куда прежде всего пойдут коммунисты? — рассуждал Новиков. — Конечно же, к нам, в военно-политическую школу. Их общеобразовательная подготовка будет выше, работать с ними станет труднее.

Пришла мысль о поступлении в высшее учебное заведение, и он решил держать экзамены в Военную академию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако прежде хотелось поговорить с Кузнецовым. Уже собрался зайти к нему, но случилось так, что этого не потребовалось. Начальник штаба армии сам приехал в школу. Он сопровождал Г. К. Орджоникидзе, председателя Кавказского бюро ЦК РКП(б), первого секретаря Закавказского крайкома партии, который приехал на очередной выпуск школы.

После торжественного собрания Серго, как любовно называли Орджоникидзе в народе, оказался в центре внимания и стал расспрашивать выпускников, где они воевали в годы гражданской войны. Двое сказали, что служили в 14-й армии и помнят самого Орджоникидзе и командарма Уборевича.

— Командарма Уборевича, — сказал Серго, — я поставил бы вам в пример. Он был тогда очень молод, но со своими обязанностями справлялся отлично. Любил военное дело, превосходно разбирался в нем, был решителен и принципиален. Что сделало его таким? Ответственность перед революцией, партией, которая ему доверяла, истинная любовь к народу. Его посылали всегда туда, где было трудно. Его все любили за доступность, выдержку и за заботу о людях. Желаю и вам быть такими же стойкими и целеустремленными.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 208.

Выбрав удобный момент, Новиков подошел к Кузнецову. Борис Иннокентьевич пожал руку своему возмужавшему воспитаннику.

— Какие заботы гложут? Растет первенец? Как чувствует себя Милица Константиновна? — Вопросы следовали один за другим.

— Дома все в порядке. Спасибо, — ответил Новиков. — Хочу посоветоваться по одному деликатному вопросу. Могу ли я рассчитывать на поступление в академию? Отпустит ли меня командование?

— А почему бы и нет? — удивился Борис Иннокентьевич. — Образование соответствует. За плечами немалый военный и боевой опыт. Подавайте рапорт по команде и готовьтесь к экзаменам.

Но не зря говорят: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Еще два года Новиков командовал батальоном Военно-политической школы Отдельной Краснознаменной Кавказской армии. Шла борьба с троцкистами. На учете был каждый активный боец партии.

Мечта комбата сбылась осенью 1927 г. В Военную академию РККА он пришел закаленным боевым командиром, отлично знающим тактику общевойскового боя, прекрасно владеющим стрелковым оружием. К тому времени профиль академии окончательно определился. Она была подчинена Народному комиссару по военным и морским делам и Председателю Реввоенсовета СССР и стала готовить командиров и штабных работников в звене полк — корпус. Подготовка командных кадров и военно-научная работа в академии прочно стояла на марксистско-ленинских основах. Это было достигнуто под непосредственным руководством М. В. Фрунзе. Определяя первоочередные задачи академии по претворению военной реформы в жизнь, он подчеркивал, что подготовка командных кадров в академии должна быть неразрывно связана с практикой коммунистического строительства и жизнью войск.

При постановке на партийный учет Новикову сказали, что в академии много сделано для сплочения партийной организации и идейного роста ее коммунистов. Зрелость партийцев с особой силой проявилась в борьбе с троцкизмом.

— Однако борьба с троцкистами не закончена, — предупредили Новикова в бюро партийных ячеек. — Оппозиционеры клеветают на военные кадры, которые якобы «переродились», сеют недоверие к руководству партии в Красной Армии. Придется и вам с ходу включиться в ра-

боту по разоблачению оппозиции, в борьбу за чистоту рядов партии.

Учебная группа, в которую зачислили Новикова, состояла из восьми человек. «Дружный, веселый, не бесталаный народ» — так охарактеризует ее многие годы спустя сам Новиков. И он будет прав. Забегая вперед, заметим, что почти все, кто входил в группу, оставили заметный след в истории Великой Отечественной войны. Н. Н. Воронов, например, стал главным маршалом артиллерии, генерал-лейтенант М. Ф. Тихонов командовал корпусом, генерал-лейтенант авиации Н. А. Журавлев был начальником оперативного управления штаба ВВС Красной Армии, сам Новиков стал главным маршалом авиации.

Учеба захватила с первых дней. Скоро в семье появился еще один сын. Назвали его Юрием. Трудно было с жильем, велик объем самостоятельной работы, постоянно росли общественные нагрузки. Дискуссии и собрания иногда велись далеко за полночь. Но молодость и задор, твердая партийная линия, огромное желание как можно лучше служить Родине, укреплению Красной Армии помогали молодым «академикам», так тогда называли слушателей, преодолевать все трудности и заниматься с упорством.

Борьба с троцкизмом хотя и отнимала много времени, но помогала идейному росту слушателей академии. Учеба оставалась их главной заботой. Новиков вместе с товарищами следил за технической и организационной перестройкой Красной Армии, делал для себя выводы, старательно изучал и анализировал новинки бурно развивающейся военной теоретической мысли. Собрание сочинений М. В. Фрунзе, работа Б. М. Шапошникова «Мозг армии», трехтомный труд «Гражданская война 1918—1921 гг.», работы одного из первых профессоров академии А. А. Свечина «Стратегия» и «Эволюция военного искусства» стали его настольными книгами. С большим вниманием Новиков изучал также работы М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, С. С. Каменева, А. И. Корка, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других военных теоретиков и практиков.

Еще в Военно-политической школе Отдельной Кавказской армии Новиков увлекся изучением артиллерии, броневых и военно-воздушных сил и другой новой боевой техники. Особенно его интересовала авиация. Самолеты над кронштадтской крепостью и участие в полете над Подосинками не выходили из головы. Однако на втором кур-

се его захватила передовая для того времени теория глубокого боя и глубокой операции. Основы этой теории были изложены в работе начальника оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». Это был первый фундаментальный труд, в котором коренные положения теории стратегии, оперативного искусства и тактики рассматривались не на основе существовавших принципов, а на базе научного анализа действительности, на марксистско-ленинской основе.

В свое время М. В. Фрунзе привлек к руководству кафедр академии командиров и военачальников, имевших большой боевой опыт. Так, кафедру стратегии возглавил М. Н. Тухачевский, кафедру оперативного искусства — В. К. Триандафиллов, кафедру бронетанковых войск — инспектор бронетанковых сил Красной Армии К. Б. Калининский, кафедру инженерного дела — крупный военный инженер профессор Д. М. Карбышев, кафедру истории мировой войны — видный ученый В. Ф. Новицкий. Все они стали учителями Новикова.

Работа Триандафиллова «Характер операций современных армий» вызвала много споров и дискуссий. На одну из них были приглашены слушатели третьего курса, среди которых были Новиков и Воронов. Дискуссия проходила в Центральном Доме Красной Армии. С докладом выступил М. Н. Тухачевский. Он убедительно говорил об авиации, о бронетанковых войсках, об артиллерии и о необходимости усиления армии растущими родами войск, об их участии в глубокой операции. Но у Тухачевского нашлись и оппоненты. Одним из них был С. М. Буденный. Знаток и любитель конницы, он встал горой за этот старинный род войск.

— Конница, — сказал Буденный, — еще при Петре Первом флоты в плен брала.

Новикову при этих словах вспомнился штурм Кронштадта, он будто вновь увидел самолеты над позициями мятежников. Вклад красных военлетов был тогда очень весом, поэтому поддержка наземных войск с воздуха при проведении глубокого боя и глубокой операции казалась ему весьма перспективной.

Теория глубокой наступательной операции все больше привлекала Новикова. Она характеризовалась массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов, была рассчитана на ведение боевых действий современными, технически оснащенными арми-

ями. В ходе такой операции осуществлялся взлом фронта противника одновременным ударом на всю его тактическую глубину и немедленный ввод эшелона подвижных войск для развития тактического прорыва в оперативный успех. При этом учитывалось, что в целом война будет вестись многомиллионными армиями на огромных пространствах, а успех глубокой операции обеспечит поражение авиацией и артиллерией всей глубины обороны противника.

Мог ли думать тогда, в начале 30-х годов, слушатель академии Новиков, что ему в годы Великой Отечественной войны выпадет обогатить эту теорию практикой, внести существенный вклад в вопросы развития стратегии, оперативного искусства и тактики ВВС, боевого применения авиации в современной войне, организации ее взаимодействия с наземными войсками? Нет, конечно. Он просто «грыз гранит науки», мечтая стать высокообразованным общевойсковым командиром, хорошо понимающим характер и природу будущей войны моторов.

Объем работы был колоссальным. В стенах академии издавались десятки научных трудов, и многие из них Новиков изучил досконально. Особенно его интересовал боевой опыт первой мировой и гражданской войн. На это уходило много времени. А ведь существовали и обязательные дисциплины, были выходы в поле, игры на картах, выезды на полигон. Не забывали слушатели о занятиях физкультурой и спортом.

— Не будь их, — признался однажды Александр Александрович, — вряд ли мы выдержали бы ту сумасшедшую гонку за знаниями.

Новикова интересовало развитие отечественной авиации и ее боевое применение. Он внимательно изучил труд А. В. Сергеева «Стратегия и тактика Красного Воздушного Флота», встречался и беседовал с профессором Академии имени М. В. Фрунзе А. Н. Лапчинским — автором четырехтомного труда «Воздушный справочник» и книги «Красный Воздушный Флот». Это позволило ему изучить параллельно с основным курсом академии еще и авиационное дело, причем изучить глубоко и всесторонне. Видимо, интуитивно он чувствовал, что эти знания ему пригодятся в будущем.

Большую роль в командирском становлении Новикова сыграло принятое в феврале 1929 г. постановление ЦК ВКП(б) «О командном и политическом составе РККА», в котором Центральный Комитет партии требовал всемер-

но добиваться дальнейшего повышения военной квалификации командного состава, его идейно-политического уровня. Постановлению было посвящено специальное партийное собрание. Но учебная группа, в которую входил Новиков, решила обсудить вопрос еще и в узком кругу.

— Мне кажется, — сказал Н. Н. Воропов, — мероприятия, намеченные в масштабе курса и академии, всех проблем не решат. В одиночку тоже много не сделаешь. Нагрузка и без того предельная.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Н. А. Журавлев.

— Взаимовыручку. Вот вы с Новиковым спите и видите себя авиационными командирами, я — артиллерист, Тихонов — пехотинец...

— Разделение труда, — подхватил идею Новиков. — Дело. Мы с Журавлевым готовим обзор новинок по авиации, ты, Коля, — по артиллерии...

— Так дело не пойдет, — остановил друга Воронов. — Каждому — своя тема. Журавлев пусть занимается авиацией, а ты, мил друг, будешь передавать нам опыт партийно-политической работы. Сколько лет ты проработал в военно-политической школе? То-то. Научишь нас быть политическими руководителями красноармейских масс.

— А рукопись... — начал было Новиков.

— Поможем.

Широта интересов Новикова была поразительной, а работоспособность завидной. Будучи слушателем академии, он стал автором фундаментального труда «Военное дело», **выпущенного** в 1931 г.⁷ На титульном листе книги значилось: «Допущена Секцией вневойсковой подготовки Центральной научно-исследовательской комиссии при РВС СССР в качестве пособия для гражданских учебных заведений среднего звена». Все началось весной 1927 г. после IV Всесоюзного съезда Советов, который обсуждал вопрос об обороне страны и состоянии Красной Армии. С докладом на съезде выступил Народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. В постановлении по докладу съезд отметил, что военная опасность со стороны агрессивных империалистических государств значительно возросла. Учитывая это, съезд требовал от всех советских органов усилить работу по укреплению Красной Армии и обороны страны.

⁷ См.: Новиков А. А. Военное дело. М., 1931.

В те годы существовала смешанная система комплектования Красной Армии, сочетавшая кадровые и территориальные формирования, позволявшая давать военную подготовку трудящимся, не отвлекая их от производительного труда. Государственному военному издательству Революционному Совету СССР предложил выпустить несколько учебников. И когда стали подбирать автора учебного пособия «для гражданских учебных заведений среднего звена», выбор пал на А. А. Новикова. Он окончил учительскую семинарию, многие годы командовал учебными подразделениями, стойкий коммунист... Но возраст? Бывшему комбату шел двадцать девятый год. Однако руководство поручило эту работу ему. Больше других Новикову помогал Воронов, что сблизило и сдружило их. Александр даже предложил другу соавторство, но Николай наотрез отказался.

— Я же артиллерист, — сказал он, — а ты пехота. Тебе и карты в руки.

Содержание рукописи требовало изменений и уточнений: жизнь не стояла на месте, стремительно двигалась вперед. 15 июля 1929 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О состоянии обороны СССР», которое закрепило курс на коренную техническую реконструкцию армии и флота, ставшую основным звеном в повышении боеспособности войск. Не учесть этого было нельзя. И Новиков брался за готовые главы, переделывал их, насыщал новыми данными. В этом ему помогала вся группа.

Александр Александрович не оставил работу над книгой и при поездке на Лужский полигон Ленинградского военного округа для прохождения артиллерийской практики. Здесь он познакомился с новейшими артиллерийскими системами, правилами их эксплуатации и боевого применения. Воронов был его неизменным консультантом, обращал внимание на то, что могло пригодиться при доработке книги.

Поездка на Лужский полигон запомнилась и прогулкой по Ленинграду. На Дворцовую площадь они решили идти пешком. День был ясным, солнечным, город на Неве — неповторимым. Когда вышли на Невский проспект, лицо Новикова стало суровым: вспомнились похороны героев, погибших при штурме Кронштадта в марте 1921 г. Тогда он прошел в группе однополчан весь проспект до Александро-Невской лавры, где под залпы артиллерий-

ского салюта хоронили павших. Но он, видя хорошее настроение друга, ничего не сказал.

— Вот бы попасть служить сюда, — проговорил вдруг Воронов. — Конечно, не в сам город, в войска, но так, чтобы можно было приезжать в Ленинград.

— Мечта, мечта, — рассмеялся в ответ Новиков. — Я вот хотел перевестись в Академию Жуковского, но медики не пропустили: плохое зрение. Придется шагать по земле-матушке...

В Москву возвращались в приподнятом настроении. Артиллерийская практика обогатила новыми знаниями. Новикову удалось доработать некоторые главы учебника, встретиться с городом боевой юности.

В дороге, уединившись в куче, Александр Александрович погрузился в воспоминания. Виделся ему родной дом, припомнился разговор с комиссаром Нижегородских курсов Ф. А. Вавиловым. Беседа была долгой и по-домашнему теплой.

— Отец, говоришь, в деревне жил? — уточнил во время разговора комиссар. — И в каких краях?

— Хозяйство держал в Крюково, имел полторы десятины земли.

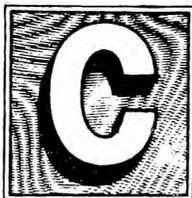
— А где он сейчас?

— Служит в Красной Армии, — с готовностью ответил Новиков. — Заместитель командира взвода. Воюет...

— Вот и отлично, — подвел итог Вавилов. — Думаю, это поможет тебе стать партийцем.

Когда Новикова приняли в партию, ему было чуть больше девятнадцати лет. С тех пор все свои дела он сверял с курсом партии, жил с думой о Родине, которая переживала трудное время.

Военную академию Александр Александрович закончил по первому разряду и получил назначение в Смоленск начальником разведки 11-го стрелкового корпуса, которым командовал Е. И. Ковтюх. Епифана Иовича Новиков мельком видел во время подавления кронштадтского мятежа, знал его как одного из главных героев знаменитого похода Красной Таманской армии, выведенного в повести А. С. Серафимовича «Железный поток» под именем Кожуха, помнил немало устных рассказов о нем, которыми был наслышан еще на Кавказе. И вот ему выпало счастье служить под началом легендарного комкора...

ошлись они, комкор и начальник разведки, не быстро. Ковтюх с выводами о способностях подчиненных не торопился. Однако именно командир корпуса стал инициатором назначения Новикова начальником оперативного отдела штаба корпуса. Он любил людей прямых, открытых, превыше всего ценил в них самостоятельность, инициативу, преданность своему делу. Эти качества нового начальника разведки Ковтюх увидел при организации учения «Рота в наступлении с боевой стрельбой из пулеметов через головы своих войск». Кто-кто, а Елифан Иович был докой в пулеметном деле, за «максимом» провел почти всю мировую войну, за боевые отличия получил четыре солдатских Георгия, был произведен в офицеры...

Ударить в грязь лицом перед таким экзаменатором Новикову не хотелось, и он не стал мудрить, приехал на место и все без утайки рассказал командиру полка. Тому понравилась откровенность, и, вызвав начальника полковой школы, он приказал ему оказать помощь Новикову.

Учение началось организованно. Ковтюх, конечно, догадался, в чем дело, но виду не подал. Главное, что с заданием Новиков справился. Для Ковтюха важно было, что повичок не растерялся, проявил находчивость. Однако он тут же преподнес Новикову предметный урок. Когда произошла заминка с перебежками за огневым валом, Ковтюх связался с командиром роты и

отдал необходимые распоряжения. Пехота заметно оживилась: стала делать броски без оглядки на пулеметы.

— Вот так-то, — заметил Ковтюх, — это уже похоже на настоящий бой. Надо вовремя подсказать командиру, даже при его малейшей оплошности.

Так Ковтюх поступал не раз при выездах в полки с проверками и при организации двусторонних учений. Свое дело Епифан Иович любил до самозабвения, требовал такого отношения к службе и от подчиненных. И Новикову по душе была строгость комкора, его постоянная забота о повышении боевой готовности, наведении в частях уставного порядка.

В сентябре 1930 г. у Новиковых родилась дочь Светлана. Семья получила квартиру в новом пятиэтажном доме, названном «домом имени героев «Железного потока». Судьбы их и времени, казалось, были счастливо слиты. Командиров, имеющих высшее военное образование, в корпусе было немного. Комкор тоже в свое время окончил Академию РККА и поэтому чаще других беседовал с Новиковым о насущных проблемах, об использовании опыта гражданской войны в обучении и воспитании командиров и красноармейцев. Начинались эти беседы в кабинете Ковтюха, а заканчивались у него в квартире за чашкой чая. От суровости и недоступности комкора не оставалось и следа. Он начинал вспоминать былые годы и свои походы, но делал это просто, без малейшего акцента на собственную личность.

— Судя по вашим рассказам, — однажды осторожно заметил Новиков, — чисто военные вопросы не нашли отражения в «Железном потоке».

— Но это же не история армии, а художественное произведение, — возразил Ковтюх.

— И все-таки.

— Предлагаешь комкору стать писателем? — Густые русые брови Епифана Иовича сошлись над переносицей, но глаза сверкнули хитринкой.

— Не писателем, а летописцем великих событий, — не сдавался Новиков.

— Вы что, с Серафимовичем договорились, что ли? — с напускной строгостью спросил Епифан Иович.

Оказалось, что и писатель рекомендовал Е. И. Ковтюху написать книгу «Железный поток» в военном изложении.

— Сдаваться не научен, — улыбка тронула скуластое лицо комкора, — но придется. Только не откажите в по-

мощи. Сами понимаете, в литературе я не силен, а у вас вон уже книга вышла.

Новиков согласился. Однако работать над воспоминаниями комкора пришлось урывками: должность начальника оперативного отдела штаба корпуса почти не оставляла свободного времени.

В один из июньских дней 1931 г. Ковтюх сказал Новикову, что в округ приезжает новый командующий — Иероним Петрович Уборевич.

— У нового командующего есть чему поучиться, — сказал комкор.

С прибытием Уборевича боевая учеба в округе заметно оживилась: стало больше трудных учений и строгих проверок. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый приезд командующего обычно начинался с подъема части по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой.

Личное знакомство Новикова с Уборевичем произошло в августе 1931 г., когда он докладывал командующему войсками округа о плане проведения опытного учения «Обслуживание разведывательного отряда самолетом», которое ему было поручено подготовить на базе родного 11-го стрелкового корпуса.

«Во время доклада, — вспоминал Новиков, — Иероним Петрович внимательно рассматривал на карте район учений. Я следил за выражением его лица. Оно было строгим, но спокойным, и я понял, что Уборевич доволен докладом.

— Хорошо, — заметил командующий. И неожиданно спросил.

— Как вы думаете, полезно руководящим штабным командирам освоить профессию летчика-наблюдателя, хотя бы в минимальном объеме? Например, научиться ориентироваться в воздухе, уметь вести визуальную разведку и фотографировать.

Предложение было дельным, и я сказал, что в необходимости летной практики для штабных командиров убедился при разработке учения, ведь я даже не умел «читать» фотоснимки. А без хорошего знания авиации невозможно грамотно ставить ей боевые задачи.

— У меня давно зреет мысль, — добавил Уборевич, — направить кое-кого из штабных командиров на стажировку в авиацию. У нее большое будущее.

В заключение командующий утвердил план учений и назначил срок их проведения»¹.

Учения прошли успешно, и Новиков по предложению Ковтюха изложил их результаты в статье, которая была напечатана в четвертом номере журнала «Военный вестник» за 1932 год. А в марте этого года в семье Новиковых родился сын Игорь.

— Дом — полная чаша, — говорили друзья.

Александр Александрович был доволен. Счастьем светилась Милица Константиновна. Отец писал, что переехал к своим братьям в Кострому. Новиков не сомневался, что жизнь бывшего командира Красной Армии и участника гражданской войны будет устроена.

В сентябре 1932 г. Александра Александровича прикомандировали к штабу ВВС округа для стажировки, предусматривавшей практические полеты. Он стал первым в округе стажером-авиатором среди штабных работников наземных воинских частей.

— Эта короткая стажировка, — говорил потом Новиков, — с легкой руки Уборевича явилась первой ступенькой для моего перехода в авиацию.

В середине 1931 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О командном и политическом составе РККА», в котором были сформулированы основные успехи и недостатки в воспитании и боевой подготовке военных кадров. В постановлении особое внимание уделялось улучшению политического воспитания в армии, расширению объема технической подготовки, увеличению числа инженерно-технических кадров старшего звена. Но все это требовало определенного отрезка времени. Между тем формирование новых авиационных частей и соединений все больше и больше обостряло кадровую проблему в авиации. Тогда-то и было принято решение о переводе в Военно-воздушные силы наиболее подготовленных и перспективных общевойсковых командиров.

В начале марта 1933 г. такое предложение было сделано и Новикову. От неожиданности он сначала растерялся. Давняя мечта служить в авиации могла стать реальностью, но зрение... Медицинская комиссия уже «браковала» его один раз. Да и уходить из корпуса не хотелось. Здесь он свыкся с обстановкой, хорошо знал людей. Взаимоотношения с командиром сложились прекрасные. Епифан Иович начал работать над большой кни-

¹ Новиков А. А. В небе Ленинграда. М., 1970. С. 28—29.

гой, в которой намеревался рассказать не только о Таманском походе, его героях, но и о судьбах своих боевых товарищей в последующие годы. Александр Александрович по-прежнему помогал ему. «Откажусь», — твердо решил он, отправляясь в штаб округа.

Уборевич встретил Новикова как старого знакомого, расспросил о делах в корпусе, похвалил статью в журнале, а затем перешел на дела авиационные. Новикова поразила глубина знаний Уборевича, его умение видеть перспективу развития военно-воздушных сил, их боевого применения в тесном взаимодействии с артиллерией, танками, другими родами войск. Когда командующий предложил Александру Александровичу перейти в авиационную бригаду начальником штаба, он с благодарностью согласился. Ему было уже известно, что на подобные должности из сухопутных войск переводятся командиры с высшим военным образованием — Я. С. Шкурин, С. П. Сияков, В. М. Лозовой-Шевченко, М. М. Косых...

Через несколько дней Новикова вызвал начальник ВВС Белорусского военного округа А. Я. Лапин. Это был молодой авиационный командир. На голубых петлицах его кителя рубинами горели красные ромбы. По три на каждой, а на груди — ряд орденов Красного Знамени. Внимательно осмотрев ладную, коренастую фигуру Новикова, он торжественно произнес:

— Приказом командующего округом вы назначены начальником штаба 450-й авиационной бригады в Смоленск.

На сердце стало тепло. Просьба Ковтюха выполнена. Не надо куда уезжать, друзья будут по-прежнему рядом.

— Познакомьтесь, — продолжал начальник ВВС округа, показывая на стоящих у стола двух летчиков, — командир бригады Юнгмейстер и военком Тарутинский.

Нелегко было Новикову в первые месяцы службы в авиабригаде. Но чем больше он входил в новое для себя дело, тем больше оно нравилось ему. Командир и комиссар бригады, другие командиры дружно помогали начальнику штаба осваивать специфические особенности планирования и организации боевой подготовки авиаторов, укрепления дисциплины, обеспечения безопасности полетов. Глубокие военные знания, природный ум, умение быстро ориентироваться в обстановке помогли Новикову в короткий срок понять особенности службы в

авиации, изучить личный состав подчиненных частей, завоевать авторитет у сослуживцев.

Помогли ему и педагогический опыт, приобретенный в Пешевской начальной школе, и многолетняя служба в Военно-политической школе Отдельной Кавказской армии, и активная агитационная работа среди слушателей академии, а также на предприятиях Москвы. При изучении с летным составом тактики наземных войск ему порой приходилось слышать:

— Зачем это нам? Мы же пилоты, а не пехота-матушка. Наше дело отлично водить самолеты, метко стрелять и бомбить, а заходить во фланг, используя складки местности, пусть ротные командиры учатся.

Пришлось убеждать ретивых летунов фактами. В этом молодому начальнику штаба авиабригады помогали бывшие сослуживцы по стрелковому корпусу. Они проводили специальные занятия, читали лекции, советовались с летчиками, как лучше решить общими усилиями задачу боя в войне моторов, наладить тесное взаимодействие.

По предложению Новикова авиационные командиры стали проводить занятия в стрелковом корпусе. Они рассказывали о тактике ВВС, отрабатывали порядок взаимодействия при проведении глубокого боя и глубокой операции, рассказывали о боевых возможностях различных типов самолетов. Работать Александру Александровичу приходилось много. Однако каждый выкроенный час он стремился использовать для встреч с Ковтюхом. Их дружба не слабела, а крепла. Самое заветное — свои мемуары — Епифан Иович непременно показывал Александру Александровичу. «Судя по тому, что я читал в рукописи, — вспоминал Новиков, — это были интереснейшие воспоминания. Автор сумел великолепно передать исторический колорит событий гражданской войны, показать людей такими, какими они были в действительности.

Горячий был человек Епифан Иович, смелым оказалось у него и перо. Но в 30-е годы воспоминания Ковтюха не увидели свет, хотя была уже корректура. Лишь в 1964 г. в № 2 «Военно-исторического журнала» появилась небольшой отрывок из этой книги Ковтюха»².

Все шло хорошо. Горе нагрянуло в мае 1933 г.: не стало Игоря. Врачи так толком и не определили причину смерти ребенка. Александр Александрович ходил мрачнее тучи, убивалась Милица Константиновна. От тяже-

² Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 22.

лых мыслей ее отвлекала трехлетняя Светланка, а муж с утра до вечера пропадал на аэродроме. Заскочит на десяток минут домой, перекусит — и снова к самолетам, в штаб, в подразделение обеспечения.

Уборевич и Лапин внимательно следили за ростом своих выдвиженцев. Чаще других отмечали Новикова. Через пять месяцев после перехода в авиацию ему поручили руководить авиационной группой на большом опытном учении, которое проходило в районе Минска.

Александр Александрович собрал командиров подразделений, участвующих в учении, разъяснил боевую задачу, предупредил о возможных изменениях наземной обстановки. «Как жаль, что все это происходит под Минском, а не в Смоленске, где есть друзья из оперативного отдела штаба корпуса, — вдохнув, подумал Александр Александрович, — они бы в один миг подготовили все нужные схемы, каждую ситуацию разобрали по косточкам». Пришлось обходиться наличными силами. Летчики, сознавая ответственность за порученное дело, вникали в каждую деталь, не оставляли без внимания ни одного невыясненного вопроса. После контроля готовности, который прошел без сучка и задоринки, у Новикова появилась уверенность, что все три эскадрильи успешно справятся с заданием.

И все-таки без просчетов не обошлось. Учение проводилось в воскресенье. Новиков не успел проверить оцепление полигона. Не на высоте оказались и штабные командиры. Все это привело к тому, что в момент удара с воздуха недалеко от целей появилась повозка с сеном. К счастью, обошлось без жертв. На разборе учений Уборевич, отметив отдельные недостатки, в целом положительно оценил действия авиации и ее руководства, поставил перед летчиками новые задачи.

1933 год вошел золотой страницей в историю Воздушного Флота СССР. Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры для укрепления оборонной мощи Страны Советов. Совершенствовалось вооружение Военно-воздушных сил, отрабатывались вопросы наиболее эффективного использования их в тактическом и оперативном взаимодействии с другими родами войск. На январском Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК партии было отмечено, что в стране, где до этого не было авиационной промышленности, она создана. 28 апреля Совет Народных Комиссаров СССР установил ежегодное празднование Дня Воздушного Флота. Отчет об этом праздни-

ке Новиков прочитал уже после опытного учения под Минском. Его внимание задержали слова приказа Наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова: «Каждый день приносит новые данные о росте в стране массового воздушного спорта — авиамоделизма и планеризма, создаются первые советские аэроклубы как центры пропаганды авиационной техники и массовой подготовки летных кадров без отрыва от производства...»³

«Без отрыва от производства, — мысленно произнес Александр Александрович и вспомнил о разговоре с начальником ВВС округа Лапиным. — Что ж, о поездке в Качу речи пока не может быть. Надо самостоятельно углублять свои познания в авиации. Но выполнять обязанности начальника штаба авиабригады и одновременно учиться летать, ой, как трудно». Была и еще одна причина, которая волновала Новикова: Юнгмейстер, с которым они с первого дня знакомства работали дружно, получил назначение на Дальний Восток. На его место из брянской авиабригады прибыл командир истребительной эскадрильи Е. С. Птухин.

Начальник штаба, человек принципиальный до щепетильности, встревожился. Однако Евгений Саввич оказался не только замечательным летчиком, но и толковым командиром. Жизнь бригады сразу же изменилась. Птухин был страстным поборником строго регламентированного порядка на аэродромах, введенного в Военно-воздушных силах по инициативе начальника ВВС Я. И. Алксниса. Новикову это пришлось по душе. То, что раньше прививалось в бригаде с трудом, считалось чуть ли не причудой «начальника штаба из пехоты», теперь стало повседневной жизнью. Проводились строевые занятия, утренние построения, развод подразделений строем, появились патрули, улучшилась служба внутреннего наряда. Благоприятное влияние строгой дисциплины и уставного порядка заметно сказывалось на всех сторонах жизни авиаторов.

С приходом нового комбрига полеты организовывались днем и ночью. Нагрузки на работников штаба возросли. Мысли Новикова о собственных полетах как-то сами собой отошли на второй план. И вдруг разговор с комбригом. К тому времени они уже перешли на «ты».

³ Красная звезда. 1933. 18 авг.

— Скажи, Александр Александрович, — обратился Птухин к Новикову, — во время боя где в пехоте находится начальник штаба?

— Как правило, на КП вместе с командиром.

— Вот-вот! Аэродром — это наше поле боя. Сам не сиди в штабе во время полетов и своим подчиненным не позволяй. А разве у тебя нет желания подняться, подышать настоящим воздухом?

— Вообще-то начальник ВВС округа при «сватовстве» на эту должность твердо обещал мне предоставить возможность учиться летать, как он выразился, без отрыва от производства.

— Что же ты раньше об этом не сказал? — упрекнул Новикова Птухин и тут же позвонил начальнику ВВС округа.

— Приказ о допуске к полетам Новикова Александра Александровича, — сообщил тот, — будет подписан. Составьте программу, чтобы все было по науке.

Командир бригады организовал для начальника штаба своеобразные курсы, освободив его на время от исполнения прямых обязанностей, лично занялся вывозной программой. Начали на У-2. И хотя Новиков уже поднимался в воздух, эти полеты не шли ни в какое сравнение с первыми вылетами, где он хотя и выполнял обязанности летчика-наблюдателя, но чувствовал себя не больше чем пассажир. Здесь же он учился летать, управлять «аппаратом тяжелее воздуха», как любил говорить Птухин.

И вот первый самостоятельный полет. Счастливее человека не было на аэродроме. Новиков чисто выполнил классическую коробочку, точно у посадочного знака притер легкокрылый биплан. Потом начались полеты в пилотажную зону, по маршруту. Закончив программу на У-2, начальник штаба пересел на боевой Р-5.

Успехи мужа отвлекли Милицу от переживаний. Теперь она вместе с детьми каждый вечер встречала Александра Александровича на краю аэродрома.

Летным успехам начальника штаба радовалась вся бригада, но особенно комбриг Птухин.

— Алексис стал пилотом в тридцать два года, — шутливо сказал он. — Новиков — в тридцать четыре...

Нелегко было совмещать работу начальника штаба с регулярными полетами, но жить без предельной нагрузки Александр Александрович уже не мог. Это стало его натурой.

Весной 1934 г. вся страна жила челюскинской эпопеей. 14 апреля мир узнал из газет, что советские летчики закончили героическую работу по спасению экипажа и членов полярной экспедиции, высадившихся на лед с раздавленного льдами и затонувшего парохода «Челюскин». А вскоре Постановлением ЦИК Союза ССР было установлено звание Героя Советского Союза, названы первые обладатели этого высокого отличия.

— Вот это люди! Вот это подвиг! — восхищенно говорил командир бригады и перечислял имена: — Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Слепнев, Водопьянов, Доронин.

Ни Птухин, ни Новиков не предполагали тогда, что одному из них вскоре придется лицом к лицу встретиться с вооруженным до зубов фашизмом. Птухин уедет добровольно в республиканскую Испанию, станет там советником по авиации, а вернется оттуда орденосцем, после войны с Финляндией получит звание Героя Советского Союза. А Новиков свои Золотые Звезды заслужит позже, когда разразится Великая Отечественная война.

Жизнь шла своим чередом. Закончились осенние учения 1934 г., после которых Смоленская авиабригада была названа в числе лучших. Летчики овладевали «слепыми» и высотными полетами. Росло и летное мастерство начальника штаба бригады. Вот только состояние здоровья Милицы Константиновны ухудшалось с каждым днем. Развязка наступила в апреле 1935 года. Милица умерла от туберкулеза легких. Александр Александрович остался один с тремя малолетними детьми.

Погода в ту весну была отвратительной. Шли бесконечные дожди, а бригаде выпало участвовать в Первомайском воздушном параде в Москве.

— Нужны тренировки, — говорил комбриг. — Но как их проводить? Аэродромы превратились в болото. Надо что-то придумать.

Птухин видел удрученное состояние начальника штаба. Хотелось ему как-то помочь, ободрить, но ничего путного в голову не приходило. «Только работа может отвлечь его от тяжелых мыслей», — решил Птухин и тут же поставил начальнику штаба задачу:

— Организуйте немедленно заготовку и доставку соломы на аэродром. Копны разместите вдоль взлетной полосы. Утром общий сбор всему личному составу бригады, желательно с женами. Будем строить соломенный аэродром.

Дерзкая мысль выстлать взлетную полосу соломенными матами казалась Птухину лучшим выходом из трудного положения, но он не сразу решил, кому поручить это дело. Подготовка к параду добавила забот начальнику штаба, но только предельная нагрузка могла помочь ему хоть на какое-то время забытья. Почти всю ночь свозили солому на аэродром, а утром вместе с Птухиным приехал дедок — соломенных дел мастер, и работа закипела. Новиков контролировал качество каждого мата, их стыковку на полосе. И так пять дней, зато соломенная полоса сработала прекрасно.

Вскоре после Первомайского парада Птухин получил назначение в Бобруйск. Бригада построилась на аэродроме. Евгений Саввич даже расстроился, когда увидел искреннее сожаление людей. Особенно тяжело ему было расставаться с начальником штаба. Хоть к нему и приехали родители из Костромы, он все еще тяжело переживал утрату.

— Давай, Александр Александрович, действуй, на тебя остается бригада, — сказал Птухин на прощание. — Крепись, жизнь, она, брат, сложная штука.

После небольшого перерыва начальник штаба бригады снова начал полеты. Росла уверенность в своих силах, рос и авторитет среди подчиненных. Но он, придирчиво оценивая уровень своей командирской подготовки, отчетливо видел пробелы. Размышлял так: «Да, ты хорошо освоил штабную службу, но недостаточно глубоко знаешь командно-строевую. Временное исполнение должности командира авиабригады не решит проблемы. Нужно переходить на постоянную летную работу». Скоро такая возможность появилась. И опять решающую роль в его судьбе сыграл Уборевич.

Вскоре после осенних маневров 1935 г., в которых участвовала и 450-я авиационная бригада, Новикова вывели к командующему войсками округа. Уборевич был в прекрасном настроении.

— Каково? — блеснул он очками. — С пятидесяти самолетов сброшено на парашютах две тысячи крылатых пехотинцев! Они захватили аэродром «противника» и обеспечили посадку пятидесяти транспортных машин, доставивших танки, артиллерию, автомобили, боеприпасы. Какими глазами на все это смотрели иностранцы!

Иероним Петрович с хитринкой посмотрел на Новикова.

— Только вот дорога на полигон малость подкачала, — сказал он. — Придется вам заняться ею основательно...

Когда все вопросы были решены, Новиков неожиданно для себя сказал:

— Товарищ командующий, хочу перейти на командно-строевую службу, хочу летать.

— Вот это мне нравится! — живо отозвался Уборевич. — Но начинать надо с командования эскадрильей, а это же понижение по службе.

— Неважно, — не уступал Новиков. — Зато стану полноценным авиационным командиром.

После этого разговора прошло немало дней. Осенью Новиков получил отпуск и уехал в Сочи. С детьми остались отец с матерью. Неожиданно в санаторий, где он отдыхал, пришла телеграмма: «Телеграфируйте имя командующего свое согласие быть командиром авиачасти Смоленске». Новиков ответил согласием и стал командиром 42-й легкомобардировочной эскадрильи.

Эскадрилья состояла из четырех отрядов по десять самолетов Р-5 в каждом. Коллектив подобрался дружный. Партийная организация насчитывала более ста человек. Сильной была и комсомольская организация. Новиков не стал ломать традиции, сложившиеся в эскадрилье до его прихода на командирскую должность. Новинкой было только то, что сам он не пропускал ни одной летной смены. Александр Александрович хотел стать лучшим, наиболее подготовленным в части летчиком и в короткий срок добился этого упорным трудом, пунктуальностью в соблюдении документов, регламентирующих летную работу. Поездка в Качинскую летную школу для переподготовки не потребовалась.

Пример командира эскадрильи благотворно влиял на остальные экипажи, а его отличные знания штабной работы пригодились в планировании боевой учебы. Результаты не замедлили сказаться. По итогам года 42-я эскадрилья вышла в число передовых.

28 марта 1936 г. Александру Александровичу было присвоено воинское звание полковник. В представлении, копия которого хранится в семейном архиве Новиковых, есть такие слова: «С задачей боевой подготовки на 1935—1936 гг. вполне справился. Боевой подготовкой эскадрильи руководил хорошо. Работоспособный, аккуратный, проявляет много заботы о подчиненных. Имеет хорошую военную подготовку...»

Все лето эскадрилья под руководством полковника Но-

викова готовилась к маневрам, проведение которых планировалось осенью 1936 г. Руководил маневрами командарм 1 ранга И. П. Уборевич. На них присутствовали Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов, его первый заместитель М. Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба РККА А. Е. Егоров, члены ЦК КП(б) Белоруссии и правительства Республики. Шесть раз поднималась в небо 42-я легкомобардировочная эскадрилья, и все шесть раз ее действия оценивались по высшему баллу.

Вскоре после маневров в эскадрилье состоялось отчетно-выборное партийное собрание. Коммунисты единодушно избрали командира в состав партийного бюро. Авторитет Александра Александровича был прочным. Внешне сдержанный и спокойный, комэск был прост и приветлив. Вопросы решал быстро, ничего не откладывая на завтра. Все это еще больше сплотило коллектив.

Но вот наступил страшный для партии, армии и народа 1937 год. В феврале газеты опубликовали правительственное сообщение о скоропостижной смерти народного комиссара тяжелой промышленности, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе. Новиков хорошо знал этого несгибаемого большевика-ленинца, встречался с ним, слушал его выступления, когда служил в Отдельной Краснознаменной Кавказской армии. Смерть Орджоникидзе потрясла Александра Александровича, а тут еще прошел слух о том, что Орджоникидзе застрелился...

Непонятное творилось и в Смоленском гарнизоне. Один за другим шли аресты «врагов народа». Только в 450-й авиационной бригаде за несколько недель было арестовано свыше 75 человек⁴.

«Большие неприятности по службе» — так определит тот период сам Новиков — начались летом 1937 г. после ареста И. П. Уборевича. Буквально на следующий день состоялось внеочередное партийное собрание эскадрильи. Слушалось персональное дело члена ВКП(б) А. А. Новикова. Каких только «обвинений» не было предъявлено командиру 42-й! Вздорность и предвзятость их видели все: от рядового моториста до комиссара и начальника штаба. Но сверху поступило категорическое указание: «Из партии исключить».

Итог разбирательства, казалось, был предрешен. Примеров к тому времени в бригаде уже накопилось больше

⁴ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

чем достаточно. И тут случилось невероятное. Абсолютное большинство членов партии проголосовали против исключения Новикова. Собрание пришлось прервать. Вопрос остался открытым. Что тут началось! Партийную организацию обвинили в либерализме и политической слабости. Чтобы оказать на нее давление, Новикова сняли с должности и уволили из Красной Армии. Но коммунисты не изменили своего решения — они оставили бывшего командира в своих рядах.

Партийная комиссия 116-й авиационной бригады вынуждена была выполнить, хоть и не полностью, указание сверху. 2 июня 1937 г. члену ВКП(б) А. А. Новикову был объявлен строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку.

Однако Александр Александрович, продолжая отстаивать свою честь, обратился с жалобой на несправедливость к только что назначенному членом Военного совета Белорусского Военного округа комиссару 2 ранга А. И. Мезису. Когда тот узнал о решении партийной организации эскадрильи, немедленно приказал восстановить бывшего командира эскадрильи в воинском звании и должности. Большого он сделать не успел — сам был арестован в январе 1938 г.

В запасе полковник Новиков находился только пять дней. С выговором обстояло все несколько иначе. В архиве Новиковых хранится копия выписки из протокола № 10 заседания партийной комиссии 116-й авиабригады от 20 марта 1938 г. Этот документ стоит того, чтобы его привести таким, каким он был написан в то время.

«В настоящее время тов. Новиков подал заявление с просьбой о снятии с него партийного взыскания. На основе поданного письменного заявления тов. Новикова о неправильном обвинении его в политической неустойчивости, в небольшевинском отношении к работе, в зажиме самокритики, скрытии аварийности, опоре на врага народа Журавского БПК провела тщательную проверку указанных фактов в заявлении и поставила вопрос вторично на заседании БПК 20.3.38.

Высказались в прениях тт. Малышкин, Хоробрых, Антюх, Чуваев.

Докладчик т. Березин, секретарь партийного бюро 42-й эскадрильи, и вр. военкома тов. Сульчинский дают положительную характеристику тов. Новикову...

Учитывая, что т. Новиков отмеченные недостатки в решении БПК от 2.7.37 исправил, не допускает выпивок,

связи с сомнительными женщинами не имеет, в партийной организации работает активно, хорошо проводит занятия с начсоставом по марксистско-ленинской учебе, тесно связан с массой бойцов и командиров части, пользуется авторитетом, партийное взыскание — строгий выговор с предупреждением с члена ВКП(б) тов. Новикова снять.

Считать необоснованными обвинения, записанные в решении БПК от 2.7.37 на тов. Новикова».

К этому осталось добавить, что эскадрилья, которой командовал полковник А. А. Новиков, в феврале 1938 г. заняла первое место в 116-й авиационной бригаде по всем показателям в учебно-боевой подготовке, а дальнейшую его судьбу решила встреча с бывшим командиром 450-й авиационной бригады Е. С. Птухиным. Встреча была неожиданной. Новиков прекрасно знал, что Птухин года полтора назад уехал в Испанию советником по авиации при республиканском правительстве. И вдруг они, как говорится, нос к носу столкнулись в коридоре управления ВВС. Евгений Саввич изменился мало: стройный, подтянутый, с орденами Ленина и Красного Знамени на новенькой гимнастерке.

— Какими судьбами? — радостно воскликнул Новиков, обнимая бывшего сослуживца и старого друга.

— Мир тесен!

Поговорили не больше минуты. Евгений Саввич глянул на часы:

— Извини, начальство ждет. Вечером прошу в гости.

За ужином Птухин много рассказывал об Испании, по нет-нет, да и обрывал себя на полуслове, будто что-то вспоминает.

— Наши летчики-добровольцы дрались выше всяческих похвал, — говорил он. — На них равнялись и испанские пилоты. Но... нужно менять тактику, состав групп самолетов. Истребители немецкого производства превосходят наши и по скорости, и по стрелково-пушечному вооружению. Особенно последние модификации Me-109. Нам нужно немедленно бронировать кабины, увеличить калибр пулеметов, поставить на самолеты пушки. Радио, радио нужно для управления авиацией с земли, в ходе воздушного боя...

Новиков согласно кивал. Вспомнился инцидент с повозкой на опытном учении под Минском. Сколько лет с тех пор прошло! Сколько было разговоров о радиосвязи, сколько бумаги исписано! Только воз и ныне там.

— Что, друже, невесел, голову повесил? — внезапно прервал рассказ Евгений Саввич.

— Чему радоваться? Разве не видишь, что кругом творится? Ты куда назначение получил?

— В Ленинград на должность начальника ВВС округа, — ответил машинально Птухин и вдруг загорелся: — Работа предстоит интересная. Очень интересная.

Он прошелся по комнате, потер рукой высокий лоб.

— Теперь тебя ничто не связывает со Смоленском? — внезапно переменял тему разговора.

— Почему же, — ответил Новиков. — Я там жену и сына похоронил. У меня на руках трое детей. Отец работает, мама с ребятами занимается. В Смоленске меня знают от мала до велика...

Евгений Саввич задумался.

— Мы неплохо поработали с тобой, Александр Александрович, на бригаде. — Голос его потеплел. — Пойдешь ко мне в Ленинград начальником штаба?

Новиков удивленно посмотрел на Птухина:

— Опыта работы в таком масштабе у меня никакого. Да и к эскадрилье привык.

— Справишься, было бы желание!

И вот он снова в городе на Неве, но уже не туристом, не гостем, а начальником штаба ВВС Ленинградского военного округа.

Войска жили в напряженном ритме. Полным ходом шла техническая реконструкция частей и соединений. ВВС округа получили новые по тому времени машины ТБ-3, И-16 и СБ. Увеличилось количество истребителей и тяжелых бомбардировщиков. В округе насчитывалось более тысячи боевых самолетов, имелось семь авиационных бригад⁵, которыми командовали опытные командиры П. Ф. Науменко, И. Я. Новиков, В. В. Нанейшвили, И. Г. Пятыхин, А. С. Благовещенский, Е. Е. Ерлыкин и Е. Я. Хользаков. Многих из них Александр Александрович знал по Белорусскому военному округу, встречал на учениях и маневрах.

С первых дней на плечи Новикова легла тяжелая ноша. Аэродромы округа размещались на огромной территории. Нужно было контролировать ход боевой учебы, готовить войска к войне. На основе боевого опыта, полученного у озера Хасан, приходилось вносить коррективы в

⁵ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 135.

оперативную и боевую подготовку войск и штабов, уточнять инструкции по применению авиации и организации взаимодействия с наземными войсками.

Между тем обстановка в Европе усложнялась. В марте 1939 г. фашистская Германия оккупировала Чехословакию. Спустя неделю она захватила у Литвы Клайпедскую область. Угроза фашистской агрессии нависла над Польшей. XVIII съезд партии призвал советский народ к бдительности, решил всемерно укреплять боевую мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Работа в штабе закипела с новой силой. Особые отношения у Новикова сложились с комбригом А. С. Благовещенским. Умный, инициативный, он часто вносил такие предложения, которые приходилось сразу же воплощать в жизнь. Опытными специалистами штаба рекомендовали себя начальник оперативного отдела С. Д. Рыбальченко, начальник боевой подготовки И. М. Соколов, его помощник Н. Г. Селезнев, главный инженер А. В. Агеев. Заместителем начальника ВВС округа стал молодой, энергичный Герой Советского Союза И. И. Копец, который вместе с Птухиным воевал в Испании. Имели боевой опыт летчики К. Беляков, В. Пузейкин, Г. Плещенко, А. Зайцев, Н. Сафонов, Ф. Колосов, А. Лоскутов, Н. Журавлев. В Испании они выполняли самые различные задания: охраняли Мадрид, штурмовали колонны и аэродромы врага, поддерживали действия наземных войск

— Этот опыт, — говорил Евгений Саввич, — наше самое бесценное богатство. Он нам может пригодиться при встрече с еще более сильным противником. Его необходимо как можно шире использовать в боевой учебе и оперативной подготовке штабов. Особое внимание следует обратить на отработку взаимодействия авиации с танкистами и пехотинцами.

Начальник ВВС округа показывал в этом деле пример, выступал с лекциями и докладами, проводил групповые занятия и семинары с руководящим составом авиационных соединений и частей. Не отставал от него и начальник штаба. Он уделял много внимания изучению с авиаторами новых Полевого устава РККА, Боевого устава пехоты и Устава внутренней службы. Оперативно-тактическая подготовка проводилась на основе Инструкции по глубокому бою, в соответствии с которой всемерно изучались вопросы организации взаимодействия родов войск и управления авиацией.

По предложению Новикова повсеместно стали практиковаться выступления авиационных командиров и работников штабов, которые участвовали в августе 1936 г. в больших воздушных маневрах РККА, а также в двусторонних окружных учениях осенью 1937 г. Отрабатывались вопросы организации, проведения и обеспечения воздушной операции, управления частями ВВС в воздухе, организации активной противовоздушной обороны территории фронта, важнейших объектов и крупного промышленно-политического центра.

Теоретические занятия сочетались с напряженной боевой подготовкой. Экипажи учились метко стрелять и бомбить, вести воздушную разведку, осваивали поступающую в части новую авиационную технику. Инспектор-летчик штаба ВВС округа И. В. Симоненко стал обучать Новикова полетам на учебно-тренировочном истребителе.

Наступил 1939 год. Руководствуясь решениями XVIII съезда партии, Советское правительство стремилось обуздать агрессивные силы, было инициатором многих конкретных мероприятий по созданию системы коллективной безопасности для отпора германскому и итальянскому фашизму в Европе и японскому милитаризму на Востоке. Но англо-французские империалисты не оставляли надежды использовать против СССР Финляндию, реакционные правящие круги которой были настроены враждебно по отношению к Советскому Союзу. В течение длительного времени на территории, примыкающей к границам СССР, велось военное строительство на Карельском перешейке, создавалась мощная линия долговременных укреплений, появились десятки аэродромов. Все это становилось опасным для Ленинграда и Краснознаменного Балтийского флота. Незащищенным оставался и единственный на Севере незамерзающий порт — Мурманск.

В октябре 1939 г. Советское правительство предложило правительству Финляндии перенести границу от Ленинграда на несколько километров к северо-западу. В порядке компенсации было предложено уступить вдвое большую территорию, прилегающую к финской границе. Но это и другие миролюбивые предложения нашей страны были отвергнуты. Финляндия продолжала подготовку к войне.

Особенно загадочной была линия Маннергейма. Новиков, впрочем, как и все командование ВВС Ленинградского военного округа, имел о ней довольно смутное представление. «Детальной характеристики всей линии

Маннергейма, — вспоминал после войны Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, — нигде не приводилось. Некоторые сотрудники нашей разведки, как это явствовало из присланных в ЛВО материалов, считали даже эту линию не чем иным, как пропагандой. Как выяснилось впоследствии на практике, это был грубый просчет»⁶.

Между тем линия Маннергейма состояла из зоны заграждения, трех основных и двух промежуточных полос, а также из отсечных позиций. Всего насчитывалось свыше тысячи дотов и дзотов, в том числе 296 долговременных железобетонных сооружений. Общая глубина обороны достигала 90 километров⁷. Создавая мощную линию укреплений на Карельском перешейке, финское командование рассчитывало в случае войны до получения действительной помощи от западных государств сковать главные силы Красной Армии, после чего вместе с союзными войсками перейти в контрнаступление и перенести военные действия на советскую территорию.

Летом 1939 г. комиссаром штаба ВВС Ленинградского военного округа был назначен Николай Сергеевич Шиманов, старый знакомый Новикова, умный и энергичный политработник. С 1928 г. он служил в Военно-воздушных силах, был начальником Цома офицеров, инструктором политотдела авиационной бригады, военкомом отряда, эскадрильи. Без отрыва от службы он овладел основами авиационного дела, сдал экстерном курс за школу летчиков-наблюдателей. Работая комиссаром авиаотряда и эскадрильи, он ежегодно выполнял наравне со всем летным составом план боевой подготовки, летал на стрельбы, бомбометания, по дальним маршрутам. После окончания годичных курсов усовершенствования старшего политсостава при Военно-политической академии имени В. И. Ленина с должности комиссара авиакорпуса Николай Сергеевич пришел в штаб ВВС округа.

— И комиссара пристегнули к кабинетному креслу, — пошутил Новиков при очередной встрече.

— Не больше чем начальника штаба, — поддержал тот шутку. — Вместе будем заниматься созданием оперативной аэродромной сети, налаживанием надежной связи между аэродромами и штабами. А летная работа от нас никуда не уйдет.

⁶ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968 С. 177.

⁷ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 150.

— Теперь наша задача, Николай Сергеевич, — сказал Новиков, — сделать из штаба настоящий орган боевого управления авиацией.

— Надо организовать четкое планирование, — подхватил Шиманов. — Война не за горами.

Советско-финляндскую войну ждали, готовились к ней, разрабатывали план контрудара, и все-таки боевые действия начались неожиданно. 26 ноября 1939 г. финны открыли артиллерийский огонь по советским пограничникам. Было убито четыре человека, а девять ранено. Финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию и засылая в советский тыл группы диверсантов. Война стала фактом.

Наши наземные войска оказались неспособными вести наступление в высоком темпе на широком фронте. Возникли трудности и при подготовке к прорыву линии Маннергейма. Сильные морозы и густые туманы зачастую срывали боевые вылеты авиации. Выяснилось и то, что на резко пересеченной местности, изобиловавшей лесами, очень трудно вести ориентировку и отыскание целей. Штурманская подготовка авиаторов оказалась не на высоте, и Новиков видел в том свою пусть косвенную, но большую вину.

Однако войска 7-й армии при поддержке авиации к 12 декабря преодолели сильную полосу обеспечения глубиной от 25 до 65 километров и вышли к переднему краю главной полосы линии Маннергейма. Попытка прорвать ее с ходу успеха не имела. Одной из причин этого, по мнению командующего 7-й армией К. А. Мерецкова, было то, что «авиация бомбила только глубину обороны противника, мало помогая войскам, преодолевавшим заграждения»⁸. Упрек командарма стал предметом нелицеприятного разговора в штабе ВВС округа. Львиную долю вины за случившееся взял на себя Новиков. Он не сумел распланировать силы авиации так, чтобы они оказали максимальную помощь наступающим подразделениям. Штаб начал принимать необходимые меры для исправления положения. Новиков немедленно выехал на аэродром к разведчикам. Однако к вечеру поступила новая вводная. Птухин, возвратившись из штаба округа, собрал своих ближайших помощников:

— Наземные войска получили задачу провести разведку боем, — сказал он, — доискаться, в чем состоит секре-

⁸ Мерецков К. А. На службе народу. С. 185.

ты финских дотов. Нам предстоит сфотографировать с воздуха всю линию Маннергейма. Проклятые туманы...

— Товарищ командующий, — попросил слова комиссар штаба Шиманов. — На Карельском перешейке отличная погода. Полковник Новиков как-то рассказывал, что при подавлении контрреволюционного мятежа в Кронштадте летчики базировались на льду Финского залива.

— А где сам начальник штаба? — вопросительно посмотрел на присутствующих Птухин.

— В полку разведчиков, — доложил Шиманов. — Обещал вернуться к началу совещания, да что-то, видимо, помешало...

В этот момент на пороге выросла коренастая фигура полковника Новикова.

— Товарищ командующий, — начал он было доклад, но Птухин остановил его жестом:

— О каких таких ледовых аэродромах вы рассказывали комиссару?

Новиков сразу понял, о чем речь. Он и на совещание опоздал, собственно, по той же причине. Приказал водителю съехать на лед озера, чтобы проверить его крепость, а обратно никак. Забуксовала машина на подъеме. Спасибо саперам, помогли выехать на укатанную дорогу, а заодно измерили и толщину льда.

— Если мороз продержится два-три дня, — уверенно доложил он, — можно организовать полеты с замерзших озер. Конечно, после тщательной разведки.

— И тут разведка, — рассмеялся облегченно Птухин, потом жестко сказал: — Там, где позволяет толщина льда, начинайте с утра на У-2 и истребителях...

Работа закипела. Ее душой стали начальник и комиссар штаба ВВС. Они приложили много усилий для организации разведки ледовых аэродромов, размещения и питания личного состава частей в новых местах базирования, руководили разработкой планов боевых действий авиации округа в изменившейся обстановке. Главным же в начале 1940 г. стала организация фотографирования линии Маннергейма с воздуха.

7 января 1940 г. был образован Северо-Западный фронт во главе с командармом 1 ранга С. К. Тимошенко. В состав Военного совета фронта вошли А. А. Жданов, начальник штаба командарм 2 ранга И. В. Смородинов, начальник ВВС округа комкор Е. С. Птухин и корпусной

комиссар А. Н. Мельников⁹. А. А. Новиков стал начальником штаба ВВС фронта. Работы сразу же добавилось. В кратчайшие сроки пришлось провести огромную организационную работу, осуществить широкий аэродромный маневр.

В распоряжение командующего авиацией 7-й армии Героя Советского Союза комкора С. П. Денисова передавалась треть всех истребителей фронта, четверть бомбардировщиков и три четверти ночных бомбардировщиков. Были также сформированы две специальные авиационные группы. Авиацию на кандалакшском направлении возглавил Герой Советского Союза полковник И. Т. Спирин, а на ленинградском — полковник Б. В. Стерлигов.

Организуя воздушную разведку линии Маннергейма, полковник Новиков вместе со штабом под руководством командующего ВВС фронта Е. С. Птухина впервые стал планировать массированное применение авиации на направлении главного удара. Были учтены все просчеты в авиационном обеспечении декабрьского наступления. Однако дело было новым, малознакомым, требующим творческого подхода и настойчивого поиска. Работать приходилось почти целые сутки.

Анализ боевых вылетов бомбардировочной авиации убедил Новикова в том, что при совместных действиях ВВС округа с наземными войсками огромное значение имеет знание летным составом района и участков действий своих войск. Объекты противника в этом случае атакуются более уверенно и метко, а возможность поражения своих войск исключается. «Нужны самолеты поля боя, — думал Новиков, — рассматривая дешифрованные фотоснимки линии Маннергейма, — штурмовики, пикирующие бомбардировщики, способные поражать малоразмерные и точечные цели. Нужны самолеты непосредственного взаимодействия с наземными войсками. А что сейчас получается? Стремясь избежать случайных попаданий в свои войска, бомбардировщики действуют по вражеским объектам, находящимся не ближе 700—1000 м от нашей передовой. Чтобы вести бомбометание непосредственно по передовой противника, нужно тщательное предварительное изучение своих и чужих войск»¹⁰.

При подготовке к наступлению Новиков предложил организовать выезды командиров авиачастей и авиапод-

⁹ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 155.

¹⁰ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 37.

разделений вместе со штурманами на наблюдательные пункты дивизий и корпусов. Находясь на передовой, они изучали характерные ориентиры, знакомились с расположением своих и чужих войск, конкретно договаривались с общевойсковыми командирами по всем вопросам взаимодействия. Такой способ изучения местности, занимаемой противником, в сочетании с ознакомительными полетами экипажей ведущих групп над районом боевых действий полностью себя оправдал.

Авиационные штабы под руководством полковника Новикова принимали необходимые меры для установления тесной и бесперебойной связи с наступающими стрелковыми корпусами. Была создана служба делегатов связи, которые направлялись во все корпуса, действовавшие на направлении главного удара. Делегаты подбирались из наиболее тактически грамотных авиационных командиров. Находясь на командном пункте корпуса, делегат связи следил за продвижением своих войск, постоянно информировал общевойсковой штаб о всех боевых вылетах авиации.

Условия театра военных действий затрудняли определение с воздуха линии фронта. К тому же пехота не всегда охотно обозначала свой передний край, особенно когда продвигалась вперед. Это затрудняло действия авиации по целям, находившимся в непосредственной близости к передовой. Новиков условился с командованием наземных войск применять в зависимости от характера местности различные способы обозначения войск. Днем на открытых участках использовались сигнальные полотнища, а ночью — фонари «летучая мышь». В лесистой местности более эффективными оказались дым и световые сигналы. Дымовые шашки чередовались с ракетами различного цвета. Иногда практиковалось обозначение переднего края противника путем артиллерийского обстрела. О целесообразности этого способа Новиков и Воронов говорили еще в годы учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Тот давний разговор пришел им на память во время одной из встреч на Карельском перешейке.

Основным условием, которое обеспечило успех взаимодействия авиации и наземных войск в боях на Карельском перешейке, по мнению Новикова, была предварительная договоренность между командирами авиационных и наземных частей или между представителями командования ВВС и общевойскового соединения. В подготовительный период к наступлению штабы взаимодейст-

вующих частей составляли общую плановую таблицу боя или операции, где намечались по времени и рубежам боевые действия пехоты, артиллерии, танков и авиации, устанавливались сигналы и средства взаимного опознавания, определялся порядок прихода и ухода авиации с поля боя, обозначались высоты бомбометания с учетом высоты траектории артиллерийских снарядов. Составлялась также единая схема ориентиров и основных целей. Летный состав получал карты крупного масштаба, на которых определялись объекты удара.

Напряженная работа штабов дала свои результаты. В период с 11 по 19 февраля, когда прорывалась главная оборонительная полоса противника, тесно взаимодействуя с наступающей пехотой, танками и артиллерией, авиация нанесла ряд сильных ударов по обороняющемуся противнику. Она помогла артиллерии разрушить опорные пункты линии Маннергейма. Однако выявилось много провизок, в штаб ВВС фронта поступали разноречивые доклады о боевых действиях летчиков, не было единой концепции боевого применения авиации.

«Уже тогда, — вспоминал после войны А. А. Новиков, — на организации боевых действий отрицательно сказалось разделение авиации на армейскую и фронтовую. Плохо велся анализ результатов боевого применения бомб различных калибров, взаимодействие с наземными войсками часто отсутствовало. Назрела необходимость самому проверить боевые действия летчиков над полем боя. Пришлось поставить этот вопрос перед Военным советом фронта. С К. Тимошенко и А. А. Жданов разрешили мне участвовать в боевых вылетах в качестве летчика-наблюдателя»¹¹.

Постоянно выполняли боевые задания и другие работники штаба ВВС фронта. Комиссар Шиманов, например, организовал своеобразную службу по быстрейшему розыску вынужденно севших экипажей и оказанию им немедленной помощи. Он лично вылетал в трудных метеорологических условиях в 7-ю армию для оказания помощи вынужденно севшим экипажам 42-го дальнебомбардировочного авиаполка. В результате принятых мер было спасено несколько человек, введены в строй поврежденные самолеты. Пример комиссара вдохновлял авиаторов. В боях крепили дружба и взаимная выручка. Одиннадцать раз советские летчики, рискуя жизнью, приземлялись на

¹¹ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

вражеской территории, спасая своих товарищей, совершивших вынужденную посадку на подбитых машинах.

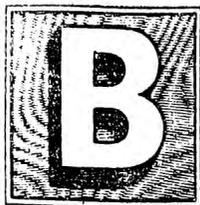
Новиков особенно взволновал один из боевых эпизодов. Девятка скоростных бомбардировщиков 44-го авиационного полка под прикрытием 15 истребителей 7-го авиаполка бомбили вражеские укрепления. Выполнив задание, бомбардировщики легли на обратный курс. В этот момент от зенитного снаряда загорелся самолет лейтенанта М. Ф. Мазаева. Пришлось совершить посадку на лед озера, находившегося в тылу противника. Тогда капитан М. Т. Трусов под огнем противника сел рядом с горевшей машиной, забрал экипаж Мазаева и благополучно взлетел. Капитану Трусову было присвоено звание Героя Советского Союза. Именно тогда фронтовая газета «На страже Родины» опубликовала известное стихотворение Александра Твардовского:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
А друга спасти — это высшая честь.

Прорыв главной полосы линии Маннергейма означал большую победу. В первых числах марта войска Северо-Западного фронта развернули бои за Выборг. С помощью авиации и эта боевая задача была успешно решена. Правительство Финляндии начало переговоры. 12 марта состоялось утверждение условий мирного договора, а 13 марта в 12 часов дня военные действия были прекращены.

Партия и правительство высоко оценили мужество советских воинов, участвовавших в боях на Карельском перешейке. Около 50 тысяч воинов были награждены орденами и медалями, свыше 400 человек, в том числе Е. С. Птухин, были удостоены звания Героя Советского Союза. Высшую награду Родины — орден Ленина получил А. А. Новиков. Ему было присвоено воинское звание комдив.

КОМАНДАРМ ЛЕНИНГРАДСКОГО НЕБА

августе 1940 г. на совещании в Кремле И. В. Сталин предложил перевести командира Е. С. Птухина в Киевский Особый военный округ.

— Кого назначим на его место? — спросил он присутствующих.

Начальник ВВС РККА Я. В. Смушкевич сказал, что необходимо подумать.

— Надо ли искать кандидатуру? — задал вопрос Сталин и сам же ответил на него: — Есть начальник штаба товарищ Новиков. Он работник хороший, проверен в финскую войну. Пусть он и командует авиацией в Ленинграде.

— Достоянная кандидатура, — подтвердил Нарком обороны С. К. Тимошенко.

— Предлагаю назначить товарища Новикова на место товарища Птухина, — сказал Сталин.

— Потому-то тебя, дорогой, и не вызывали в ЦК перед назначением. Раз твою кандидатуру выдвинул сам товарищ Сталин, какие могут быть беседы, — закончил рассказ о совещании в Кремле Птухин после возвращения из Москвы. — Принимай, друже, дела. Как говорится, большому кораблю — большое плавание¹.

Вступление Новикова в новую должность совпало с проведением опытного учения с высадкой воздушного десанта. В ходе учения на самолетах доставлялись орудия, минометы, автомашины, танки и другая техника. В воздушноподесантной бригаде совершались одиночные и групповые прыжки десантников с полным снаряжением и вооружением

¹ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

с высоты 400, 300 и 200 метров. Начальник ВВС округа вникал во все детали учения, знакомился с боевой техникой десантирования, уточнял варианты загрузки транспортных самолетов различных типов. Все это было необходимо для организации более тесного взаимодействия авиаторов и десантников. Новиков хорошо видел перспективу развития воздушно-десантных войск и всячески содействовал росту темпов их развития.

Личный состав военно-воздушных сил округа жил заботами дальнейшего повышения боевой выучки частей и соединений. Новиков поставил дело так, чтобы оперативно-тактическая подготовка всей ленинградской авиации проводилась с учетом боевого опыта и в тесном взаимодействии с общевойсковыми штабами и наземными войсками. Освоение организации и ведения общевойскового боя оставалось одной из основных задач авиационных командиров. Особое внимание на всех занятиях и учениях уделялось организации управления авиационными частями по радио.

Командующий ВВС округа был страстным поборником массового соревнования в совершенствовании боевого мастерства, организации партийно-политической работы в отрядах и эскадрильях. Он лично участвовал в подведении итогов соревнования, награждал отличившихся, ставил их в пример. Его выступления перед личным составом отличались глубиной мысли, образностью речи, партийной принципиальностью. Авиаторы любили Александра Александровича. Он мог зажечь людей своими идеями и повести их за собой.

Человек творческого ума, огромного трудолюбия, постоянно заботящийся об укреплении боеспособности ленинградской авиации, он никогда не останавливался на достигнутом. И нет вины Новикова в том, что военно-воздушные силы округа были к началу войны в стадии развертывания и перевооружения. В таком положении к лету 1941 г. оказались все ВВС Красной Армии.

Начало Великой Отечественной войны застало генерал-майора авиации Новикова в готовности к поездке из Ленинграда в Москву за назначением на должность командующего ВВС Киевского Особого военного округа. Домой он вернулся на исходе первого часа ночи. Не успел принять перед сном душ, как раздался телефонный звонок. Звонил начальник штаба округа генерал Д. Н. Никишев.

— Прошу срочно прибыть в штаб округа, — проговорил он возбужденным голосом.

Никишев встретил сухо. Он был очень взволнован и тут же без всяких предисловий объявил, что на рассвете ожидается нападение фашистской Германии на Советский Союз, и протянул Новикову директиву, подписанную Тимошенко и Жуковым.

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»².

— Это же война, — сказал Новиков, непроизвольно взглянув на часы.

Было около двух часов ночи.

Уже при возвращении в штаб ВВС округа Александр Александрович составил четкий план своих действий на ближайшие часы. Он понимал: дорога каждая минута и очень важно во всей многосложной цепи дел, связанных

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1984. Т. 1. С. 300—301.

с переводом авиации округа на военное положение, выбрать главное звено. О том, что он юридически не является командующим, даже мысли не появилось. Не до этого — война на пороге.

За мобильность штаба Новиков был спокоен, знал: каждый справится со своей задачей. Надо лично предупредить командиров соединений, чтобы немедленно — благо белые ночи еще не кончились — рассредоточили самолеты по полевым аэродромам, подготовили летный состав к боевым вылетам.

Отдав все необходимые распоряжения и поставив задачи штабным командирам, Новиков вместе с заместителем главного инженера ВВС округа А. Л. Шепелевым выехал на аэродром Горелово, куда накануне прибыл эшелон новых скоростных истребителей МиГ-3.

— Надо как можно быстрее ввести в строй прибывшие с завода самолеты, — сказал Новиков инженеру. — Сто новых боевых машин — немалая сила!

Таким образом, главным звеном в работе Новикова в ранние часы 22 июня стала забота о вводе в боевой строй максимально возможного количества истребителей. Александр Александрович еще и еще раз мысленно оценивал возможности подчиненной ему авиации. Из всех имеющихся авиационных полков более половины были не полностью укомплектованы авиационной техникой, а полки формирования не имели ни самолетов, ни личного состава. Были лишь номера и штабы. Более 700 летчиков прибыло из школ лишь осенью 1940 г. Зимой они проходили одиночную подготовку, но не успели закончить программу обучения. Медленно осваивались самолеты новых типов. В двух старейших дивизиях только каждый четвертый летчик мог летать на скоростных истребителях. Правда, успокаивало то, что старые типы самолетов были освоены хорошо. Летчики — участники боевых действий в Испании, на Халхин-Голе и войны с Финляндией имели достаточный опыт³.

Знал Новиков, что в боевом составе ВВС округа числится 1332 самолета, но он знал и то, что в полной боевой готовности находится чуть больше тысячи машин. Почти половина скоростных истребителей все еще в стадии сборки и облетов, около 150 самолетов ремонтировались⁴.

³ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 178.

⁴ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 64.

А что же есть у немцев? Александр Александрович вздохнул. На севере от Ленинграда гитлеровцы держат 5-й воздушный флот. Вместе с финской авиацией у них 900 самолетов. Вроде бы не так уж много. Но надо учитывать не только количество самолетов, а и качество всей техники, которая обеспечивает полеты, и аэродромную сеть, и многое-многое другое, что необходимо на войне.

Вероломное нападение гитлеровцев на нашу страну генерал Новиков встретил, как подобает испытанному бойцу партии, закаленному авиационному военачальнику. С первых часов боевых действий особенно ярко проявились его выдержка, уверенность в победе, реалистический подход к оценке обстановки и твердость в принятии решений, способствующих эффективному применению авиации в борьбе с агрессором. Нацеленность командующего на победу, его спокойствие и уравновешенность благотворно влияли на командиров штаба, передавались в войска.

23 июня после тщательного обсуждения всех вариантов Новиков подписал приказ, закрепивший дислокацию авиации округа. ВВС 14-й армии, насчитывающие 142 боевых самолета, с разведывательной эскадрильей и эскадрильей связи должны были прикрыть мурманское и кандалакшское направления. Командующий понимал, что надо было бы усилить авиацию этой армии, но сил не хватало. ВВС 7-й армии, которые располагали всего 83 самолетами, имея разведывательную эскадрилью, прикрывали петрозаводское направление. Новиков не считал это направление опасным и приказал изъять из состава 55-й смешанной авиадивизии 153-й истребительный авиационный полк, усилив им ВВС 23-й армии, а взамен приказал перебросить под Петрозаводск 155-й истребительный авиаполк, укомплектованный молодыми летчиками. Он рассчитывал, что на относительно спокойном участке фронта молодые пилоты успеют набраться мастерства и к решающим событиям, если таковые здесь наступят, окажутся вполне подготовленными. ВВС 23-й армии базировались на Карельском перешейке. Это направление в плане обороны считалось главным. Именно со стороны Выборга советское командование усматривало наибольшую опасность Ленинграду. Исходя из этих соображений, Новиков стремился создать на Карельском перешейке наиболее сильный воздушный заслон, сосредоточив там самую мощную авиагруппировку. В двух смешанных авиадивизиях,

расположенных на Карельском перешейке, насчитывалось 435 боевых самолетов.

Большие надежды Александр Александрович возлагал на фронтовую авиагруппу, которая подчинялась непосредственно ему, базировалась на аэродромах к югу от Ленинграда и включала в себя две авиадивизии, две корпусные эскадрильи, четыре эскадрильи связи и одну санитарную. Всего в группе было 317 боевых машин⁵.

Содержание одного из первых военных приказов генерал-майора авиации Новикова полностью соответствовало предвоенным планам командования, которое было твердо уверено, что войскам округа придется действовать лишь на советско-финской границе — от Баренцева моря до Финского залива. Именно отсюда ожидалась наибольшая опасность городу. Угроза Ленинграду с юго-запада, со стороны Восточной Пруссии, в расчет почти не принималась. Это направление прикрывали войска Прибалтийского Особого военного округа.

Готовясь к отражению налетов противника на Ленинград, командующий ВВС фронта с первых часов войны думал о нанесении сокрушительных ударов по противнику всеми силами авиации, о завоевании оперативного господства в воздухе в полосе фронта. «Почему бы нам, — размышлял он, — с самого начала боевых действий не претворить в жизнь одно из положений нового Полевого устава Красной Армии, выпущенного в свет накануне войны? Сам же по поручению наркома писал авиационный раздел устава, где прямо сказано, что «боевая авиация может решать крупные оперативные задачи во все периоды войны». А какая из них главная? Завоевание господства в воздухе! Это не только тактическая, но и оперативно-стратегическая задача. Чем Гитлер брал при вторжении в Польшу, Данию, Бельгию, Голландию, во Францию? Мощными ударами бомбардировщиков по основным аэродромам противника, причем на максимальную достижимую глубину базирования вражеских ВВС».

Судя по скудным сообщениям из других приграничных военных округов, кроме городов Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир и Севастополь гитлеровцы подвергли массированным налетам советские аэродромы, военно-морские базы, группировки войск. Нужно было принимать срочные меры, чтобы обезопасить от такой участи

⁵ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 67—68.

Ленинград, места базирования авиачастей и наземных войск.

«Воздушная операция! — зрелая мысль. — На западном и южном направлениях она вряд ли возможна. Там, судя по всему, гитлеровцы ховяйничают в небе. Здесь, на Северном фронте, они пока особой активности не проявляют. Упредить врага! Нанести массированный удар по его аэродромам! И нанести как можно быстрее. Дорог каждый час. Только массированное использование ВВС в решающий момент позволит достичь наибольших результатов».

Александр Александрович высказал свои соображения заместителям. Идею массированных ударов по вражеским аэродромам в Финляндии поддержали все. Тут же прикинули имеющиеся возможности. Получилась довольно солидная ударная сила — около 500 самолетов.

— Одновременно, на всем фронте от Выборга до Мурманска? — восхищенно сказал один из штабных командиров. — Такого еще не знала история оперативного искусства.

— Но приказа о запрещении налетов на Финляндию никто не отменял, — напомнил заместитель Новикова полковник И. П. Журавлев.

— Договоримся так, — прервал полемику Новиков. — Штаб разрабатывает операцию на шесть суток. Необходимо прежде всего скоординировать действия сухопутной и морской авиации, всех частей и соединений по месту и времени, определить методику бомбоштурмовых ударов, их последовательность, выбрать маршруты и первоочередные цели. Даю на это двадцать четыре часа. В полной мере используйте опыт массированного применения авиации, полученный при прорыве линии Маннергейма.

Работа предстояла колоссальная. Необходимо было подчинить единому замыслу командования разрозненные силы ВВС трех наземных армий, двух флотов и фронтовой авиагруппы. На 7-й истребительный авиакорпус ПВО и 39-ю истребительную авиадивизию возлагалась защита Ленинграда с воздуха.

С предварительными пометками плана операции Новиков прибыл в штаб фронта. Командующий генерал-лейтенант М. М. Попов и член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев внимательно выслушали его, переглянувшись.

— Если не будем медлить, — твердо сказал Новиков, — то ослабим северную авиационную группировку

врага, сорвем ее массированные палеты на Ленинград, начнем борьбу за господство в воздухе.

Предложение было заманчивым. Оно вытекало из принципиальных установок советского военного искусства, учитывало сложившуюся обстановку, отличалось новизной и смелостью. Замысел операции немедленно доложили в Москву. Ставка Главного Командования одобрила его, план воздушной операции был утвержден. В штабе ВВС фронта состоялось партийное собрание. С докладом выступил генерал Новиков; обрисовав общий замысел операции, поставил перед коммунистами управления и штаба задачи.

«На завершение подготовки операции, — вспоминал заместитель главного инженера ВВС фронта А. Л. Шепелев, — отводились одни сутки. Поэтому выступавшие в прениях вели речь прежде всего о том, как лучше использовать это время, чтобы успешно выполнить задание Главного Командования. Они говорили о высокой ответственности коммунистов, призванных обеспечить общий боевой подъем.

Я и поныне вспоминаю это первое после начала войны партийное собрание. Оно сыграло огромную мобилизующую роль. Каждый из нас чувствовал необыкновенный прилив энергии, готов был отдать все свои силы и знания, чтобы как можно лучше выполнить боевую задачу»⁶.

Коммунисты управления и штаба ВВС округа разъехались по аэродромам. На исходе суток Новикову доложили, что в большинстве частей и соединений подготовка к массированному удару закончена, самолеты, которые предстояло послать на задание, к старту готовы.

Начался четвертый день войны. Все нити управления авиацией Северного фронта, Краснознаменного Балтийского и Северного флотов находились в руках генерала-майора авиации А. А. Новикова и штаба ВВС Северного фронта. Операция, в которой участвовало более 500 самолетов, началась в точно заданное время. Почти двадцать аэродромов было подвергнуто ударам с воздуха. Враг не ожидал такой активности советских ВВС на этом направлении и фактически не смог организовать противодействия. На земле и в воздухе был уничтожен 41 вражеский самолет⁷. Советская авиация потерь не имела.

— Неплохое начало, — кратко подвел итоги первого

⁶ Шепелев А. Л. В небе и на земле. М., 1974. С. 82—83.

⁷ См.: Авиация и космонавтика СССР. М., 1968. С. 93.

А. А. Новиков. 1919 г.

А. И. Новиков

Е. И. Новикова

◀ Нижегородские курсы.
Второй слева в среднем
ряду А. А. Новиков. 1920 г.

▼ Школа «Выстрел». Второй
справа в первом ряду
А. А. Новиков. 1922 г.

Военно-полити-
ческая школа
Отдельной Кав-
казской армии.
В первом ряду
второй слева
А. А. Новиков.
1925 г.

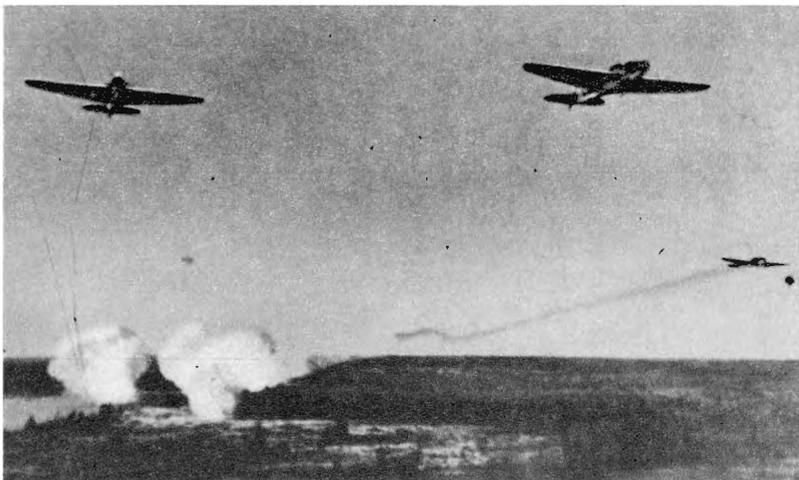
5-я группа 2-го курса основного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. Во втором ряду стоят: первый справа А. А. Новиков, второй слева Н. Н. Воронов. 1929 г.

И. П. Уборевич, Е. И. Ковтюх,
Е. С. Птухин, С. П. Денисов

◀ Летчики эскадрильи. Вто-
рой слева А. А. Новиков.
1936 г.

Цель поражена

К. Е. Ворошилов, Ф. Я. Фалалеев, А. А. Новиков, А. К. Репин на летно-тактическом учении. 1942 г.

А. А. Новиков. 1941 г. ►

С. А. Лавочкин

М. М. Раскова

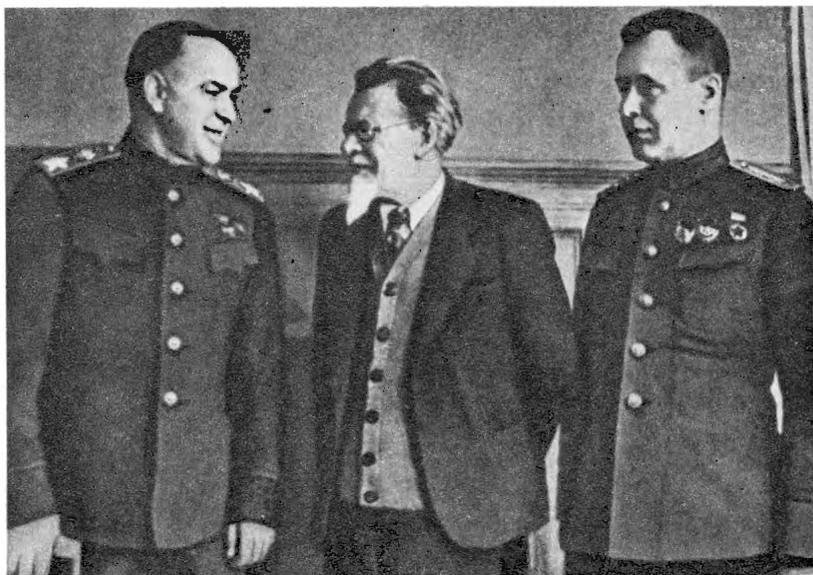
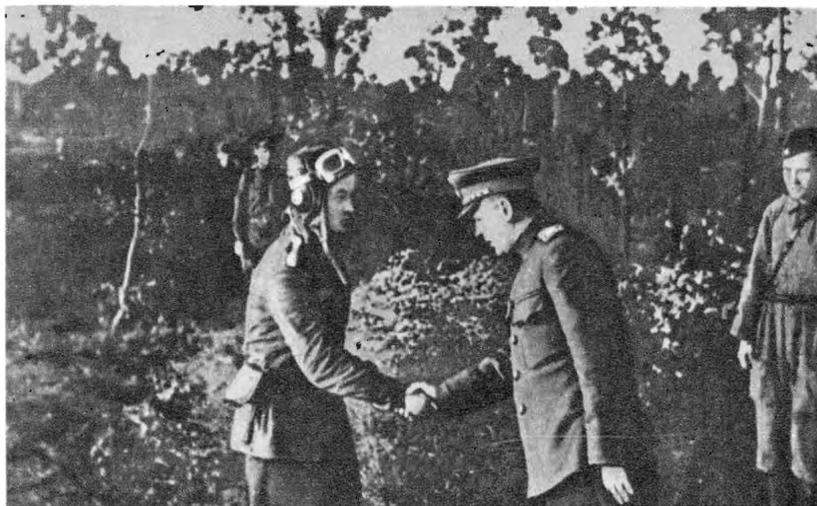

Т. Т. Хрюкин

А. К. Горовец

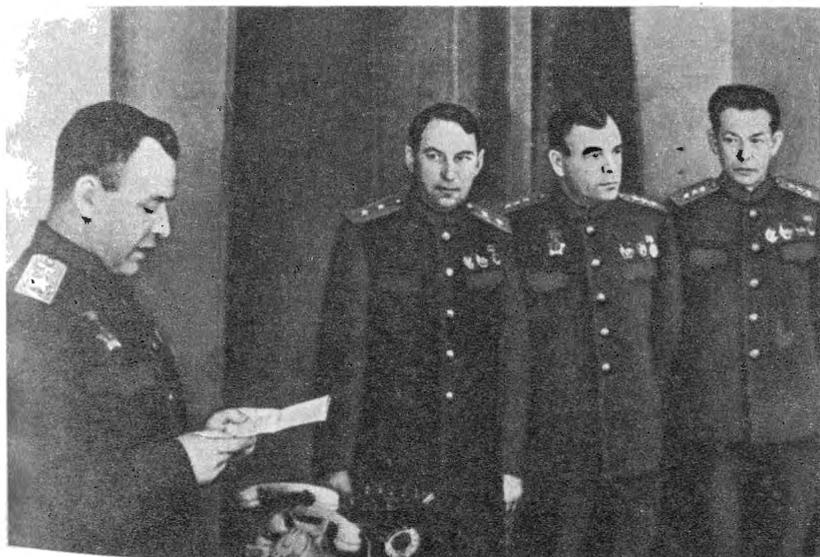
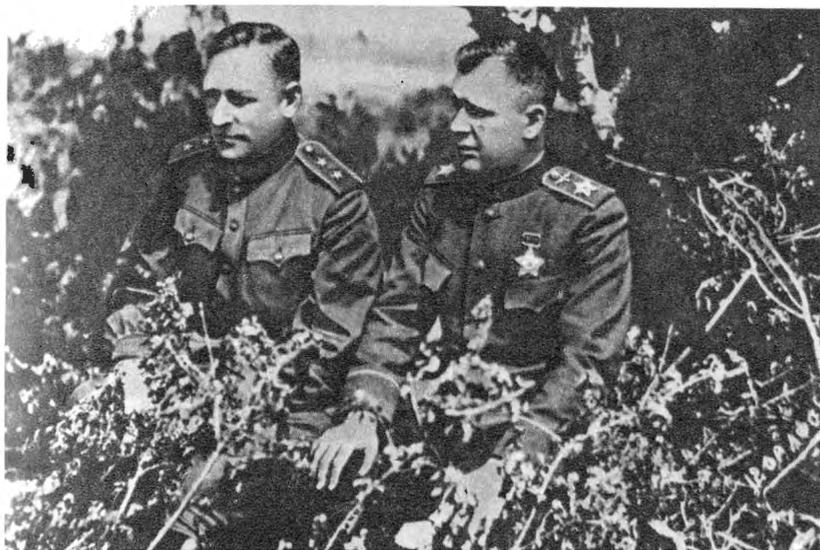

**С. А. Худяков, А. А. Новиков,
М. М. Громов (первый ряд).
1942 г.**

**А. А. Новиков поздравляет
А. П. Маресьева со сбитым
самолетом врага. 1943 г.**

**После вручения ордена Су-
ворова I степени. Г. К. Жуков,
М. И. Калинин и А. А. Нови-
ков. 1943 г.**

Н. С. Скрипко и А. А. Новиков. 1943 г.

А. А. Новиков, Н. С. Шиманов, Ф. Я. Фалалеев и А. В. Никитин. 1943 г.

А. А. Новиков, А. Е. Голованов, М. Н. Кожевников на передовом пункте управления. 1943 г.

А. Н. Ефимов

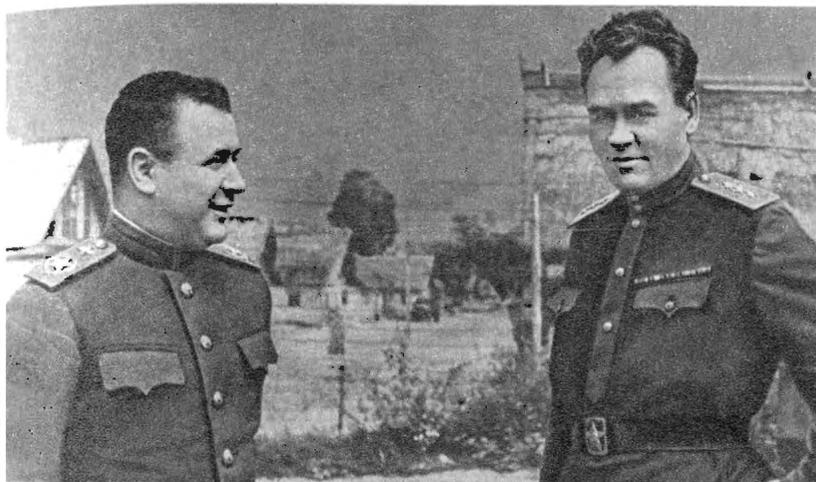
Г. В. Зимин

М. П. Одинцов

◀ А. А. Новиков
на командном пункте.
1943 г.

◀ А. А. Новиков и К. А. Вер-
шинин. 1944 г.

▶ А. А. Новиков,
Н. Н. Воронов и
Н. А. Булганин.
1943 г.

А. А. Новиков. 1944 г.

налета Новиков. — Но помните и другое, — обратился он к генералам и командирам штаба, — цыплят по осени считают. Необходимо тщательно подготовить людей и технику к следующим вылетам, уточнить обстановку на остальных вражеских аэродромах, обеспечить летному составу полноценный отдых. Операция началась, операция продолжается, — закончил он. — Нельзя ослаблять и напряжение ударов по железнодорожным узлам, станциям и районам сосредоточения войск на мурманском, кандалакшском и выборгском направлениях. Каждый удар должен быть массированным.

За шесть суток налетам советской авиации подверглись 39 аэродромов противника. В воздушных боях и на земле враг потерял 130 самолетов⁸ и был вынужден оттянуть свою авиацию на тыловые базы, что, естественно, ограничило маневр неприятельских бомбардировщиков. Угроза налетов на Ленинград была ликвидирована.

«Эта первая в истории советской авиации многодневная операция, — отметит после войны А. А. Новиков, — убедила нас, что массированные удары по глубинным аэродромам — надежное средство борьбы с вражеской авиацией. С тех пор такие налеты стали проводиться регулярно»⁹.

Обстановка на фронте начала ухудшаться. К 27 июня четко выявились направления главных ударов гитлеровцев. 18-я армия вермахта двигалась на Ригу, 16-я армия и 4-я танковая группа устремились к Ленинграду по прямой — Даугавпилс — Остров — Псков — Луга. Стало ясно, что если войскам Северо-Западного фронта не удастся сбить темпы вражеского наступления, то скоро бои начнутся на подступах к городу Ленина.

Новиков прекрасно понимал, что в этом случае ленинградским летчикам придется воевать на два фронта — на севере и юге. Нужен был маневр силами авиации, но где взять эти силы? А в его подчинении так много молодых, необстрелянных летчиков. Хватит ли у них стойкости? Ответ на этот вопрос пришел из 39-й истребительной авиационной дивизии. Полковник Е. Я. Хользаков сообщил по телефону, что комсомолец младший лейтенант Петр Харитонов в районе Острова на истребителе И-16 таранил бомбардировщик Ю-88 и благополучно приземлился.

⁸ См.: Тимохович И. В. В небе войны. М., 1986. С. 20.

⁹ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 51.

Звонок этот прозвучал перед самым отъездом Новикова в Смольный, в штаб фронта. Свой обычный доклад о делах он и начал с рассказа о подвиге Петра Харитонова.

— Это замечательно! — взволнованно произнес Александр Александрович. — Каких богатырей воспитали наша страна, наша партия, наш комсомол!

29 июня подвиг Харитонова повторили летчики того же 158-го истребительного авиационного полка кандидат в члены партии младший лейтенант Степан Здоровцев и комсомолец младший лейтенант Михаил Жуков. Докладывая об этом в штабе, Новиков предложил представить летчиков к званию Героя Советского Союза, потом доложил в Ставку о подвиге славных соколов и о предложении отметить их мужество. Сталин одобрил награждение. Разговор по телефону и телеграмма в Москву заменили обычные наградные листы. 8 июля 1941 года П. Т. Харитонов, С. И. Здоровцев и М. П. Жуков стали Героями Советского Союза.

Одну за другой одерживали победы ленинградские летчики. Добивались успеха истребители и бомбардировщики, воздушные разведчики и штурмовики, экипажи самолетов связи. Но обстановка юго-западнее города накалялась. В Ленинграде началась эвакуация. За отцом с матерью и детьми Александр Александрович прислал машину. Когда все было готово к отъезду, куда-то исчез старший сын Лев. Битый час искали мальчишку, который категорически отказался покинуть Ленинград вместе со спецшколой ВВС, в которой учился. И все поняли, что Лева твердо решил остаться вместе с отцом. Александр Александрович в душе одобрил поступок сына, но он не предполагал, какие испытания выпадут им через считанные недели.

Когда они встретились поздно вечером, отец был категоричен:

— В штабе не появляться. Устраивайся на работу в мастерские и не вдумай бежать на фронт. Каждый вечер сообщай мне о своем местонахождении.

5 июля Военный совет фронта принял решение о создании лужской оперативной группы войск. Линия обороны к тому времени уже проходила по реке Луга от Кингисеппа до озера Ильмень. Новикову пришлось перенацелить главные силы авиации Северного фронта на помощь войскам Северо-Западного фронта. Там стали действовать три авиадивизии и дальнебомбардировочный

авиакорпус Главного Командования, оперативно подчиненный командованию ВВС Северного фронта.

Новиков стал управлять большой авиационной группировкой в интересах двух фронтов. По его приказу 29 июня 44-й Краснознаменный бомбардировочный авиационный полк 2-й смешанной авиадивизии полковника П. П. Архангельского совершил налет на переправу врага через Западную Двину. С 30 июня на даугавпилском направлении начала действовать и 8-я бригада морской авиации, которой командовал генерал-майор Н. Т. Петрухин. Минно-торпедный и два бомбардировочных полка ее подвергли ударам скопления немецко-фашистских войск у Даугавпилса. В этом налете советские летчики совершили подвиг, который яркой страницей вошел в историю Великой Отечественной войны. Выручая своего ведомого, младший лейтенант П. С. Игашов на горящем бомбардировщике ДБ-3 пошел на таран вражеского истребителя Ме-109. Ценой жизни командир экипажа П. С. Игашов, штурман Д. Г. Парфенов, стрелок-радист А. М. Хохлачев и воздушный стрелок В. Л. Новиков добились победы ¹⁰.

Свое отношение к такому роду подвигов А. А. Новиков выразил в своих воспоминаниях: «Любой прием воздушного боя требует от летчика отваги, мужества и мастерства. Но таран, тем более лобовой, предъявляет к человеку неизмеримо более высокие требования. Воздушный таран — это не только молниеносный расчет, исключительная храбрость и самообладание. Таран в небе — это прежде всего готовность к самопожертвованию, последнее испытание на верность своему народу, своим идеалам. Это одна из наивысших форм проявления того самого морального фактора, присущего советскому человеку, которого не учел, да и не мог учесть враг, так как он имел о нашем народе, о нашем строе весьма смутное представление. И не случайно за всю войну ни один вражеский пилот не отважился на таран» ¹¹.

10 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление об образовании главных командований Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. В состав Северо-Западного направления вошли Северный и Северо-Западный фронты, Северный и Краснознаменный Балтийский флоты. Главкомандующим войсками этого направления был назначен Маршал

¹⁰ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 76.

¹¹ Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 78, 79.

Советского Союза К. Е. Ворошилов, членом Военного совета — А. А. Жданов, начальником штаба — М. В. Захаров, командующим ВВС — А. А. Новиков. И хотя никаких особых прав командующий ВВС паправления при этом не получил, положение улучшилось.

Новиков не знал тогда, что верховное главное командование гитлеровцев обязало группу армий «Север» быстрее покончить с Ленинградом и Гитлер рассчитывал быть в городе на Неве в конце июля. Но он видел, как решительно враг повел наступление по всему фронту от Идрицы до Псковского озера. Осложнилась обстановка и на Карельском перешейке. Армия финнов прорвалась к северо-восточному побережью Ладоги и расчленила надвое 7-ю армию. Выборгская группировка советских войск оказалась не прикрытой с тыла. 14 июля Главное командование Северо-Западного направления в приказе войскам заявило, что над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения врага.

К середине июля в районе боев гитлеровцы имели двойное превосходство в воздухе. Драматичность обстановки, качественное и количественное превосходство вражеской авиации, несоответствие некоторых весьма важных тактических и организационно-управленческих форм и методов наших ВВС требованиям войны заставили Новикова и штаб ВВС фронта перестраиваться на ходу.

По инициативе командующего было решено собирать авиацию в кулак. Не меняя ее деление на фронтовую и армейскую, убирали все промежуточные звенья управления. Значительным изменениям подвергся и порядок управления ВВС общевойсковых армий. Бомбардировочные силы ВВС 23-й армии были полностью сведены во фронтовую группу, а ее истребительную авиацию часто использовали для действий на юго-западе от Ленинграда. Только ВВС 14-й и 7-й армий ввиду их удаленности от Ленинграда и самостоятельности боевых задач оставались автономными и действовали по указанию военных советов общевойсковых армий¹².

✓ Хотя силы авиации противоборствующих сторон в небе Ленинграда были неравными, гитлеровцам так и не удалось в первые месяцы войны добиться господства в воздухе. Борьба шла, по сути, на равных. Вот что записал в своем служебном дневнике немецкий генерал Гальдер 16 июля: «В общем, в действиях авиации противника

¹² См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 92.

ясно чувствуется твердое и целеустремленное руководство»¹³.

Равенство в борьбе за господство в воздухе на дальних подступах к Ленинграду было достигнуто умелой организацией боевых действий авиации, своевременной концентрацией ее сил на важнейших участках фронта, мастерством и героизмом ленинградских летчиков. Они совершали по пяти-шести боевых вылетов в день, воевали на пределе физических и моральных сил, сражались до последнего патрона, а когда кончались боеприпасы, смело шли на таран. Только за 40 дней войны они нанесли 20 таранных ударов, которые буржуазные авиационные историки после войны назовут «советским феноменом». Страх перед тараном сковывал действия фашистов, мешал им в полной мере использовать превосходство своих самолетов. Они начали избегать сближения с советскими истребителями.

Летчики, сбитые над территорией, временно оккупированной гитлеровцами, вступали в бой на земле. Однажды Новикову доложили об одном из таких случаев. В районе Острова при выполнении воздушной разведки был сбит экипаж старшего лейтенанта П. А. Маркуца. После приземления на парашютах в лесу летчики встретили большую группу красноармейцев из 749-го стрелкового полка. Бывший кавалерист, участник боев на КВЖД, Дальнем Востоке, в Монголии и на Карельском перешейке, старший лейтенант П. А. Маркуца возглавил группу и с боями вывел ее в расположение наших войск.

Выслушав доклад комиссара штаба ВВС фронта М. И. Сулимова, Новиков твердо решил:

— Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Это предложение поддержал член Военного совета Северо-Западного направления А. А. Жданов, и 22 июля 1941 г. старшему лейтенанту Павлу Андреевичу Маркуцу было присвоено звание Героя Советского Союза.

✓ Учитывая возрастающую угрозу Ленинграду и большую протяженность фронта, пришлось вносить коррективы в управление авиацией. К 20 июля в штабе ВВС фронта совместно с командованием ВВС Краснознаменного Балтийского флота и 2-го корпуса ПВО страны был разработан единый план боевых действий ленинградской авиации. Вся территория, прилегающая к Ленинграду с

¹³ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Кн. 3. С. 145.

севера, запада и юга, в границах фронта и в оперативной глубине противника была разделена на зоны разведки и уничтожения вражеской авиации на земле и в воздухе, которые были закреплены за авиацией 7-й и 23-й армий, фронтовой группы, КБФ и 7-го истребительного авиакорпуса ПВО¹⁴. Это упорядочило работу и способствовало более экономному и результативному расходованию сил и средств.

В разработке плана активное участие принимали командующий ВВС КБФ генерал М. И. Самохин, командир 7-го истребительного авиакорпуса ПВО полковник С. П. Данилов и их штабы. Главным координатором этой работы стал генерал А. А. Новиков. Это тоже было новинкой. Объединение усилий авиации под единым руководством старшего авиационного начальника на Северо-Западном направлении положило начало новой форме управления Военно-воздушными силами.

✓ Военный совет фронта, рассмотрев положение обороны Ленинграда с воздуха, принял постановление о дальнейшем повышении боевой готовности авиации и об улучшении работы службы воздушного наблюдения и своевременного оповещения 7-го истребительного авиационного корпуса и его частей о воздушных налетах противника на основных направлениях¹⁵. Использование радиолокационной техники в системе противовоздушной обороны Ленинграда впервые было внедрено в боевую практику также под непосредственным руководством генерал-майора авиации Новикова. Первые радиолокационные станции, получившие название «Редут», поступили на вооружение системы ПВО Ленинграда буквально накануне Великой Отечественной войны. Они имели неплохие по тому времени тактико-технические данные. Дальность обнаружения воздушных целей превышала 100 километров. Некоторые опытные операторы могли даже определить, что за цель движется в воздухе.

Когда Новикову доложили об этом, он немедленно выехал в отдельный радиобатальон, личный состав которого обслуживал эту технику. Состоялся обстоятельный разговор со специалистами.

— Очень хорошо, — сказал Новиков, — что вы в любую погоду и в любое время суток можете передать на

¹⁴ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 109.

¹⁵ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 213.

командный пункт координаты воздушных целей. А нельзя ли с помощью «Редутов» определять не только расстояния до вражеских самолетов, но и высоту их полета?

Специалисты радиобатальона доложили, что такая работа уже ведется и получены обнадеживающие результаты.

— Молодцы! Следует подумать и о сокращении времени передачи информации с пульта станции на аэродром, а то и прямо на борт самолета.

Эта встреча Новикова с радиолокаторщиками состоялась за несколько дней до начала войны, но мало кто мог предполагать тогда, что уже вскоре радиолокаторам придется сыграть важную роль в защите города. События в июле 1941 г. развивались с трагической быстротой. Все острее сказывалась нехватка боевой техники. Надо было все, что находилось в распоряжении командующего ВВС фронта, использовать с максимальной пользой. Стоило чуточку спастись напряжению на лужском оборонительном рубеже, как Новиков приказал возобновить налеты на вражеские аэродромы. Первый такой удар был нанесен на рассвете 20 июля не бомбардировщиками, а группой истребителей, которые сумели уничтожить 14 фашистских самолетов¹⁶. После этого налета было организовано еще два удара с участием бомбардировщиков. Результат превзошел все ожидания: 50 советских самолетов уничтожили 55 вражеских машин¹⁷.

Даже Новиков, горячо доказывавший, что надо смелее использовать для штурмовых действий по аэродромам противника истребители, не ожидал такого эффекта. По его инициативе стали создаваться штурмовые комбинированные авиагруппы, состоявшие из истребителей разных типов. В состав группы, как правило, входили И-153 с бомбами, И-16 с пушками и эрсами, МиГ-3 с эрсами, МиГ-3, ЛаГГ-3 и Як-1 с обычным вооружением. Группа делилась на две части — ударную и прикрывающую. Первая наносила основной удар и вела атаки с бреющего полета или с пикирования с разных направлений, вторая прикрывала первую с воздуха, одновременно добывая врага на земле и при взлете.

К 20 августа соотношение сил в воздухе составляло уже 2,5:1 в пользу противника. Новиков и начальник

¹⁶ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 106.

¹⁷ Там же.

штаба ВВС фронта генерал А. П. Некрасов обсуждали создавшееся положение.

— Истребителям придется подниматься в воздух до шести раз в день, — сказал командующий.

— Выдержат ли они такую нагрузку? — усомнился начальник штаба. — Ведь уже были случаи, когда летчики теряли сознание после посадки.

20 августа в Смольном состоялось собрание партийного актива города в связи с угрозой, нависшей над Ленинградом. Показав на карте, где проходит линия фронта, К. Е. Ворошилов сказал, что необходимо мобилизовать все силы и средства, чтобы остановить врага, увеличить производство вооружения. Было также решено провести в минимально сжатые сроки такую же мобилизацию трудящихся города, как это было сделано в 1918—1919 гг. «Враг у ворот, — говорилось на собрании. — Вопрос стоит о жизни и смерти»¹⁸.

22 августа в соответствии с указанием Ставки Военный совет Северного фронта выработал план обороны города. Этим планом предусматривалось произвести перегруппировку войск, в том числе и авиации, усилить оборону существующих рубежей и продолжать сооружение новых. Кроме того, перед Ставкой Верховного Главнокомандования был поставлен вопрос о расчленении Северного фронта на два самостоятельных — Ленинградский и Карельский. Приняв это решение, ГКО упразднил Военный совет обороны Ленинграда и передал его функции Военному совету Ленинградского фронта. Скоро было упразднено и командование Северо-Западного направления. За безопасность города революции стал единолично отвечать Ленинградский фронт, авиацию которого возглавлял А. А. Новиков.

После разделения фронта на Ленинградский и Карельский в распоряжении Новикова осталось 326 боевых самолетов, причем треть из них находилась в ремонте¹⁹. Главную угрозу Ленинграду в этот момент создавала южная группировка гитлеровцев. Новиков внимательно следил за обстановкой на аэродромах противника, расположенных неподалеку от линии фронта. Такими аэродромами были Лисино вблизи железнодорожной станции Волосово на гатчинском направлении и Спасская Полисть,

¹⁸ Цит. по: Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. М., 1961. С. 15.

¹⁹ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 142.

что в 30 км на юго-запад от Чудово. По приказу командующего ВВС фронта за ними было установлено наблюдение с воздуха.

Такая предусмотрительность оказалась весьма необходимой. В одном из вылетов группа истребителей обнаружила на аэродроме Лисино более двух десятков вражеских самолетов. Советские летчики немедленно устремились в атаку и уничтожили пять из них. Ведущий группы через командира дивизии попросил разрешения повторить налет. Узнав об этом, Новиков приказал усилить группу. На задание вылетела уже семерка МиГ-3, и враг лишился еще 10 истребителей.

Еще! большой успех выпал на долю истребителей, которые штурмовали аэродром в районе Спасской Полисти. В полете участвовало 40 машин. Благодаря четко организованному взаимодействию нашим летчикам удалось на земле и в воздухе за один вылет уничтожить 55 фашистских бомбардировщиков и истребителей. И это тогда, когда до установления блокады Ленинграда с суши оставались считанные дни!

Новикову не давала покоя главная задача авиации — оказание помощи наземным войскам на поле боя. В августе с этой целью было совершено более половины всех самолето-вылетов²⁰. Не легче пришлось и в сентябре. К тому времени противник наступал на Ленинград с четырех сторон: на Копорье, к южному побережью Финского залива, на Красногвардейск, к Шлиссельбургу, а также на Карельском перешейке. Упорным сопротивлением советским частям и соединениям при поддержке авиации удалось сбить темп продвижения врага более чем в два раза, а на отдельных участках остановить его.

Когда противнику удалось захватить Мгу, выйти к Неве у ее излучины и подойти к реке Сестра, в ставке гитлеровского командования считали, что вопрос взятия Ленинграда может быть решен буквально в течение нескольких дней. Фашисты были так уверены в захвате Ленинграда, что уже назначили своего коменданта города, который поспешил раздать высшим чинам группы армий «Север» специальные пропуска для проезда по Ленинграду без проверок.

Гитлеровское командование явно переоценило возможности своих войск. Как раз в это время в Ленинграде готовились дать решительное сражение врагу. Хотя немец-

²⁰ См.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 175.

ко-фашистские войска все ближе и ближе подкатывались к городу, у его защитников не было и мысли о том, что город Ленина может быть сдан. Принимались огромные усилия для организации решительного отпора врагу, в чем большую роль сыграли Ленинградская партийная организация и ее руководители — члены Военного совета фронта А. А. Жданов и А. А. Кузнецов. В войска направлялись все новые и новые отряды коммунистов.

Но, несмотря на все усилия защитников города, фашистским войскам удалось замкнуть кольцо вокруг Ленинграда. 8 сентября немецкая авиация совершила крупный дневной налет на город. Бомбардировщики, прорвавшись сквозь заградительный огонь зенитной артиллерии, сбросили на Ленинград большое количество зажигательных бомб. Возникло около 180 очагов пожара. Самый большой пожар произошел на Бадаевских складах, где хранились значительные запасы продовольствия. Вечером того же дня противник произвел второй налет 20 самолетов. Огни пожаров служили гитлеровской авиации ориентиром для бомбометания.

После обхода немецкими войсками Красногвардейского укрепленного района бои развернулись уже на рубеже, проходившем вблизи Горелова, Финского Койрова и поселка Володарский. Каждый день на подступах к городу происходили ожесточенные воздушные бои. Советские летчики-истребители, прикрывая войска, совершали порой до восьми боевых вылетов в светлое время суток.

10 сентября в Ленинград прилетел Г. К. Жуков, предъявив К. Е. Ворошилову записку Сталина: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». Новикову предстояло позаботиться о безопасности этого перелета. В группу сопровождения был включен опытный летчик-истребитель старший лейтенант А. П. Силантьев. Как и предполагал командующий, появление в небе охраняемого транспортного самолета привлекло внимание вражеских летчиков. Завязался воздушный бой, в ходе которого Силантьев сумел сбить один «мессершмитт». Остальные, не выдержав атак советских летчиков, покинули поле боя. К тому времени на счету Силантьева значилось семь самолетов врага, сбитых в воздушных боях, еще шестнадцать он уничтожил на вражеских аэродромах. Ныне Герой Советского Союза А. П. Силантьев в звании маршала авиации возглавляет Советский комитет ветеранов войны.

С прибытием Жукова обстановка в Ленинграде резко

изменилась. Первое решение Военного совета фронта под его руководством было категоричным — Ленинград защищать до последнего человека. Жуков приказал навсегда забыть о мерах, на тот случай если враг ворвется в город: этому не бывать. Стратегию и тактику боевых действий под Ленинградом он проводил так, чтобы не дать врагу возможности создать ударные группировки.

Они быстро нашли общий язык. Жуков запросил у Ставки хотя бы один полк Пе-2 и полк Ил-2. И вскоре они на Ленинградский фронт прибыли. 125-й полк пикирующих бомбардировщиков Пе-2 имел 20 боевых машин, столько же самолетов насчитывалось и в 175-м штурмовом авиаполку. Новиков подчинил их себе и стал использовать на наиболее угрожаемых направлениях, бросая с одного участка фронта на другой.

17 сентября Военный совет фронта издал строжайший приказ, подписанный Г. К. Жуковым, А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым и М. С. Хозиным, в котором, в частности, говорилось: «Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на ближайших подступах к Ленинграду!» И войска при поддержке авиации выполнили это требование командования фронта. Они вынудили гитлеровцев перейти от наступления к обороне. Но далось это дорогой ценой.

В период боев за Пулково и Пушкин противник нанес один из самых сильных артиллерийских и авиационных ударов по Ленинграду, надеясь таким образом сломить волю его защитников. 19 сентября город подвергался обстрелу в течение восемнадцати часов. Одновременно с этим гитлеровская авиация произвела шесть налетов на Ленинград. Врагу удалось сбросить 528 фугасных и 2870 зажигательных бомб²¹. Три дня вражеские бомбардировщики висели над главной базой Балтийского флота, около 400 самолетов участвовали в этих налетах. Но должных результатов они не добились. Налеты проводились днем, ленинградские летчики были начеку, и гитлеровцы в воздушных боях потеряли 35 самолетов.

С 24 по 26 сентября немецкие войска предприняли еще одну попытку наступать на Петергоф и Ораниенбаум, а из Пушкина — на Большое Кузьмино. Но каждый раз их атаки отражались. В конце месяца гитлеровцы прекратили наступление и перешли к обороне. Положение на южном участке Ленинградского фронта стабилизи-

²¹ См.: Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 60.

ровалось, но обстановка в городе оставалась очень сложной.

Меньше месяца — только 27 дней и ночей — работали вместе Г. К. Жуков и А. А. Новиков. Но это были дни и ночи непрерывных и яростных атак врага по всему фронту. Командующий и штаб ВВС фронта оказались на высоте. Многие годы спустя Георгий Константинович с большой благодарностью отметит умную организаторскую роль Александра Александровича в обороне Ленинграда, а когда тот возглавит Военно-воздушные силы Красной Армии, будет просить Сталина направлять его в качестве представителя Ставки на те направления, где он сам будет координировать боевые действия фронтов.

7 октября Жуков улетал в Москву.

— Не вышло с Ленинградом, — сказал он Новикову о немцах, — навалились на Москву. Недаром снимают отсюда войска.

Новиков молчал, не зная, что сказать в ответ. Только про себя отметил, что совсем недавно воздушная разведка установила переброску частей 4-й танковой группы гитлеровцев из-под Ленинграда куда-то на юг.

— Да-а, — Жуков вздохнул, — не дают никакой передышки. Но ничего. — Георгий Константинович вдруг разом расправил плечи, и голос его окреп: — Ничего, выстоим и в этот раз. Москву не сдадим никогда. А с такими, как наши, советские, солдаты, многое можно сделать. Ленинград убедил меня в этом еще больше.

Г. К. Жуков улетел, заронив тревогу в душе А. А. Новикова, но дела ленинградские быстро вернули его к действительности.

Утром 9 октября в штаб ВВС фронта поступило сообщение о том, что передовые посты наземных войск минувшей ночью засекли в Урицке гул множества танковых моторов. Генерал Новиков тотчас приказал выслать в этот район воздушного разведчика. Однако кратковременный полет истребителя желаемого результата не дал. Да и фотоснимки, сделанные с его борта, не отличались высоким качеством. Командование фронта, обеспокоенное близостью врага — от Урицка до Кировского завода всего 6 километров, — требовало точных данных. Необходимо было срочно организовать тщательное фотографирование с воздуха большой площади, и командующий ВВС фронта принял рискованное решение послать на разведку один из двенадцати оставшихся в строю пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

Больше часа вел аэрофотосъемку экипаж лейтенанта Владимира Ромашевского. При дешифрировании снимков оказалось, что гитлеровцы спрятали танки в... домах. Только стволы орудий торчали из проломанных стен. Они-то, стволы пушек, и помогли получить нужную информацию. Генерал Новиков немедленно запросил командира полка пикировщиков В. А. Сандалова, когда он может нанести удар по Урицку.

— Через полчаса, — ответил Сандалов. — Экипажи только что вернулись с боевого задания.

Первый удар «пешки» нанесли в три часа дня. Вылетели все двенадцать экипажей, в том числе и экипаж Ромашевского. Группу вел сам командир полка. Ее надежно прикрывали истребители. Сделав два захода, «петляковы» без потерь вернулись на свой аэродром. После посадки Сандалов доложил Новикову о результатах налета и попросил разрешения на повторный вылет.

— Товарищ командующий! — горячо говорил он. — Погода отличная. Чтобы не демаскировать себя, немцы вряд ли выведут из укрытий уцелевшие танки, а если выведут, мы накроем их на дороге. Но думаю, что бояться — укрыться танкам днем в Урицке и его окрестностях негде.

— Действуйте, — ответил Новиков. — Даю на прикрытие два звена истребителей.

Большого командующий ВВС фронта выделить не мог: каждая боевая машина была на учете.

Второй вылет закончился тоже без потерь. Следующей ночью передовые посты наших наземных войск вновь засекли гул танковых моторов. Только он не усиливался, а затихал. Гитлеровцы оттягивали танки в глубину обороны.

Организуя поддержку и прикрытие наземных войск, удары по аэродромам и коммуникациям врага, защиту Ленинграда с воздуха, командующий ВВС фронта постоянно заботился о транспортной воздушной связи Ленинграда со страной, которая была организована по решению Государственного Комитета Обороны 20 сентября 1941 г. Десятки транспортных самолетов и тяжелых бомбардировщиков были сняты с других важных участков огромного фронта и направлены на помощь городу на Неве. Чтобы эта коммуникация, проложенная через две линии фронта, могла постоянно и надежно действовать, необходимы были прикрытие истребителей, организация новых оперативных аэродромов в Ленинграде и на Большой

земле, формирование новых направлений грузопотока продовольствия, переброска людей и оружия.

Основной авиабазой Ленинграда за блокадным кольцом стал аэродром Хвойная. Там находилась оперативная группа ВВС фронта во главе с Героем Советского Союза полковником И. П. Журавлевым. В блокированном городе транспортные самолеты принимал Комендантский аэродром, а когда он оказался под артиллерийским обстрелом и непрерывной бомбежкой, неподалеку от железнодорожной станции Ржевка началось строительство нового полевого аэродрома.

Организация воздушного моста потребовала надежной охраны транспортных самолетов. По заданию Военного совета фронта Новиков сделал расчет необходимых сил, и по его просьбе из резерва Ставки Верховного Главнокомандования было выделено три полностью укомплектованных истребительных авиаполка. Первым из Подмосковья прибыл полк под командованием майора В. В. Пузейкина. Он приземлился на полевом аэродроме под Тихвином. В начале октября сюда же из-под Воронежа перелетел авиаполк, которым командовал майор П. Н. Баранов. Третий истребительный авиаполк подключился к сопровождению транспортных самолетов на исходе ноября²². Прикрывали воздушный коридор также истребительные авиаполки ВВС Ленинградского фронта и морские летчики из 61-й истребительной бригады ВВС Краснознаменного Балтийского флота.

Для переброски из блокадного Ленинграда в Тихвину и Москву рабочих оборонных заводов и грузов, а в Ленинград продовольствия были привлечены Московская авиагруппа особого назначения, Особая Северная авиагруппа гражданской авиации, транспортные самолеты ВВС фронта и ВВС Балтики, 7-й тяжелый бомбардировочный авиаполк. Не сразу ритмично стал работать этот воздушный мост. Однако опыт централизованного управления авиацией у Новикова уже был. Располагал им и штаб ВВС фронта. Промедление было смерти подобно: в Ленинграде уже начал свирепствовать голод. Фронтовой паек военнослужащих осажденного города урезался несколько раз и был не многим больше, чем у остальных граждан. Голодал вместе со всеми и генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков.

²² См.: Михельсон В. И., Ялыгин М. И. Воздушный мост. М., 1982. С. 50, 58, 195,

«А ведь он, — вспоминал А. Л. Шепелев, — мог питаться гораздо лучше. Подчиненные ему летчики доставляли с Большой земли многие тонны продовольствия. За рекой Волхов базировалась наша оперативная группа, руководимая его заместителем И. П. Журавлевым. Он тоже мог бы доставить для командующего продукты, поскольку там не было блокады, а следовательно, и не существовало такой острой продовольственной проблемы. Но Александр Александрович категорически отказался от всяких привилегий. Своей честностью он подавал пример подчиненным.

Однажды Александр Александрович Новиков вернулся из поездки по частям очень поздно. Побеседовав со мной по служебным делам, он как бы между прочим спросил, не найдется ли у инженеров каких-либо продуктов, хотя бы сухариков. К сожалению, ни у меня, ни у моих подчиненных ничего съестного не нашлось. Единственно, что я смог предложить командующему для согрева после дороги, это стопку спирта. Но Александр Александрович отклонил мое предложение»²³.

Новикову в те дни трудно было выкраивать время на внимание к сыну Леве. А здоровье сына ухудшалось с каждым днем. Как он ни просил отца оставить его в городе до снятия блокады, Александр Александрович настоял на эвакуации. Леву отправили самолетом на Большую землю.

Приближалась 24-я годовщина Октябрьской революции. Гитлеровцы не скрывали намерения нанести в этот день мощный удар по городу Ленина. В листовках, сбрасываемых с самолетов, они писали: «Шестого и седьмого будем бомбить, а восьмого будете хоронить».

При разработке плана и организации отражения налета Новиков и штаб ВВС фронта совместно с командованием 7-го истребительного авиакорпуса ПВО использовали весь опыт, накопленный при борьбе за господство в воздухе. Тщательная воздушная разведка дальних и ближних к Ленинграду базовых аэродромов, своевременное маневрирование ударами по этим аэродромам, предоставление противнику возможности создать мощную авиационную группировку и, наконец, массированный удар по этой группировке — все это принесло желаемый результат. В двух вылетах по двум аэродромам советские

²³ Шепелев А. Л. В небе и на земле. С. 115.

летчики уничтожили 66 самолетов. Небо над Ленинградом в Октябрьские торжества было спокойным²⁴.

В первые ноябрьские дни ленинградские летчики вписали еще две яркие страницы в историю авиации. Летчик Алексей Севастьянов атаковал схваченный прожекторами вражеский бомбардировщик и таранил его над центром Ленинграда. Сбитый самолет упал в Таврический сад. Советский летчик приземлился с парашютом на территории завода имени В. И. Ленина.

Лейтенант Н. Г. Лисконоженко со своим звеном смело атаковал шестерку немецких бомбардировщиков над Малой Вишерой. Два «юнкерса» были сбиты. В бой вступили фашистские истребители. У Лисконоженко кончились патроны. Тогда летчик пошел на таран, отрубил хвост «мессершмитту», а затем, хотя и был уже ранен, таранил второй вражеский самолет. На поврежденной машине Лисконоженко сумел перелететь через линию фронта и совершить посадку в расположении своих войск.

15 ноября по предложению Новикова Военный совет Ленинградского фронта постановил выделить 30 транспортных самолетов для переброски продовольственных грузов из Новой Ладogi в Ленинград. Они могли выполнить не менее двух рейсов: путь от Новой Ладogi до Ленинграда был почти в два раза короче, чем из Хвойной.

С дальних полевых аэродромов Вологодской области развернули транспортные полеты в блокированный город экипажи тяжелых бомбардировщиков 7-го авиаполка. Перед вылетом командир полка подполковник В. И. Лабудев зачитал письмо — обращение командования к авиаторам. В нем говорилось, что город живет и борется. Но горожанам приходится очень трудно. Продукты на исходе. Наступил голод, который уже унес тысячи человеческих жизней...

Бои под Тихвином, на волховских рубежах и на Неве являлись звеньями единой оборонительной операции советских войск. В конце ноября группа армий «Север» противника была вынуждена отказаться от наступления. Наши войска перехватили инициативу. Их контрнаступление в районе Тихвина началось в трудные дни, когда высшего напряжения достигла битва за Москву. Упорные бои шли под Ростовом.

Огромную помощь наземным войскам оказала авиация, действовавшая в сложных метеорологических усло-

²⁴ См.: На страже Родины. 1941. 14 ноября.

виях. Только оперативная группа полковника Журавлева за время контрнаступления совершила более 8 тысяч самолето-вылетов²⁵. С сухопутными войсками умело взаимодействовал бомбардировочный полк В. А. Сандалова. Отличились экипажи 44-го скоростного бомбардировочного полка, которому позже, когда Тихвин был освобожден, было присвоено наименование «Тихвинский».

Успешно развивалось контрнаступление под Москвой. Прорвав оборону противника, войска, защищавшие столицу, перехватили дорогу Калинин — Москва и вышли на подступы к Клину. К концу декабря советские соединения на волховском направлении продвинулись на 100—120 километров и отбросили врага на рубежи, с которых он начинал свое наступление.

С усилением холодов начала действовать военно-автомобильная ледовая дорога на Ладожском озере, которая соединила блокированный Ленинград с Большой землей. Она вошла в историю под названием Дороги жизни. При организации прикрытия этой важной коммуникации с воздуха по инициативе генерала Новикова была создана система управления истребителями по радио с земли. Душой этой многотрудной и сложной работы стал заместитель командующего ВВС Ленинградского фронта генерал В. Н. Жданов. Проявив подлинное новаторство, он четко организовал прикрытия коммуникаций. Была развернута сеть радиостанций, выделены авианаводчики, налажено взаимодействие с подразделениями зенитной артиллерии, каждый истребительный авиационный полк получил свою задачу. Хорошо управляемые по радио с земли, советские истребители наносили врагу большой урон и эффективно препятствовали немецким самолетам прицельно бомбить автоколонны на ледовой дороге. Опыт управления и наведения истребителей по радио, впервые полученный под Ленинградом, имел большую ценность для всех Военно-воздушных сил. Свое дальнейшее развитие он получил в Сталинградской битве.

Воздушный мост и Дорога жизни несколько улучшили снабжение города Ленина. 25 декабря были повышены хлебные нормы. Рабочие стали получать по 350 граммов хлеба в сутки. Служащим, иждивенцам и детям причиталось не по 125 граммов, а по 200.

Чтобы облегчить положение осажденного города, Став-

²⁵ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 260.

ка приняла решение провести новую, третью по счету, операцию по деблокаде Ленинграда. К ней привлекались войска Ленинградского, Волховского, образованного 17 декабря, и правого крыла Северо-Западного фронтов. Основная роль в ней отводилась войскам Волховского фронта.

Военно-воздушные силы Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота к началу 1942 г. по своему базированию и району боевых действий делились на ленинградскую и восточную группы. Это затрудняло управление. Но, как всегда, командование и штаб ВВС фронта справились с возложенными на них задачами.

К тому времени уже был организован Ленинградский корпусной район ПВО, где продолжалась работа по совершенствованию радиолокационной системы обнаружения воздушных целей. 11 января 1942 г. было решено провести... конференцию изобретателей и рационализаторов, на которой инженер Э. И. Голованевский предложил использовать телевидение для передачи радиолокационной информации о воздушных целях.

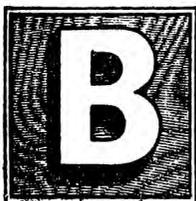
Новиков знал, что замысел конструктора базировался не на пустом месте. Телевидение в нашей стране активно развивалось в предвоенные годы. Особых успехов достигли в лаборатории, которой руководил выдающийся ученый, впоследствии академик, Александр Андреевич Расплетин. Генерал Новиков немедленно связался с горкомом партии, и было решено эти исследования включить в число первоочередных задач. Уже к 15 января с фронта были отозваны все, кто до войны имел отношение к разработкам, выполненным А. А. Расплетиним.

Новиков, несмотря на занятость, нашел время, чтобы разобраться в принципиальной схеме изобретения. Специалисты заставили электронный луч на приемном экране вращаться по часовой стрелке, а на экран нанесли прозрачную карту Ленинграда и области, провели линии радиусы с делениями, обозначившими удаление цели. Центр экрана был местом установки «Редута». Любой самолет, появившийся в ленинградском небе, немедленно давал о себе знать яркой светящейся точкой, а оператор, пользуясь нанесенной на экран картой города и шкалами, мог тут же определить расстояние до него.

Над экраном радиолокатора установили телекамеру, сигнал от которой передавался с помощью направленной антенны в штаб ПВО города. На крыше построили ра-

диорубку, приемную антенну разместили на наблюдательной вышке штаба. Ну а сами «телевизоры» стояли на главном командном пункте ПВО, на командных пунктах истребительной авиации и зенитной артиллерии. Передача данных о предстоящем налете стала мгновенной.

Можно, наверное, написать целую повесть о том, как трудились в осажденном Ленинграде изобретатели, поставившие телевидение на службу обороне города в самом начале 1942 г. Но у этой книги иная задача. Она о жизни и боевой деятельности Александра Александровича Новикова.

вызов в Смольный в одиннадцатом часу ночи для Новикова не был большой неожиданностью. За семь месяцев войны всякое случалось. Удивила срочность вызова. А. А. Жданов был краток и сух, сказал только о том, что прибыть необходимо немедленно. Александру Александровичу и в голову не пришло, что этот визит станет крутым поворотом в его жизни.

Член Военного совета фронта, внимательно глядя на Новикова, тихо, но четко произнес:

— К сожалению, Александр Александрович, нам придется расстаться. Вас срочно вызывают в Москву.

Новиков насторожился, он знал, что вызовы в столицу, тем более срочные, беспричинными не бывают.

— Скажите, пожалуйста, мне, я в чем-нибудь провинился? Не справляюсь с работой?

— Ну что вы, что вы! Напротив. Вас назначают на новую, очень ответственную работу.

— Оставьте меня в Ленинграде до снятия блокады. Повышение по службе меня не прельщает. Да и потом — покинуть Ленинград в такое время...

— Не могу, — собеседник только развел руками. — Так надо. Так надо в интересах безопасности Родины, — твердо закончил он. — Улетайте завтра же. Вас уже ждут.

Потом, спустя годы, Новиков узнает, что своим переводом в Москву и назначением на должность первого заместителя командующего и члена Во-

енного совета ВВС Красной Армии в начале февраля 1942 г. он обязан генералу армии Г. К. Жукову. А в тот день, перед отлетом из Ленинграда, надо было как-то подготовить себя к новой работе, проанализировать то, что произошло за семь месяцев войны на всем советско-германском фронте, а главное — изучить опыт завоевания оперативного господства в воздухе на московском направлении. Он был уверен, что без господства в воздухе ни контрнаступление, ни победа в битве за Москву были бы невозможны.

В июне сорок первого обстановка способствовала фашистской авиации в захвате стратегической инициативы и господства в воздухе, но попытки гитлеровского командования уничтожить советскую авиацию внезапными налетами на аэродромы практически провалились. Большие потери были лишь в западных пограничных военных округах. В целом же советская авиация не потеряла боеспособности. Командование ВВС западных приграничных военных округов противопоставило тактике гитлеровцев активные наступательные действия. Сыграли свою роль в борьбе за господство в воздухе и массированные авиационные удары по аэродромам врага. Однако стратегическое господство осталось на стороне противника. Что же нужно, думал Новиков, для достижения коренного перелома в пользу советской авиации? Трудно ликвидировать авиационно-техническое превосходство люфтваффе. Не хватает не только современных самолетов, не хватает и смещенных, погубленных «врагов народа», которые знали дело, могли предупредить многие тяжелые события. Необходимо изменить организационную структуру ВВС, привести ее в соответствие с требованиями войны. Нужно создать мощные авиационные резервы. Пора применять для борьбы в воздухе более решительные формы боевых действий. Надо, надо...

Провожали Новикова на Комендантском аэродроме его ближайшие помощники.

— Раздеваю вас до нитки, — невесело пошутил он. — Единственный исправный бомбардировщик Пе-2 забираю. Иначе не могу. Приказано завтра быть в Москве.

В Москву на Центральный аэродром Новиков прилетел утром 3 февраля. Командующего ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации П. Ф. Жигарева на месте не оказалось, он был в командировке на Калининском фронте. Начальник штаба генерал-майор авиации Г. А. Ворожейкин о назначении Новикова ничего не знал. В 19 ча-

сов А. А. Новиков, Г. А. Ворожейкин и генерал А. В. Никитин, занимавшийся формированием и укомплектованием ВВС, были в Кремле. Сталин обращался только к Ворожейкину и Никитину.

— Где обещанные резервы? — сурово спросил он.

Ворожейкин пытался что-то объяснить, но Верховный ничего не хотел слушать.

В ходе этого тяжелого разговора Сталин будто не замечал Новикова. Не сказав ему ни слова, он отпустил всех троих. Они недоумевали. Но к моменту возвращения в штаб ВВС стало известно, что генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков назначен первым заместителем командующего и членом Военного совета ВВС. Заботы навалились со всех сторон. Незнакомый аппарат управления. Связь с авиапромышленностью. Подготовка резервов. Но прежде всего пришлось отправиться в Перхушково, в штаб генерала армии Жукова, командующего Западным фронтом. Обстановка там осложнялась. Военные действия на западном направлении, и особенно в районе Вязьмы, приняли чрезвычайно острый характер.

Чтобы помочь войскам 33-й армии и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, отрезанным в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, Ставка передала в распоряжение Жукова 4-й воздушно-десантный корпус. Новикову пришлось досконально проанализировать недостатки проведенного ранее десантирования. Картина выяснилась неприглядная. За шесть суток были десантированы только 2100 человек¹. Оказалось, планы и расчеты на десантирование были составлены без учета реальных условий и обстановки. Командование воздушно-десантных войск и авиационно-транспортной группы мало обращало внимания на противовоздушную оборону исходного района. Средства ПВО, прикрывавшие район Калуги, были бессильны противодействовать вражеской авиации. В результате авиационного удара противника на аэродроме Грабцово были уничтожены семь самолетов ТБ-3 и склад горючего.

Все неувязки и ошибки были учтены при подготовке Юхновской наступательной операции, в которой участвовали остальные части 4-го воздушно-десантного корпуса. На этот раз для десантирования по предложению Новикова была сформирована специальная авиационно-транс-

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961. Т. 2. С. 327.

портная группа из 65 самолетов. Вылет их предполагалось осуществить с подмосковных аэродромов Люберцы и Внуково, надежно прикрытых с воздуха.

Десантирование началось в ночь на 18 февраля и продолжалось до 23 февраля. Все эти дни в интересах десантных войск осуществлялась воздушная разведка, для чего по приказанию Новикова было специально выделено несколько экипажей 9-го отдельного бомбардировочного авиаполка. Но из-за сложных метеоусловий воздушным разведчикам не всегда удавалось вскрывать все группировки войск противника в районе десантирования и обнаруживать подходящие резервы, поэтому некоторым десантным подразделениям приходилось сразу же вступать в ожесточенную борьбу с врагом и нести тяжелые потери.

Для подавления резервов и гарнизонов противника, разрушения мостов на реках Днепр и Воль, уничтожения эшелонов на железной дороге Новиков через штаб ВВС добился в Ставке привлечения к операции соединений дальнебомбардировочной авиации, которые нанесли противнику немалый урон в живой силе и боевой технике. Однако выделенных сил дальнебомбардировочной авиации оказалось недостаточно.

Интенсивно действовала авиационно-транспортная группа, которая, несмотря на сложную обстановку и нехватку самолетов, свои задачи выполнила. Совершив 612 самолето-вылетов, советские летчики выбросили в тыл 7373 человека и 1525 тюков с боеприпасами, оружием, продовольствием и различным имуществом².

Итоги воздушно-десантной операции радовали, но Александр Александрович переживал, что избежать целого ряда недостатков не удалось. Из-за слабой штурманской подготовки и отсутствия приводных радиотехнических средств некоторые экипажи не справлялись с задачей точного самолетовождения. В сложных условиях погоды и ночью они теряли ориентировку, выбрасывали десантные войска в стороне от намеченных районов и на большой площади. Не удалось организовать надежное прикрытие эшелонов транспортных самолетов истребителями, а также борьбу со средствами ПВО на маршруте полета и в районе выброски десанта.

Анализируя ход операции и ее результаты, Новиков

² Цит. по: Советские воздушно-десантные. М., 1986. С. 102—103.

и руководство ВВС Западного фронта пришли к выводу, что одной из основных причин больших потерь в воздухе является слабая организация взаимодействия между частями разных родов авиации. Пока уточнялись и согласовывались задачи между ними, терялось драгоценное время. Вылеты производились не по единому плану, а по мере поступления команд и готовности экипажей.

— Вот еще одна проблема, которую нужно решать безотлагательно, — закончил разбор Новиков.

На другой день ему приказали вернуться в Москву и немедленно прибыть в Ставку. Речь пошла о докладной записке Верховному Главнокомандующему, которую он послал с Западного фронта. В ней отмечалось, что авиация разъединена, ее трудно собрать для массированного удара. Каждая общевойсковая армия имеет свои авиачасти и цепко держится за них. Распыление авиации приводит к тому, что удары наносятся слабые, а нужен единый ударный авиакулак, нужен резерв, для чего Новиков предлагал создать авиакорпуса из однородных дивизий.

— Какие еще корпуса? — раздраженно сказал Сталин при обсуждении записки. — Разве вам, товарищ Новиков, не известно, что принято решение о формировании ударных авиационных групп смешанного состава? Шесть — восемь полков в каждой?!

Так закончилась первая попытка Новикова собрать авиацию фронта в единый кулак, создать мощные и мобильные авиационные резервы.

Вечером Новикова вызвали в Генеральный штаб.

— Для завершения Любанской операции, — сказал ему начальник Генерального штаба, — в ваше распоряжение выделяются восемь авиаполков резерва Ставки, часть сил авиации дальнего действия и авиация Ленинградского и Волховского фронтов.

Целью Любанской операции, которая началась еще в январе 1942 г., была деблокада осажденного Ленинграда.

В штаб фронта К. А. Мерецкова одновременно прибыли представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, член ГКО Г. М. Маленков и первый заместитель командующего Военно-воздушными силами Красной Армии генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков, на которого возлагалась координация действий авиации двух фронтов³. К работе Новиков привлек командование и штаб ВВС Волховского фронта во главе с гене-

³ См.: Мерецков К. А. На службе народу. С. 275.

ралом И. П. Журавлевым, а также прибывших с ним генералов А. Е. Голованова и С. И. Руденко. План был разработан, согласован и доложен командующим войсками фронтов. Учитывая обстановку и отсутствие в ВВС фронтов дивизионного звена, приняли решение создать временную авиагруппу из восьми авиаполков во главе с генералом С. И. Руденко (начальник штаба М. Н. Кожевников). Эта группа в основном действовала в полосе войск 54-й армии Ленинградского фронта⁴.

Вот как описывал эти дни в своих воспоминаниях маршал авиации С. И. Руденко: «Еще до переезда на новое место мне довелось встретиться с недавно назначенным первым заместителем командующего ВВС Александром Александровичем Новиковым. Невысокого роста, с открытым умным лицом, он сразу привлекал к себе внимание. Когда я пришел в штаб, он вел разговор у карты с начальником штаба генералом И. Ф. Петровым и офицерами оперативного отдела. Речь шла о постановке задач бомбардировщикам, о расчетах на бомбометание. Мне очень понравились мысли, высказанные Александром Александровичем. Позже я узнал, что Новиков, будучи командующим ВВС Ленинградского фронта, руководил действиями подчиненных ему авиачастей на строго научных основах. Боевая работа авиации под Ленинградом являлась тогда образцом организованности, правильного использования всех ее родов в тактическом и оперативном масштабах»⁵.

Действия авиации под руководством Новикова в Любанской операции и на этот раз носили новаторский характер. Здесь впервые за время войны официально осуществлялась координация действий авиации старшим авиационным начальником в интересах войск двух фронтов. Это было новым явлением в оперативном взаимодействии военно-воздушных сил с сухопутными войсками.

К тому времени осложнилась обстановка на Северо-Западном фронте. Враг при поддержке авиации начал операцию по деблокаде своих войск, окруженных в районе Демянска. Ставка срочно направила туда Новикова. Находясь на наблюдательном пункте, он следил за разгоревшимся в воздухе воздушным боем. Смотреть было досадно и горько. Группа советских истребителей не

⁴ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1985. С. 74, 75.

⁵ Руденко С. И. Крылья Победы. М., 1976. С. 86.

смогла произвести повторную атаку бомбардировщиков. Мешала вроде бы пустяковая неурядица. У ведущего во время разворота выпадала то одна, то другая лыжа. Пока летчик мучился с ними, вражеские самолеты ушли. Раздосадованный случившимся, Новиков высказал свое возмущение сопровождавшим его генералам.

— Не приспособлены лыжи для боя, — объяснили ему, — не выдерживают перегрузки.

— А почему не ставите вместо них колеса? — спросил он. — Под Ленинградом уже давно лыжи сняли!

— Но инструкция... — последовал ответ.

— Инструкцию пишут люди, они же их и отменяют. Давайте-ка прикинем все «за» и «против».

Пригласили специалистов. Те сделали вывод, что лучше затратить усилия на расчистку сугробов и укатку снега, нежели идти на ухудшение тактико-технических данных истребителей. Провели эксперимент в боевых условиях. Он еще раз подтвердил ценность опыта ленинградцев. И вскоре все истребительные части ВВС получили распоряжение «переобуться».

Бои по ликвидации окруженных войск противника в районе Демянска затянулись. Новиков нервничал. Предпринимались, кажется, все меры, но не удалось прочно заблокировать группировку с воздуха, что позволило гитлеровцам перебрасывать окруженным войскам пополнение, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Соотношение сил по-прежнему оставалось на стороне врага. Чтобы хоть как-то уравновесить возможности, Александр Александрович вынужден был принять еще одно смелое решение, приказав привлечь к борьбе с транспортными самолетами штурмовики Ил-2. Пожалуй, с тех пор на фронтовых аэродромах и появилась очень меткая фраза: «Приехал Новиков — жди новинок».

Назначение генерал-лейтенанта авиации А. А. Новикова 11 апреля 1942 г. командующим ВВС Красной Армии и одновременно заместителем Народного комиссара обороны СССР по авиации состоялось в разгар начала перестройки организационной структуры Военно-воздушных сил. Полным ходом шло формирование ударных авиационных групп. Части и соединения дальнебомбардировочной авиации преобразовывались в авиацию дальнего действия (АДД) во главе с генерал-майором авиации А. Е. Головановым. Произошли изменения и в руководстве ВВС. Первым заместителем командующего стал генерал Г. А. Ворожейкин. Начальником штаба ВВС был

назначен генерал С. А. Худяков, с которым Новиков часто встречался как с командующим ВВС Западного фронта, когда проходила выброска частей 4-го воздушно-десантного корпуса под Юхновом. Членом Военного совета Военно-воздушных сил с первых дней войны был П. С. Степанов, получивший в октябре 1941 г. воинское звание армейский комиссар 2 ранга.

Одновременно с изменениями в руководстве шла перестройка организационной структуры центрального аппарата ВВС. Почти все отделы штаба были развернуты в управления, которые возглавили наиболее подготовленные генералы и командиры, проявившие себя в трудном, начальном периоде войны. Начальниками управлений были утверждены генералы Н. А. Журавлев, Д. Д. Грендель, Г. К. Гвоздков, А. И. Соколоверов, В. И. Орехов, Б. В. Стерлигов. Главным инженером ВВС был назначен генерал А. К. Репин, тыл возглавил генерал Л. Г. Руденко. Создание новых управлений и служб позволило расширить функции штаба в вопросах оперативного использования авиации и руководства штабами ВВС фронтов.

Проводя эту работу, Новиков постоянно анализировал состояние дел на фронтах и все больше убеждался в том, что распыление авиации по общевойсковым армиям не отвечает основным принципам централизованного управления и массированного применения авиации в масштабе фронта, не обеспечивает достижения высокой результативности ее боевых действий. Такого же мнения придерживались многие члены Военного совета ВВС и командующие ВВС фронтов.

Не решали вопрос создания мощного авиационного кулака и ударные авиационные группы, формирование которых завершилось к маю 1942 г. Они не позволяли объединить все авиационные силы фронта, подчинить их единому командованию. При таком положении массированные удары с воздуха и планомерное использование авиации были сопряжены с большими трудностями. Требовалась новая организационная структура.

Новикова радовало, что усилиями советского народа под руководством Коммунистической партии успешно решалась основополагающая проблема по созданию авиационно-технического превосходства над агрессором. Количество самолетов, поступающих в действующую армию, увеличивалось непрерывно. Новые боевые машины (Пе-2, Як-1, Як-7Б и Ил-2) в строевых частях составляли уже более половины всего самолетного парка. Идея создания

воздушных армий приобрела материально-техническую основу.

По предложению Новикова Военный совет ВВС в апреле 1942 г. рассмотрел вопрос о новой организационной структуре фронтовой авиации и принял решение о создании вместо ВВС фронтов и ВВС армий воздушных армий. Решение доложили в Ставку Верховного Главнокомандования, где оно получило одобрение. 5 мая 1942 г. вышел приказ Народного комиссара обороны СССР, в котором, в частности, говорилось: «В целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиационных ударов объединить авиасилы Западного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование «1-я воздушная армия»⁶.

Родилась новая структура фронтовой авиации — основной рычаг в борьбе за оперативное господство в воздухе. Воздушная армия позволяла управлять всеми авиасилами фронта, широко маневрировать авиационными соединениями, использовать их массированно там, где потребует обстановка. Командующим 1-й воздушной армией назначили Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Т. Ф. Куцевалова. Комиссаром армии стал бригадный комиссар И. Г. Литвиненко, начальником штаба — полковник А. С. Пронин. В мае 1942 г. были также сформированы 2, 3, 4 и 8-я воздушные армии. Их возглавили опытные авиационные командиры и начальники, многих из которых Новиков знал лично: генерал-майор авиации С. А. Красовский, Герой Советского Союза генерал-майор авиации М. М. Громов, генерал-майор авиации К. А. Вершинин и Герой Советского Союза генерал-майор авиации Т. Т. Хрюкин⁷.

Вступление новых воздушных армий в боевые действия происходило в исключительно сложной обстановке. После потери Крыма, поражения советских войск в районе Барвенково, в Донбассе и под Воронежем противник, подтянув свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. В середине июля войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду. Однако реорганизация Военно-воздушных сил проводилась активно, одновременно

⁶ Цит. по: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 292.

⁷ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 269—271.

многое делалось для повышения эффективности боевых действий авиации. В июне по инициативе генерала Новикова был подготовлен приказ Народного комиссара обороны СССР по использованию самолетов Ил-2 в качестве дневных бомбардировщиков. В нем говорилось, что штурмовики Ил-2 могут и должны значительно увеличить бомбардировочные дневные удары по противнику, но для этого надо покончить с вредной практикой недооценки самолетов Ил-2 как дневных бомбардировщиков и добиться того, чтобы ни один самолет Ил-2 не вылетал в бой без полной бомбовой нагрузки.

Практика боев подтвердила дальновидность Новикова. Несмотря на нелетную погоду, Ил-2 взлетали почти каждый день. Сопровождая танки и пехоту, они огнем мощного бортового оружия — реактивными снарядами, бомбами, пушками и пулеметами — крушили вражескую оборону, вели воздушные бои с бомбардировщиками и истребителями, выполняли задачи воздушных разведчиков.

Решая неотложные вопросы, Александр Александрович постоянно уделял внимание и авиационным конструкторам. Нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин кратко охарактеризовал ему всех, кто создавал технику, которая во все больших количествах поступала в войска. После беседы с ним Новиков пригласил С. А. Лавочкина. В июне 1942 г. самолет Ла-5 прошел государственные испытания и был запущен в серийное производство. Он обладал превосходством в скорости над лучшими немецкими истребителями, но уступал им в скороподъемности.

— Этот показатель нужно улучшить, — сказал Новиков конструктору. — Мы думаем вооружить вашими машинами лучшие авиационные части.

— Эта работа уже идет, — ответил Лавочкин. — Думаем заменить деревянные лонжероны на металлические, уменьшить запас топлива, поставить более мощный мотор с непосредственным впрыском топлива в цилиндры. Благодаря этому увеличится скорость горизонтального полета и скороподъемность, резко улучшится вертикальный маневр.

Лавочкин сдержал свое слово. Модернизированный Ла-5 оказался очень хорошей машиной, пользовался заслуженной любовью летчиков за свои исключительно высокие маневренные качества.

Новиков регулярно встречался и с другими конструкторами

торами самолетов, двигателей, вооружения, приборов. Военный совет ВВС находился в непрерывном контакте с руководством Наркомата авиационной промышленности и его главных управлений. Все это помогало не только увеличить количество выпускаемых боевых машин, но и постоянно улучшать их качество. «Больше всего, — вспоминал авиаконструктор А. С. Яковлев, — мы, работники авиационной промышленности, встречались с генералами ВВС: с ними мы виделись каждодневно и в Ставке, и в нашем Наркомате, и в Управлении Военно-воздушных сил — дружили, спорили и расходились во мнениях, но жили одинаковыми заботами и интересами.

Самые теплые, товарищеские отношения установились у нас с генералами Г. А. Ворожейкиным, А. В. Никитиным, Ф. Я. Фалалеевым, Ф. А. Агальцовым и прежде всего с главнокомандующим Военно-воздушными силами маршалом А. А. Новиковым.

Александр Александрович Новиков руководил боевыми действиями нашей авиации и в самые тяжелые, первые месяцы войны, когда каждый выходящий с завода боевой самолет был на учете Ставки, и потом, когда фронту передавалось только одних истребителей и штурмовиков по 40 самолетов каждого типа ежедневно и советские летчики завоевали полное господство в воздухе. Новиков отдавал всего себя, не щадя здоровья, делу победы над люфтваффе. Александр Александрович относился к числу людей, никогда не откладывавших решения даже самых сложных вопросов и не боявшихся брать на себя ответственность. Работать с ним было легко и приятно»⁸.

Летом закончилось формирование еще четырех воздушных армий. Командовать 5-й армией был назначен генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов, 6-й — генерал-майор авиации Д. Ф. Кондратюк, 14-й — Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. П. Журавлев и 15-й — Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. Г. Пятыхин⁹.

«Одним из решающих условий успешной воздушной войны, — отмечала в те дни газета «Правда», — является умелое маневрирование авиационными силами. Уметь быстро сосредоточить крепкий кулак для мощного внезапного удара, направить его в наиболее уязвимое место

⁸ Яковлев А. С. Цель жизни. М., 1974. С. 313—314.

⁹ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 270, 271, 274.

или, наоборот — молниеносно перегруппировать свои силы для отведения удара врага, а иной раз в мгновение ока рассредоточить их, — вот что требует боевая практика сегодняшнего дня»¹⁰. Так была выражена точка зрения авиационного командования, и в первую очередь Александра Александровича Новикова.

В соответствии с приказом НКО СССР от 1 июля началось формирование авиационных армий резерва ВГК. Намечалось создать две истребительные и одну бомбардировочную авиационные армии, состоящие из трех — пяти дивизий и насчитывающих по 200—300 самолетов. Но в боевых действиях в полном составе участвовала только 1-я истребительная авиационная армия. И к разочарованию Новикова, с первых же боевых вылетов проявились серьезные недостатки такой организационной структуры. Армия оказалась громоздким, недостаточно мобильным и маневренным объединением, а наличие двух таких объединений на одном фронте затрудняло организацию взаимодействия между ними и взаимными войсками фронта.

Новиков, Ворожейкин, Фалалеев и другие члены Военного совета ВВС Красной Армии предлагали создать авиакорпуса. По организационной структуре они были бы более мобильными и маневренными, могли входить в состав воздушной армии фронта и после выполнения боевых задач выводиться из нее. По докладу Новикова Ставка приняла решение на базе формируемых авиационных армий, резервных и ударных авиационных групп создать авиационные корпуса и отдельные авиационные дивизии РВГК. Эти соединения вооружались новыми типами самолетов и использовались для усиления фронтовой авиации, создания мощных авиационных группировок на важнейших стратегических направлениях.

«Всего до конца 1942 г. было сформировано 13 авиационных корпусов, — вспоминал генерал-майор авиации М. Н. Кожевников. — Из них истребительных — 4, штурмовых — 3, бомбардировочных — 3 и смешанных — 3. На фронт в течение года было отправлено девять авиационных корпусов РВГК. Формирование и комплектование авиационных корпусов находилось под непосредственным контролем ЦК ВКП(б). Работники авиационного отдела ЦК, Генеральный штаб и командование ВВС систематически докладывали руководителям Коммунистической партии, членам Государственного Ко-

¹⁰ Правда. 1942. 25 июля.

митета Оборона и в Ставку о формировании и подготовке авиационных корпусов резерва и всегда получали от них быструю помощь»¹¹.

После создания бомбардировочного, штурмового и истребительного авиакорпусов РВГК, несмотря на сложнейшее положение на фронте, Новиков настоял на проведении двусторонних летно-тактических учений этих соединений. Требовалось на практике показать тактику действий большими группами самолетов на поле боя и выработать основы оперативного применения авиакорпусов в операциях.

Коренная перестройка организационной структуры ВВС — создание воздушных армий, авиационных корпусов и дивизий РВГК, а также авиации дальнего действия — имела большое значение, позволила централизованно управлять всеми силами авиации, решать не только оперативно-тактические, но и стратегические задачи. Новая организационная структура ВВС стала одним из важнейших факторов перелома в ходе завоевания господства в воздухе, а потом и победы советских ВВС в воздушной войне.

В июле генерал Новиков направил командующим воздушными армиями, ВВС фронтов и общевойсковых армий директиву, в которой указывалось, что принцип сосредоточения сил еще не стал основой применения истребительной авиации. Искусство начальника, применяющего и управляющего действиями истребителей, говорилось в директиве, заключается в том, чтобы даже при малых силах обеспечить в нужное время, в нужном месте численное превосходство, так как наиболее полного успеха можно достигнуть сочетанием мастерства бойцов и искусного управления подразделением, частью или соединением.

Более четко задачи авиации были определены в директиве Ставки от 29 июня 1942 г., разработанной под руководством Новикова. Она была направлена на Брянский фронт представителю Ставки по авиации армейскому комиссару 2 ранга П. С. Степанову, который руководил организацией массированных ударов по прорвавшейся группировке врага. «Главная задача авиации фронта, — говорилось в директиве, — завоевать воздух, создать наше подавляющее превосходство и заставить немецкую авиацию, особенно бомбардировщиков, уйти с поля.

¹¹ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 82—83.

Вторая задача — всю силу нашей штурмовой и бомбардировочной авиации употребить на то, чтобы разбить танковые и моторизованные колонны противника, уничтожить живую силу врага и тем поддержать наши войска.

Третья задача — наша истребительная авиация должна не только прикрывать наши войска, но и бомбить живую силу противника, насколько это возможно»¹².

В этой директиве было указано, чтобы все объединения дважды в сутки посылали Новикову донесения о действиях своей авиации и авиации противника. С июля 1942 г. по указанию Генерального штаба такой же порядок был установлен и для донесений о действиях дальней авиации. Авторитет нового командующего Военно-воздушными силами, смелого, инициативного и прозорливого генерала, умеющего предвидеть ход событий, наиболее эффективно и рационально использовать имеющиеся силы и средства, рос с каждым днем. Всего три месяца он руководил ВВС страны, но время это ознаменовалось рядом важных инициатив в совершенствовании организационной структуры авиации, ее боевого использования и завоевания господства в воздухе. Новикову удалось в короткий срок сколотить в центральном аппарате ВВС хорошо отлаженный, боевой, работоспособный коллектив, умело осуществляющий четкое руководство боевыми действиями авиации на всех участках фронта от Мурманска до Черного моря.

После перевода из Ленинграда в Москву жизнь А. А. Новикова изменилась. Многократно возросла ответственность, потребовался иной, в государственном масштабе, подход к делу, научный анализ складывающейся обстановки на всем советско-германском фронте. Все это оказалось по плечу новому командующему ВВС Красной Армии. Основой его грамотного, творческого подхода к использованию ВВС в общевойсковых и специальных воздушных операциях, к решению вопросов дальнейшего развития авиации и ее боевого применения являлось объективное понимание роли и места Военно-воздушных сил в войне.

Александр Александрович в самом начале боевых действий правильно оценил значение господства в воздухе, рассматривал его как одну из главных предпосылок победы над врагом. Он творчески применил на практике тре-

¹² История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975. Т. 5. С. 150.

зование советского военного искусства о том, что в борьбе за господство в воздухе основная роль должна отводиться Военно-воздушным силам.

О новаторском использовании основных положений советского военного искусства красноречиво говорят неопубликованные записи А. А. Новикова о событиях весны и лета 1942 года:

«Конец февраля. Заместитель командующего ВВС. У Жукова в Перхушково еще раз убедился, что воевать растопыренными пальцами нельзя. Послал шифровку Сталину с предложением сформировать корпус, где все дивизии были бы однородными. В начале марта вызван в Ставку. Предложение о корпусе отклонено.

Середина марта. Волховский фронт. Малая Вишера. Координировал действия авиации двух фронтов. Получилось, но нужна фронту воздушная армия.

Северо-Западный фронт. Старо-Рахино. Конец марта — начало апреля. Отдал распоряжение использовать Ил-2 для борьбы с транспортными самолетами. Сталин согласился перевести самолеты с лыж на колеса.

11 апреля назначен командующим ВВС. Решение о формировании воздушных армий принято.

31 мая — 4 июня силами ВВС Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов проведена воздушная операция с целью ослабления авиационной группировки врага. На 19 аэродромах уничтожено 75 самолетов.

С середины июля — на Калининском фронте. Дождь, грязь. Поддержка наступления. Создан Сталинградский фронт.

Погорелое Городище. Операция 2—15 августа. Впервые организовано авиационное сопровождение подвижных групп и авиационное наступление»¹³.

Каждая поездка на фронт становилась своеобразной творческой лабораторией командующего ВВС Красной Армии. Работая с командованиями воздушных армий и ВВС фронтов, с представителями Ставки и командующими фронтами, опираясь на Военный совет и штаб ВВС, А. А. Новиков в неимоверно сложные и трудные дни первого периода войны сделал ряд основополагающих выводов в оперативно-стратегическом применении Военно-воздушных сил. Его выводы полностью соответствовали принципиальным установкам советской военной науки о том, что победа в операциях и в войне в целом дости-

¹³ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

гаются совместными усилиями всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

Об этом убедительно говорил опыт организации взаимодействия авиации с наземными войсками на Западном фронте. Эффективность тщательного планирования авиационной поддержки сухопутных войск в масштабе фронта по периодам в течение всего наступления в августе 1942 г. была очень высокой. «В районе Погорелое Городище — Сычевка, — отмечал маршал Г. К. Жуков, — противник понес большие потери. Чтобы остановить успешный удар войск Западного фронта, немецкому командованию пришлось спешно бросить туда значительное количество дивизий, предназначенных для развития наступления на сталинградском и кавказском направлениях»¹⁴.

«Добиться заметного успеха на Западном стратегическом направлении не удалось, — с горечью думал Александр Александрович, возвращаясь 16 августа по срочному вызову в Москву. — Жмет немец и под Сталинградом. Там сейчас решается судьба страны. «Ни шагу назад!» — гласит приказ № 227. Жестокий приказ, но необходимый. Очевидно, сразу же придется лететь туда, в самое пекло. Что сейчас главное? Переброска всех имеющихся резервов на Сталинградский фронт! Обязательно встретиться с Шахуриным. Без техники новые полки не сформируешь. Резервы, резервы, резервы...

Надо еще раз просмотреть проект Полевого устава, уточнить формулировки, относящиеся к боевому использованию Военно-воздушных сил как в обороне, так и в наступлении. Именно в наступлении. Крепость на Волге выстоит! Враг будет остановлен и повернут вспять. Так пужно и записать: действия авиации в наступательном бою должны выливаться в форму авиационного наступления, которое должно состоять из двух периодов: подготовки и поддержки атаки и действий пехоты и танков в глубине обороны противника».

Александр Александрович достаточно хорошо знал обстановку на всех фронтах. Известно ему было и то, что оборонительное сражение на дальних подступах к городу закончилось неделю назад. План гитлеровцев одним стремительным ударом, с ходу, прорваться к Сталинграду был сорван. Большую помощь сухопутным войскам оказали летчики 8-й воздушной армии под командованием Героя

¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 266.

Советского Союза генерала Т. Т. Хрюкина и соединения авиации дальнего действия. Летчики 434-го истребительного авиаполка майора И. И. Клещева, к примеру, за 18 дней провели 144 воздушных боя и сбили 36 самолетов. Отличились и пикировщики 150-го бомбардировочного авиационного полка. На Пе-2 они за четыре дня уничтожили 40 танков и 50 автомашин¹⁵. Особенно отличился командир этого полка подполковник И. С. Полбин. В паре со старшим лейтенантом Л. В. Жолудевым они разбомбили огромное бензохранилище в районе хутора Морозовский. Немецкие танки без горючего не могли вступить в бой.

17 августа генерал Новиков был в штабе ВВС. Первый вопрос о резервах. Оказалось, что уже 23 авиаполка общей численностью 450 самолетов прибыли под Сталинград. Еще пять авиадивизий АДД заканчивают перебазирование и сразу включаются в боевые действия¹⁶.

Вечером, находясь в Ставке, Новиков узнал, что немецко-фашистские войска пытаются форсировать Дон в районах Вертячего и Песковатки.

«Немедленно вылетайте к Еременко» — таким был приказ.

На Юго-Восточный фронт командующий ВВС Красной Армии прибыл 18 августа, в День Воздушного Флота. Но далеко не праздничным было настроение в штабе 8-й воздушной армии. В воздухе хозяйничали гитлеровские летчики.

— Принимаем все меры, чтобы переломить ход событий в свою пользу, — доложил генерал Т. Т. Хрюкин. — Только что направили в части методику организации и ведения воздушных боев. Но такют силы наших истребителей. Свиристуют головорезы из эскадры «Удет». Надо бы и нам сколотить группу асов из наиболее опытных истребителей, да где взять кадры?

Новиков оставил вопрос Хрюкина без ответа и углубился в чтение методики. Чем дальше он ее читал, тем больше она ему нравилась. Методика требовала от летчиков-истребителей во всех случаях брать инициативу в свои руки, вступать в бой первыми, широко применяя лобовые атаки, которые гитлеровские летчики не выносили.

¹⁵ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 165.

¹⁶ См. там же. С. 169.

Для противодействия вертикальным маневрам вражеских истребителей предполагалось сосредоточиваться парами по высотам и при вступлении в бой с истребителями Me-109 увлекать их на высоту 1500—2000 метров, где они теряют свои преимущества в маневрировании на вертикалях. При прикрытии бомбардировщиков рекомендовалось строить боевые порядки в три яруса и выделять скользящую группу для расчистки воздуха, если в районе цели патрулируют истребители противника. Бомбардировщики и штурмовики должны повысить меткость бомбометания и активизировать действия по отражению нападения истребителей противника. Экипажи получили указание отработать взаимодействие со средствами противовоздушной обороны при ведении воздушных боев, а также смело идти на разрывы снарядов зенитной артиллерии, которая прекращает огонь при появлении своих самолетов. Летному составу предписывалось вести в каждом полете разведку противника¹⁷.

— Очень хорошо, — похвалил методику командующий ВВС, — но ее надо доработать. Методика рассчитана на тех, кто летает на устаревших типах самолетов, а новые полки прибывают на Як-1 и других модифицированных машинах. О совершенствовании тактики не забывайте ни на минуту.

Очередное наступление на Сталинград началось 19 августа. Советское командование предпринимало все усилия, пытаясь остановить гитлеровцев. Однако противнику удалось переправиться через Дон и завязать бои на ближних подступах к городу. Новиков находился в эти дни на командном пункте Юго-Восточного фронта в штольне на левом берегу Царицы. Здесь же были начальник Генерального штаба А. М. Василевский, командующий дальней авиацией А. Е. Голованов, руководство Сталинградского корпусного района ПВО.

Авиация в этот период наносила удары по живой силе и технике наступающего противника, по его переправам через Дон, по группировкам, рвавшимся к Волге в районе Котлубань, Кузьмичи, Ервовка, по войскам, продвигавшимся с юго-запада. Самолеты АДД разрушали переправы, уничтожали авиацию противника, базировавшуюся на аэродромах Суровикино, Обливская, Аксай.

¹⁷ Цит. по: Губин Б. А., Киселев В. А. Восьмая воздушная. М., 1986. С. 44.

Новиков особое внимание уделял четкости и гибкости управления, добиваясь, чтобы боевая задача командирам групп и экипажей ставилась в кратчайшие сроки, с назначением в случае необходимости запасных целей. Это было особенно важно при перенацеливании экипажей, находящихся в воздухе. Для повышения точности самолетовождения, выхода на цель, плотности ударов в ночных условиях он требовал постоянно сокращать временные интервалы и подсвечивать цели с помощью зажигательных или светящихся авиабомб.

В условиях сильного огня зенитных средств, взаимодействующих с прожекторами, летчикам рекомендовалось проявлять выдержку и хладнокровие, применяя рекомендованный на каждый отдельный случай противозенитный маневр. Большое внимание уделялось расширению сети радио- и светомаяков, приводных радиостанций, пеленгаторных баз. Вблизи линии фронта устанавливались коридоры пролета самолетов, а наведение их на цель осуществлялось с помощью лучей прожекторов и других сигнальных средств. Например, при подходе бомбардировщика к коридору прожектористы клали лучи на землю, и место их пересечения указывало направление на цель.

Постоянно совершенствовались способы боевого применения авиации дальнего действия. Развитие тактики шло по пути массирования сил для достижения максимального эффекта. Боевые порядки стали строиться из ударных групп и групп обеспечения. Перед выходом на объект вперед высылались экипажи разведки и обозначения цели, которые с помощью осветительных и зажигательных средств облегчали экипажам ударной группы задачу обнаружения и прицельного бомбометания. За ударной группой шли экипажи контроля, которые с помощью бортовых аэрофотоаппаратов фиксировали результаты налета.

А обстановка под Сталинградом становилась все тяжелее. К 23 августа врагу удалось прорвать оборону и выйти к Волге. Все наличные силы 4-го воздушного флота врага были брошены на город. Особенно драматичным был день 23 августа, когда гитлеровцы нанесли массированный бомбовый удар по Сталинграду. В течение этого дня было зарегистрировано около 2 тысяч самолето-пролетов.

— Где наши истребители? — с болью и тревогой спрашивал Василевский.

— Все в воздухе, — отвечал Новиков. — Одни отражают налеты на город, другие действуют по переправам через Дон, прикрывают войска.

Командующий 8-й воздушной армией генерал Т. Т. Хрюкин докладывал, что летчики поднимаются навстречу врагу, не зная отдыха, на землю опускаются только для того, чтобы пополнить боезапас и залить горячее в баки.

К вечеру 23 августа поступило донесение о том, что фашисты вклинились в оборону и к югу от города. Генерал Новиков доложил представителям ГКО и Ставки, что истребители, отражая налет, провели над городом 25 воздушных боев и сбили 90, а вместе с зенитной артиллерией — 120 фашистских самолетов¹⁸. Но это было слабым утешением. Доклад о прорыве врага к Волге и принимаемых мерах по обороне города пришлось передавать Верховному Главнокомандующему по радио: телефонно-телеграфная связь с Москвой была повреждена.

Поздно ночью состоялся нелестный разговор с членом ГКО Г. М. Маленковым, который упрекнул Новикова в неумении организовать отражение налетов вражеской авиации на город. Пришлось молча проглотить пилюлю. Хоть и мало было авиации, но использовалась она не всегда должным образом.

Запомнился Новикову этот день еще по одной причине. Когда он, Хрюкин и другие генералы находились на КП командующего Военно-воздушными силами, расположенном на Донской улице, в трех метрах от щели, где они укрылись, упала 250-килограммовая бомба. К счастью, она, зарывшись в землю, не взорвалась.

— В рубашке родились, — невесело пошутил Хрюкин.

К утру связь с Москвой была восстановлена, и Новикову стали известны указания Ставки командованию фронтов: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымом в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью...»¹⁹

¹⁸ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 174.

¹⁹ Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 236—237.

Александр Александрович тут же уехал в штаб 8-й воздушной армии, где ему передали важное сообщение. Намеченная Ставкой воздушная операция, предусматривавшая нанесение ударов по военно-промышленным объектам фашистской Германии и ее сателлитов, началась. В дивизии, которой командует генерал-майор авиации Е. Ф. Логинов, бомбовую нагрузку на каждый самолет увеличили сверх расчетной нормы на полтопшы.

В те дни газета «Правда» сообщала: «Германское радио передало заявление «авторитетных военных кругов Берлина», что советская авиация с 15 по 25 августа за время налетов на Кенигсберг, Данциг и другие города Восточной Пруссии, якобы, потеряла 136 самолетов. На самом деле, за все время налетов на военные объекты городов Восточной Пруссии советская авиация не потеряла ни одного самолета»²⁰.

— Об этом мы хорошо знали,— задумчиво проговорил Новиков, откладывая газету.— Что покажут налеты на Берлин? Там сотни зенитных орудий, ночные истребители. Правда, отобраны самые опытные экипажи, но все-таки.

Сомнения Александра Александровича рассеялись в ночь на 27 августа. Ранним утром ему доложили о необычной радиোগрамме двадцатилетнего командира эскадрильи Героя Советского Союза Александра Молодчего: «Москва. Кремль. Товарищу Сталину. Находимся над Берлином. Задание выполнили» и об ответе с земли: «Все понятно. Благодарим. Желаем благополучного возвращения...»

— Они вернулись? — спросил Новиков генерала Н. Ф. Андрианова, старшего оперативной группы.

— В полном составе,— был ответ.

31 декабря 1942 г. майор А. И. Молодчий был награжден второй медалью «Золотая Звезда», а штурману экипажа С. И. Куликову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В эти неимоверно трудные дни командующий ВВС Красной Армии находил возможность бывать на аэродромах, встречаться с героями сталинградского неба. Один из первых, с кем ему довелось беседовать, был подполковник И. С. Полбин. Александр Александрович расспросил командира полка о деталях дерзкого налета на хутор Морозовский, о подготовке пикировщиков. Пол-

²⁰ Правда. 1942. 25 авг.

бин толково ответил на все вопросы и убежденно сказал, что на Пе-2 нужно бомбить только с пикирования.

— Вот и возьмитесь за это дело в масштабе всей бомбардировочной авиации,— внезапно предложил Новиков.— Переведем вас в штаб ВВС, будете летать в воздушные армии, передавать свой опыт, учить молодежь.

— Товарищ командующий, — взмолился Полбин, — оставьте меня в боевом строю. Я же летчик, а не штабной работник. Для меня легче два боевых вылета сделать, чем составить одно краткое донесение.

— И все-таки вам придется работать в Москве, — твердо сказал генерал.

— Слушаюсь,— ответил подполковник.

Потом, спустя несколько месяцев, Александр Александрович признает ошибочность своего решения, разрешит Полбину вернуться в боевой строй, и талант этого незаурядного авиационного командира раскроется в полную силу. Он станет сначала командиром дивизии, потом возглавит бомбардировочный корпус и вырастет в непревзойденного новатора в боевом использовании пикирующего бомбардировщика Пе-2. Генерал-майор авиации И. С. Полбин погибнет от прямого попадания зенитного снаряда в небе Польши и станет дважды Героем Советского Союза, посмертно.

По-иному сложится судьба командира 9-го гвардейского истребительного авиаполка Героя Советского Союза Л. Л. Шестакова. Ему, участнику боев в небе Испании, воспитавшему при героической обороне Одессы около десяти кавалеров Золотой Звезды, командующий ВВС поручит формировать полк советских асов. А произойдет это после того, когда Шестаков расскажет Новикову о тех принципах, которые летчики используют в бою на ЛаГГ-3.

— Только, товарищ командующий,— смущенно заметил Шестаков,— некоторые из них звучат не по-уставному, больше похожи на афоризмы.

— Так легче запоминать? — улыбнулся Александр Александрович.

— Доходчивее: «Кто хозяин высоты — тот хозяин боя», «Бей подлеца! Не выпускай из большого кольца».

Новиков приказал Хрюкину пополнить девятый гвардейский полк теми, кто имеет на своем счету не менее пяти сбитых фашистских самолетов и является собой пример отваги и товарищеской верности. В начале сентября

полк получил приказ, который предписывал летчикам сдать самолеты ЛаГГ-3 и убыть на отдых и переучивание.

29 августа под Сталинград прилетел Г. К. Жуков, который стал к тому времени заместителем Верховного Главнокомандующего. Встреча Жукова и Новикова состоялась в Камышине. Ознакомившись с обстановкой, которую доложил Василевский, Жуков тяжело вздохнул.

— Ленинград мы в прошлом году отстояли,— обратился он к Александру Александровичу,— теперь нужно удержать Сталинград. Авиации, как и тогда, негусто, но, судя по плану, вы ее используете достаточно целесообразно.

3 сентября Ставка Верховного Главнокомандования направила на имя Жукова директиву, в которой, в частности, говорилось: «...всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало»²¹.

Эта мысль развивалась и в телеграмме, полученной Жуковым 6 сентября. «Новиков,— говорилось в ней,— имеет право временно сосредоточить всю истребительную авиацию Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в том районе, где этого требует обстановка. Хрюкин и Степанов подчинены Новикову...»²²

Битва в воздухе набирала темп, приобретала новые грани. К тому времени советское командование принимало все меры для повышения эффективности борьбы с авиацией противника. По инициативе Новикова в документах, принятых в те дни, указывалось, что боевым вылетом для истребителей надо считать только такой, при котором истребители имели встречу с воздушным противником и вели с ним воздушный бой, а при выполнении задачи по прикрытию штурмовиков и бомбардировщиков считать боевым вылетом только такой, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника. Перед летчиками-истребителями выдвигалось требование разнообразить способы боевых действий, применять наступательный воздушный бой на «вертикалях». Соединения бомбардировщиков и штурмовиков получали задачу систематически наносить удары по

²¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 270.

²² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 176.

вражеским аэродромам и блокировать их с воздуха, затрудняя действия вражеской авиации на поле боя. Из лучших летчиков истребительных частей рекомендовалось создавать группы «охотников» для уничтожения воздушного противника.

Командующий ВВС не оставлял без внимания ни одного случая проявления героизма или инициативы летчиков. Так случилось и 7 сентября 1942 г. Командир эскадрильи 694-го штурмового авиаполка капитан П. С. Виноградов, нанося во главе семерки Ил-2 удар по танкам и пехоте врага на поле боя, подвергся атаке четырех Ме-109. Умело организовав оборону и боевые действия группы штурмовиков, он лично вступил в неравный бой с вражескими истребителями и два из них сбил. Раненный в бою, отважный командир под прикрытием своих подчиненных сумел довести поврежденный самолет до аэродрома и произвести посадку.

По предложению Новикова был подготовлен и подписан приказ Народного комиссара обороны СССР, согласно которому капитану П. С. Виноградову было присвоено звание подполковника. Вскоре он был назначен командиром полка и награжден орденом Ленина,

На другой день в своем первом боевом вылете беспримерный подвиг совершил старший сержант Б. М. Гомолко. Группа, в которую входил молодой летчик, прикрывала наши войска. Ей пришлось вступить в бой с десятью бомбардировщиками. Гомолко смело атаковал и сбил самолет врага. В последующих атаках, израсходовав все боеприпасы, раненый летчик пошел на таран. Винтом своего самолета от отрубил хвостовое оперение второго бомбардировщика, после чего покинул свою неуправляемую машину и спустился на парашюте.

Однако на этом бой не закончился. Экипаж сбитого бомбардировщика тоже спустился на парашютах. Старший сержант приготовился к схватке на земле и добился победы. Одного гитлеровца он застрелил при попытке оказать сопротивление, а двух других взял в плен и доставил в штаб своего полка. Подвиг Гомолко был отмечен орденом Ленина и присвоением воинского звания лейтенант.

Для повышения эффективности боевых действий истребителей, завоевания господства в воздухе особое значение приобретало управление по радио. Опыт его организации у Новикова имелся, но не было радиосредств. К августу 1942 г. положение изменилось. Количество

поступивших в войска радиостанций позволяло поставить на практическую основу вопрос о создании радиосети для управления самолетами в воздухе. В Сталинград были вызваны начальник управления связи ВВС Красной Армии генерал Г. К. Гвоздков и заместитель командующего 13-й воздушной армией Ленинградского фронта генерал В. Н. Жданов, который уже имел опыт наведения истребителей по радио с земли.

Получил некоторый опыт управления истребителями по радио и заместитель командующего 8-й воздушной армией генерал С. И. Руденко. Когда была создана 16-я воздушная армия, на её КП было решено установить несколько радиостанций для радиосетей различного назначения. Одна предназначалась для управления истребителями с помощью микрофона. Для этого была организована связь по радио на единой волне между командными пунктами воздушной армии, командира истребительной авиадивизии, командиров полков, станций наведения и ведущих групп, находящихся в полете. Радиостанции визуального наблюдения были поставлены с таким расчетом, чтобы обеспечить обзор воздушного пространства над всей линией фронта.

— Где бы ни появлялся самолет противника, — говорил Новиков командующим воздушными армиями, — он должен быть обнаружен и на него должны быть наведены истребители. А командиры, находясь на радиостанции, будут оценивать воздушную обстановку и помогать истребителям советом и в случае надобности подкреплением.

Генерал Новиков выделил для 16-й воздушной армии 12 радиостанций наведения. Из запасных полков и бригад на каждую станцию прибыло по два опытных летчика. Все авианаводчики имели боевой опыт, но командующий приказал провести с ними занятия по тактике и методам наведения.

Успех наведения истребителей на воздушные цели по радио с земли открыл большие перспективы в борьбе против воздушного противника. Радиостанции стали активно использоваться сначала на командном пункте воздушной армии, затем на КП одной из дивизий. К началу контрнаступления радионаведение прочно вошло в боевую практику, а позже по приказу Новикова стало использоваться не только в истребительных, но и в штурмовых авиационных частях. Опыт применения радио для наведения истребителей на воздушные цели с земли

в 16-й воздушной армии был впоследствии использован для составления первой в Военно-воздушных силах инструкции по управлению боем истребителей.

В систему ВНОС Сталинграда была включена радиолокационная рота в составе двух станций РУС-2. Новиков приказал одну разместить в районе Калача, вторую — у Абганерово.

Командующий ВВС Красной Армии потребовал от командующих воздушными армиями подготовить в каждом штурмовом и истребительном авиационных полках по пяти экипажей для действий ночью в сложных метеословиях. Эта задача была успешно решена. Самолеты Ил-2 совершили сотни боевых вылетов ночью. Они наносили удары по отдельным опорным пунктам, скоплениям войск и техники противника.

Чтобы сдержать наступление врага и сорвать переброску его резервов на север, к участку контрудара Сталинградского фронта, войска 62-й армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии 19 сентября нанесли контрудар из северной части города. В это же время 8-я воздушная армия и авиация дальнего действия уничтожали выдвигавшиеся резервы противника из района Городища.

По предложению представителя Ставки по авиации Новикова удары советских бомбардировщиков и штурмовиков переносились поочередно из одного района города в другой. 23 сентября экипажи 8-й и 16-й воздушных армий и АДД наносили удары по врагу в центральной части города, а 24 сентября авиация активно действовала в его южной части. Это вводило гитлеровское командование в заблуждение, заставляло его распылять силы. Понимая, какое большое значение имеют удары бомбардировщиков ночью, Новиков предложил командующему АДД генералу А. Е. Голованову и начальнику штаба 8-й воздушной армии полковнику Н. Г. Селезеву разработать специальный план взаимодействия при нанесении ночных налетов на наиболее важные цели. По этому плану авиации дальнего действия, выделявшей для выполнения задачи около 200 самолетов, было назначено четыре цели: скопление войск противника в районе балки Вишневая (цель № 1); местность между оврагами Долгий и Крутой у северо-западной окраины Сталинграда (цель № 2); гитлеровский военный городок в бывшей авиационной школе (цель № 3) и высота

102,0 — Мамаев курган (цель № 4). В районах этих целей находилось около 100 танков противника²³.

26 сентября Новиков получил приказ срочно прибыть в Ставку Верховного Главнокомандования. О причинах и цели вызова ему ничего не сообщили. В личном архиве Александра Александровича сохранилась запись воспоминаний о событиях, предшествующих этому:

«...С. А. Худяков при поддержке члена Военного совета Западного фронта Н. А. Булганина написал в сентябре 1942 г. Сталину письмо, в котором просил восстановить производство истребителей И-16 и И-153. Сделал это Худяков под нажимом командира истребительной авиационной дивизии Немцевича.

Сталин, прочитав письмо, вызвал Худякова и Булганина. Выслушав их, он не согласился с ними и сказал, что вызовет меня с фронта, переговорит со мной, прежде чем примет какое-нибудь решение.

Я был у Сталина 28 сентября 1942 г. Он сказал мне, что Худяков и Булганин просят восстановить производство И-16 и И-153, но он не согласен с ними. Я сказал, что И-16 и И-153 хороши в оборонительном бою, но никак не в наступательном. А мы собираемся наступать, завоевывать господство в воздухе. Поэтому производство И-16 и И-153 восстанавливать нецелесообразно. Сталин согласился с моими доводами, и производство старых самолетов не было восстановлено...»²⁴.

Координируя боевые действия воздушных армий, всех родов и видов авиации, Новиков ни на минуту не забывал о том, чтобы выпускаемые самолеты становились лучше, ни в чем не уступали вражеским боевым машинам. В основе его требований лежали конкретные потребности действующей боевой авиации, пожелания летчиков-фронтовиков. Решающую роль в этом играл его тесный контакт с руководством авиационной промышленности.

По указанию Новикова была налажена четкая информация о выявленных недостатках авиационной техники и вооружения, о предложениях фронтовиков по улучшению боевых самолетов. Все это передавалось в наркомат и на заводы незамедлительно.

«Фронтной летчик, как только терял самолет, — писал нарком авиационной промышленности А. И. Шаху-

²³ См.: Губин Б. А., Киселев В. А. Восьмая воздушная. С. 82.

²⁴ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

рин, — становился «безлошадным». Войсковая часть направляла его на завод для получения новой машины и перегонки ее на фронт. Прибывший на завод летчик был важным источником информации о качестве самолетов. Здесь его подробно, с пристрастием расспрашивали обо всем, что касается поведения самолета в бою. Другим источником были донесения заводских представителей в войсковых частях. Третьим — официальные сообщения командования авиационных частей и соединений. Самые квалифицированные заключения поступали от летчиков-испытателей, бывших на фронте. Мы «доводили» самолеты, устраняя отмеченные в боях недостатки»²⁵.

К началу 1942 г. отечественные истребители, серийный выпуск которых был развернут на востоке, по своим боевым и летным качествам превосходили немецкие Me-109. Однако появление на фронте модернизированного истребителя Me-109Г, оснащенного двигателем повышенной мощности, свело это преимущество на нет. По предложению Новикова Государственный Комитет Обороны поставил задачу: не снижая количественного выпуска истребителей ни на один самолет, найти пути для увеличения их скорости, чтобы полностью восстановить преимущество советских истребителей над модернизированным «мессершмиттом».

Выходом из положения должно было стать повышение мощности мотора. Однако мнения о путях его достижения резко разделились. Наркомат авиационной промышленности предложил запустить в серию новый двигатель конструкции В. Я. Климова.

— Новый мотор потребует длительных доводочных работ на самолете, — возразил Новиков. — Это приведет к резкому снижению количества выпускаемых истребителей и пикирующих бомбардировщиков. Надо форсировать старый двигатель за счет повышения наддува и некоторого снижения его высотности.

— Форсирование вызовет перенапряжение мотора, — грозили двигателисты, — резко снизится ресурс его работы.

— Предлагаю провести стендовые испытания, — поставил точку председатель ГКО.

Форсированный двигатель отработал вдвое больше, чем было отведено по нормативу, и был принят в производство. Советские ВВС в короткий срок получили

²⁵ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983. С. 214.

существенно улучшенные истребители. Серийный выпуск самолетов и двигателей постоянно увеличивался.

Большая роль в развитии новой и совершенствовании серийной авиационной техники принадлежала Научно-испытательному институту ВВС (НИИ ВВС), работа которого также находилась под постоянным контролем Новикова. Институт испытывал новые самолеты, моторы, вооружение, спецоборудование. По предложению Александра Александровича было организовано изучение и испытание трофейного самолета Ме-109Г. Это позволило разослать в авиационные части описание вражеской машины, ее летно-технические данные и указания о наиболее эффективных способах борьбы с данным типом истребителя.

Новикову приходилось решать и другие вопросы, касающиеся эксплуатации боевой техники во фронтовых условиях, улаживать возникавшие в связи с этим конфликты между фронтовиками и представителями авиационной промышленности. Иногда такие конфликты случались на достаточно высоком уровне. Один из них возник вскоре после назначения генерал-майора авиации С. И. Руденко командующим 16-й воздушной армией. Представитель ГКО Г. М. Маленков в разгар оборонительных боев под Сталинградом упрекнул командарма в том, что летчики в воздушных схватках с врагом не умеют брать от техники все, что в ней заложено при создании, а поэтому упускают врага.

Руденко доложил, что любая машина в процессе ее эксплуатации теряет свои первоначальные качества. Повреждения поверхности самолета сказываются на летных данных машины: из-за увеличения сопротивления воздуха скорость ее падает. Испытываются, к примеру, «яки» с закрытым фонарем. А на фронтовых истребителях целлулоид быстро желтеет, трескается, через него не видно противника, поэтому летчик не закрывает фонарь в бою. А полет с открытым фонарем на пять — семь процентов уменьшает скорость машины.

Маленков решил, что Руденко защищает «честь мундира». Новиков, узнавший об этом конфликте, встретился с представителем ГКО. Было решено провести испытания самолетов на фронте. В 16-ю армию прибыла бригада из научно-исследовательского института. В анализе результатов испытаний приняли участие фронтовые летчики, которые внесли немало ценных предложений по облегчению самолета и повышению его аэроди-

памических качеств. Все документы были направлены на завод. Позже командующий ВВС Красной Армии приказал генералу Руденко побывать на заводе, встретиться с конструкторами, инженерами, рабочими.

— Своими советами,— сказал он генералу,— вы можете конструкторам повысить боевые качества машин, а рабочим и инженерам — увеличить производство истребителей.

Однажды выяснилось, что на некоторых поступивших с завода истребителях в бою отказывает оружие. Худшего положения в разгар воздушных боев нельзя было себе представить. Новиков немедленно доложил об этом заместителю Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукову, позвонил наркому А. И. Шахурину. Дело приняло крутой оборот — в него вмешался И. В. Сталин. Буквально в течение нескольких дней заводская бригада и вооруженцы устранили все неисправности.

В начале сентября 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, прочитав в «Правде» Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении опытных конструкторских бюро А. С. Яковлева и С. В. Ильюшина орденом Ленина, Александр Александрович отправил в их адрес поздравительные телеграммы. Его контакты с конструкторами крепили. Он общался с ними не только по каналам связи, но и регулярно встречался лично.

В неопубликованных записках Александра Александровича Новикова можно найти немало сведений, показывающих автора в различной обстановке, освещающих то или иное событие. Но через все аккуратно собранные и пронумерованные страницы проходит одна связующая нить. По записям можно почувствовать напряжение тех грозных дней: «До 24.00. Сбор сведений. Уточнение боевого состава. Запрос от фронта. Анализ. Определение сил. Их распределение в интересах фронта. Доклад командующему фронтом. Решение. Приказ. Распоряжения. Сна раньше двух лет. Потом ужин и сон. Если начало операций, то без сна. Поездка на КП, где прорыв. Как идут бои? Изучение обстановки на земле. Поездка в части. Доклад в Москву. Прием московской почты. Разговор с Москвой. Подготовка к следующему дню»²⁶.

Новиков знал сотни людей, помнил их имена, следил за их судьбами. Из его поля зрения не выпадала ни од-

²⁶ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

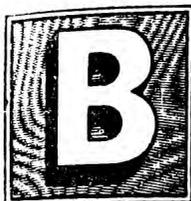
на незаурядная личность, им не был забыт ни один подвиг мужественных воздушных бойцов, ни один случай проявления инициативы наземными специалистами.

«В начале войны,— вспоминал он,— был призван в армию специалист по фотографии Виталий Алексеевич Семенов. Его назначили начальником фотослужбы 13-го разведывательного авиаполка. Вскоре Семенов сконструировал новый аппарат, который значительно расширил возможности фоторазведки. Это был щелевой фотоаппарат ЩАФ-2. Семенов был не только талантливым изобретателем, но и смелым, мужественным человеком. Он сам испытывал свой аппарат в боевых условиях — часто летал на разведку в тыл противника и доставлял нам с помощью нового прибора немало ценных сведений. Но в одном из полетов Семенов погиб. Однако начатое им дело по усовершенствованию методов фоторазведки не прекратилось — его продолжили другие.

Осенью 1941 г. воентехник 2 ранга С. П. Иванов и военный инженер 3 ранга М. М. Исьянов, основываясь на возможностях аппарата Семенова, разработали новый метод дешифрирования аэрофотоснимков — стереоскопический. Этот метод помогал «вытягивать» самые безнадёжные снимки. Благодаря ему нам становились доступными тайны многих тыловых объектов и аэродромов противника. Ценность этого изобретения была столь велика, что в начале января 1942 г. командование ВВС фронта представило работу Иванова и Исьянова на соискание Сталинской премии»²⁷.

²⁷ Цит. по: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 124.

ПО ЗАДАНИЮ СТАВКИ

первых числах ноября Новикова вызвали в Ставку.

— Вам нужно срочно вылететь на Юго-Западный фронт к Жукову, — сказал Сталин после доклада Новикова о положении на Калининском фронте. — Готовится наступление наших войск против сталинградской группировки немцев.

Сталин прошелся по кабинету. Его взгляд выжидательно остановился на командующем ВВС.

— Но там находится представитель Ставки по авиации генерал Ворожейкин, — сказал Александр Александрович.

— Помню об этом, товарищ Новиков, — слегка улыбнулся Сталин. — Претензий к вашему заместителю нет. Жуков настоятельно просит прислать к нему именно вас. Сработались, говорит. Думаю, в интересах дела надо удовлетворить его просьбу.

С генералом армии Жуковым командующий ВВС встретился на командном пункте Юго-Западного фронта в Серафимовиче. В общих чертах замысел операции «Уран» (такое кодовое наименование получило контрнаступление под Сталинградом) Новиков уже знал. К операции привлекались войска трех фронтов: Юго-Западного, Донского и Сталинградского. Для усиления 17, 16 и 8-й воздушных армий решением Ставки из резерва выделялись два авиационных корпуса РВГК и семь отдельных дивизий. Предусматривалось также привлечь силы 2-й воздушной

армии Воронежского фронта, пять дивизий авиации дальнего действия, 102-ю истребительную дивизию ПВО. Всего 1414 самолетов, а у противника было чуть более 1200 боевых машин¹.

— Прибыли,— радостно пожал руку Новикова Жуков.— Очень хорошо. «Могучая кучка» в сборе: Воронов, Новиков, Голованов, Федоренко... Но детали плана контрнаступления уточним утром. Сейчас ужинать и спать.

Новиков в своих неопубликованных воспоминаниях² пишет: «С утра 5.11.42 мы вместе просмотрели план наступления и установили, что авиация и артиллерия к 12 ноября, намеченному дню начала операции «Уран», готовы не будут. Авиация будет готова через неделю, и придется просить И. В. Сталина отложить наступление...»²

Принять такое решение Новикову было очень тяжело. Сталин не любил вносить коррективы в утвержденные планы. Однако Александр Александрович, рассматривая господство в воздухе как одну из главных предпосылок победы над врагом, доказал представителям ГКО и Ставке, командующим фронтами необходимость переноса начала наступления. Жуков послал соответствующую шифровку в Москву. Ответ не заставил себя ждать.

«Если авиাপодготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина,— говорилось в ответной телеграмме Сталина,— то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

¹ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968. С. 136.

² Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение...»³

Этот пример говорит о том, что мнение Новикова, его способность глубоко анализировать обстановку учитывались Ставкой при решении как оперативных, так и стратегических вопросов.

В телеграмме содержались указания, как организовать действия авиации в контрнаступлении под Сталинградом, были изложены главные принципы советского военного искусства, основанные на опыте первого периода войны. Руководствуясь ими, Новиков возглавил разработку вопросов оперативного применения Военно-воздушных сил в Сталинградской операции. Ему помогли генералы Г. А. Ворожейкин и А. Е. Голованов. Работали они в тесном взаимодействии с представителями Ставки Г. К. Жуковым, А. М. Василевским и Н. Н. Вороновым, а также с командующими фронтами и непосредственно с командующими воздушными армиями. В мемуарах Г. К. Жукова есть такие слова: «С 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта, а затем во всех деталях были рассмотрены и увязаны планы действий 21-й армии и 5-й танковой армии.

При проработке плана действий в штабе Юго-Западного фронта, кроме меня, присутствовали и другие представители Ставки: по вопросам артиллерии — генерал Н. Н. Воронов, авиации — генералы А. А. Новиков и А. Е. Голованов, по бронетанковым войскам — генерал Я. Н. Федоренко, которые помогли глубже отработать вопросы применения и взаимодействия важнейших родов войск»⁴.

О напряженной работе свидетельствуют и неопубликованные воспоминания А. А. Новикова: «6 ноября утром я улетал на Сталинградский фронт. Погода была скверная: обледенение, морось, временами шел мокрый снег. Самолеты обледенели. Пришлось крылья и фюзеляж обливать теплой водой. Первым подготовили самолет для

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 300.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 297—298.

Г. К. Жукова, улетавшего в Москву, потом — мой. Из-за плохой погоды пришлось сесть в Саратове, дозаправиться и перелететь в Энгельс. Вечером были на торжественном собрании в летном училище. Здесь я впервые познакомился с Мариной Расковой, командиром полка на Пе-2. Культурная, милая женщина. Больше ее увидеть не пришлось. Она погибла в январе 1943 года.

Наутро 7.11.42 года была чудная погода. Мы с М. Н. Кожевниковым и В. Г. Грачевым перелетели на полевой аэродром Житкур, который только подвергся бомбовому удару вражеской авиации...»⁵

Александр Александрович бывал почти на всех аэродромах, где готовились части к бою, беседовал с летчиками, давал указания командирам, как лучше решить тот или иной вопрос. В этих поездках особенно ярко высветивалась наиболее характерная черта его характера — сочетание высочайшей требовательности и уважения к человеку. Он доверял людям, без пужды не вмешивался в их функции, умел внимательно слушать и ценить мнение других. Особенно это относилось к генералам и офицерам оперативной группы, которая сопровождала его в поездках на фронт.

Ставка высоко ценила дарования Новикова как крупного авиационного военачальника, его умение решать не только оперативные задачи, но и стратегические вопросы. С заступлением на должность командующего ВВС Красной Армии он успешно справлялся с руководством Военно-воздушными силами и одновременно был представителем Ставки по авиации на тех фронтах, где готовились и проводились наиболее важные и крупные наступательные операции. Делать это было очень нелегко. На помощь приходили Военный совет и штаб ВВС, оперативная группа командующего. Все распоряжения и копии приказов, отданных Новиковым на фронте, отправлялись в Москву, что давало возможность Военному совету ВВС своевременно увязывать действия штаба и соответствующих управлений с принимаемыми решениями по использованию авиации на других фронтах.

О целесообразности такой постановки вопроса говорят результаты операции «Антифриз», проведенной меньше чем за неделю до начала контрнаступления. Поправку в планы внесли ранние морозы. Вода в радиаторах танков замерзала сразу же после ее заливки. Бронирован-

⁵ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

ные машины оказались беспомощными. В телеграмме, направленной в Ставку, Жуков писал: «...необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед...»⁶ Выручить могла только авиация. Но все транспортные самолеты были уже задействованы. И тогда Новиков принял смелое и неожиданное решение использовать для переброски антифриза... планеры. Десятки десантных машин доставили танкистам необходимое количество незамерзающей жидкости в минимальные сроки.

— Начало взаимодействию авиации с танкистами положено. — Генерал Я. Н. Федоренко, представитель Ставки по бронетанковым войскам, крепко пожал руку Новикову.

— Почему начало? О Погорелом Городище забыли? Там же впервые было организовано авиационное наступление.

— Танкисты все помнят, Александр Александрович, — ответил Федоренко. — Речь веду об операции «Уран»...

И таланта, и энергии, и уверенности в своих силах у Новикова было с избытком в каждой поездке на фронт. Однако он никогда не давил на подчиненных своими знаниями и авторитетом. Он умел слушать других, а когда подсказывал верное решение, то делал это так незаметно и убедительно, что собеседник принимал его решение как свое.

Чаще других он бывал в те дни в штабе 17-й воздушной армии, которая была сформирована 16 ноября 1942 г. на базе ВВС Юго-Западного фронта. В штабе армии решались десятки важных вопросов, связанных с поступлением людей, новых самолетов, организацией тыла, связи. В полках отрабатывалась техника пилотирования и тактика ведения воздушных боев, сколачивались пары и группы, изучались способы взаимодействия с наземными войсками. Александр Александрович со знанием дела вникал во все эти вопросы, однако главным считал переход к централизованному управлению всеми авиационными соединениями фронта. Сделать это в короткие сроки было очень нелегко. Командование наземных войск неохотно отдавало «свои» авиаполки и авиадивизии. Здесь большую помощь Новикову оказал командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. При утверждении плана операции он написал на карте: «Боевой авиации вести

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 300.

разведку на себя, искать объекты противника (резервы, колонны, районы сосредоточения). Быть готовым нанести массированные удары всей авиацией при обнаружении крупных резервов, особенно танковых и моторизованных дивизий противника».

Помогая решать вопросы боевого применения авиационных сил в масштабе армии, генерал Новиков чутко прислушивался к любым предложениям, которые поступали от рядовых летчиков, инженеров и техников. В 1-м смешанном авиакорпусе он узнал, что инженеры высказали мысль о переделке одноместного штурмовика Ил-2 в двухместный. Эта идея ему была знакома еще по блокаде Ленинграда, но там не было условий претворить ее в жизнь. Сейчас такая возможность появилась. И он не только поддержал новаторов, но приказал обеспечить их всем необходимым. Вскоре 66 штурмовиков с кабиной стрелка-радиста, где разместили крупнокалиберный пулемет, были готовы к бою. Подобная работа была проведена и в других воздушных армиях. По настоянию Новикова ГКО принял решение о переходе авиационной промышленности на выпуск Ил-2 в двухместном варианте, но он не мог простить себе то, что в свое время не выступил прямо и открыто против переделки двухместного штурмовика в одноместный. Сколько бы жизней летчиков было спасено.

Ранние холода усложнили снабжение воздушных армий всем необходимым для жизни и боя. Особые трудности возникли у генерала Т. Т. Хрюкина. Дело в том, что на Сталинградский фронт и в 8-ю воздушную армию горючее и боеприпасы поступали только через Волгу. Новиков сделал все возможное, чтобы и в период ледостава снабжение было бесперебойным, а когда лед достаточно окреп, было решено сделать настилы и доставлять горючее и боеприпасы на автомобилях.

— Сталинградская Дорога жизни, — сказал Новикову начальник штаба 8-й воздушной армии полковник Н. Г. Селезнев.

— И прикрывать ее с воздуха надо как на Ладого минувшей зимой, — ответил Александр Александрович.

План контрнаступления под Сталинградом окончательно был утвержден 13 ноября 1942 г. Начать операцию предстояло войскам Юго-Западного фронта 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже. По предложению Новикова было предусмотрено несколько вариантов отражения налетов вражеской авиации. Если про-

тивник бросит основные силы на бомбежку и штурмовку подвижных войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, против них будут сражаться истребители всех воздушных армий. Была даже предусмотрена возможность отложить на некоторое время выполнение задач 16-й воздушной армии в интересах 65-й армии Донского фронта. В случае удара по флангам советской группировки, справа или слева от Донского фронта, к отражению налетов намечалось привлечь истребительную авиацию двух армий. Использовать в этих условиях авиацию трех фронтов нельзя было из-за больших расстояний между аэродромами. Предусматривался и такой вариант: если гитлеровцы выберут для главного контрудара Донской фронт, то воздушные армии перенацеливаются с флангов на центр. План использования авиационных сил трех фронтов говорил о глубине стратегического мышления командующего ВВС Красной Армии.

Юго-Западный фронт решал наиболее сложные задачи. Он должен был форсировать Дон, прорвать оборону противника с плацдармов в районе Серафимович, Клетская и стремительно наступать в направлении Калач, Советский. Войскам Сталинградского фронта предстояло нанести удар из района Сарпинских озер и тоже наступать в направлении Советский, Калач. Сходящимися мощными ударами намечалось окружить основные силы 6-й армии и 4-й танковой армии гитлеровцев в междустье Волги и Дона. Донской фронт наносил два удара: один — из района Клетской на юго-восток, другой — из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг⁷.

На авиацию фронтов возлагались прикрытие и поддержка ударных группировок, сопровождение танковых и механизированных корпусов и ведение воздушной разведки. Большое внимание уделялось борьбе с немецкой авиацией. Завоевание стратегического господства в воздухе являлось одной из главных задач воздушных армий. Авиации дальнего действия ставилась задача вести боевые действия в полосе Юго-Западного фронта по разрушению аэродромов, железнодорожных узлов, станций и воспрепятствованию подходу резервов противника из глубины.

Представитель Ставки А. А. Новиков участвовал в разработке планов контрнаступления фронтов, определял боевое напряжение авиации, по указанию Ставки

⁷ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 296.

распределял резервы, занимался организацией взаимодействия авиации с наземными войсками, материально-технического обеспечения.

В основу планирования боевых действий всех воздушных армий был положен принцип массирования сил на направлениях главных ударов войск фронтов. В 17-й воздушной армии, например, все силы авиации выделялись на прикрытие и поддержку 5-й танковой и 21-й армий, которые наступали на главном направлении. Соединения 2-й воздушной армии намечалось использовать в полосе наступления 1-й гвардейской армии. 16-я воздушная армия свои усилия сосредоточивала на участке прорыва 65-й армии. Боевые действия 8-й воздушной армии в контрнаступлении были спланированы в форме авиационного наступления. Предусматривалась непрерывная авиационная поддержка при прорыве войсками обороны противника и при развитии успеха в глубине, тщательно планировались прикрытие и поддержка с воздуха танковых и механизированных корпусов, предназначавшихся для развития успеха. Для усиления поддержки ударной группировки войск Юго-Западного фронта три авиационные дивизии 2-й воздушной армии были перебазированы на правое крыло Юго-Западного фронта. Часть авиационных дивизий 2, 17 и 8-й воздушных армий за один-два дня до начала контрнаступления перебазировались на передовые аэродромы.

Под руководством Новикова в целях осуществления взаимодействия авиации с сухопутными войсками были разработаны плановые таблицы действий войск и авиации фронтов, в штабы общевойсковых армий направлены авиационные представители со средствами радиосвязи, а в 5-ю танковую и 21-ю армии Юго-Западного фронта — оперативные группы. Большое внимание уделялось подготовке ложных аэродромов. В 8-й воздушной армии, например, на 25 действующих аэродромов было подготовлено 19 ложных, на 14 из них имитировались полеты ночью⁸.

11 ноября гитлеровцы, произведя перегруппировку своих войск, возобновили атаки на город и вышли у завода «Баррикады» к Волге. Оборона 62-й армии оказалась расчлененной на три изолированных друг от друга участка. По приказу Новикова 8-я воздушная армия

⁸ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 138.

бросила все силы на оказание авиационной поддержки войскам, удерживающим эти рубежи. Огромную роль при этом сыграло хорошо организованное управление боевыми действиями авиации. Оно велось с двух пунктов управления. Главный располагался в районе КП Сталинградского фронта, а вспомогательный — в Райгороде. Для перехвата бомбардировщиков противника из-за нехватки истребителей широко использовались самолеты-штурмовики. И 62-я армия В. И. Чуйкова выстояла.

Организуя подготовку воздушных армий к контрнаступлению, Новиков тщательно анализировал итоги борьбы за господство в воздухе. Наиболее ожесточенный характер она приняла после выхода немецко-фашистских войск к окраинам Сталинграда. Основным способом этой борьбы являлись воздушные бои, но одновременно наносились мощные удары по вражеским аэродромам. За период оборонительной операции под Сталинградом, которая длилась 125 суток, советская авиация совершила 77 тысяч боевых самолето-вылетов, из них более 40 процентов на борьбу за господство в воздухе. С 17 июля по 18 ноября 1942 г. немецко-фашистская авиация потеряла здесь свыше 1400 боевых и транспортных самолетов⁹, 75 процентов из них были сбиты в воздушных боях, а 25 процентов уничтожены на аэродромах. Значительный урон был нанесен авиации противника и на других участках советско-германского фронта. Всего за первый период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г. авиация Германии и ее союзников потеряла на советско-германском фронте 15 750 самолетов¹⁰.

В архиве А. А. Новикова хранится письмо главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова, написанное им 11 ноября 1960 г.

«Дорогой мой друг и товарищ замечательный Александр Александрович!

Спешу искренне, от всей души и сердца, горячо поздравить тебя с очередным днем твоего рождения и пожелать тебе счастливой жизни, крепкого здоровья, больших успехов в твоём благородном труде и многие лета! Для нас с тобой это двойной праздник — день твоего рождения и День артиллерии.

⁹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 193.

¹⁰ См.: Авиация и космонавтика СССР. С. 131.

Почему я написал «очередным», тебе должно быть понятным, — «шесть ноль» может быть приятным только в спорте, и то для победившей стороны, но не в жизни человека в нашем возрасте.

Нам нужно радоваться, что, несмотря на все препятствия, волнения и переживания, мы достигли с тобой высоких возрастных вершин и всегда готовы к штурму более высоких.

При нашей дружбе есть о чем вспомнить. Во-первых, нашу совместную учебу в знаменитой Военной академии имени М. В. Фрунзе. Несмотря на все наши невзгоды, мы с тобой были счастливы, оказавшись слушателями высшего военно-учебного заведения. Как мы гордились этим! Сколько труда вкладывали в продолжение всех лет учебы! А как мы стойко стояли за генеральную линию нашей доблестной Коммунистической партии в борьбе с оппозицией, пытавшейся развернуть борьбу против ленинского Центрального Комитета!

Во-вторых, нельзя не вспомнить наше дружное участие в Великой Отечественной войне, как мы с тобой, рука об руку, старались вносить свой вклад в святое дело победы над ненавистным врагом.

Когда начинаешь перебирать в памяти боевые дела и ту обстановку, в которой мы оказывались, как изворачивались, — даже теперь становится жутко, а все потому, что наши замыслы и решения порой не согласовывались с реальными возможностями тех родов войск, которые мы возглавляли. Но мы с тобой смело смотрели вперед, не боялись ответственности, стойко стояли за правое дело, а главное, твердо верили в полную победу над врагом.

Приятно вспоминаются славные дни и победы, одержанные в исторической Сталинградской битве. Там мы с тобой — два «концертмейстера» — сумели наладить игру наших мощных оркестров, блестяще сыграть торжественную симфонию, да так, что она оказалась навечно записанной в скрижали военной истории как одно из лучших произведений нашего искусства!..»

Торжественная симфония, о которой пишет Воронов, грянула в 7 часов 30 минут 19 ноября 1942 г. Вслед за гвардейскими минометами ударили пушки. Это был грозный и могучий гром. 80 минут длилась артиллерийская подготовка, а когда огонь был перенесен в глубину вражеской обороны, группы штурмовиков нанесли удары по войскам противника в полосах прорыва.

Контрнаступление под Сталинградом началось, но развивалось оно медленно. Чтобы обеспечить прорыв тактической зоны фашистской обороны, командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Ф. Ватутин принял решение немедленно ввести в сражение три танковых корпуса. Это дало положительный результат. Танкисты продвинулись на 20—35 километров, но сопротивление противника нарастало с каждым часом.

Вечером, получив благоприятный прогноз погоды, командующий фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин обратился к Новикову.

— Надо усилить авиационную поддержку танкистов, — сказал он. — Утром введем в прорыв 8-й и 3-й кавалерийские корпуса.

— Перебросим часть сил 16-й воздушной армии на это направление, — ответил Новиков. — Такой вариант предусмотрен, но и Батову тоже нужна будет поддержка с воздуха.

Ясность внес генерал-полковник А. М. Василевский.

— Всю авиацию сосредоточить на направлении главного удара, — сказал он.

Но погода на второй день перечеркнула все планы. Нижняя кромка облаков не превышала 100 метров. Днем в воздух смогли подняться только одиночные штурмовики, а ночью — легкие бомбардировщики. Новиков не находил себе места.

— Придет и твой час, Саша, — успокаивал друга Воронов. — Контрнаступление только-только начинается.

Первая обнадеживающая весть пришла из штаба 16-й воздушной армии 21 ноября. Генерал Руденко сообщал, что шестерка Ил-2 под командованием Героя Советского Союза В. М. Голубева совершила удачный боевой вылет при облачности 10 баллов и нижней кромке 100 метров. Отважный командир провел свою группу на 80 километров в глубь территории, занятой противником, чтобы нанести удар по его аэродрому. На подходе к цели штурмовики были обстреляны зенитной артиллерией. Подавив средства ПВО, летчики атаковали аэродром и уничтожили восемь вражеских самолетов. На обратном пути штурмовики были атакованы истребителями. В ходе воздушного боя они сбили два Ме-109 и вернулись на свой аэродром без потерь.

— Неплохой запов, — скупно улыбнулся Новиков. — Какие вести из других армий?

— Одиночные полеты на разведку, штурмовку, бомбометание, — ответил работник штаба. — Низкая облачность.

Успешное продвижение войск Юго-Западного фронта заставило ускорить перебазирование авиации за Дон. На передовые аэродромы перелетело несколько истребительных и штурмовых полков 17-й воздушной армии. Передовые части 5-й танковой и 21-й армий, поддержанные авиационным корпусом генерала В. И. Шевченко, окружили войска противника, которые пытались удержать позиции в районе станции Распопинская.

— Приказ командующего фронтом быть готовым наносить массированные удары всей авиацией выполняем, — доложил Новикову генерал Красовский. — Бомбардировщики и штурмовики совершили 546 боевых вылетов по окруженной группировке противника и его моторизованным войскам в районах Акимовского и Лученского.

— Наддайте им еще, чтобы выбросили белый флаг, — ответил Александр Александрович. — Но главное — поддержка наступающих войск.

— Была бы погода, летчики рвутся в бой.

Советские войска вынудили капитулировать распопинскую группировку. Наступление продолжалось. 23 ноября войска Юго-Западного фронта заняли Калач и в районе Советского соединились с войсками Сталинградского фронта. Группировка гитлеровцев была окружена. Шесть советских армий получили возможность наступать в общем направлении на Сталинград, все туже сжимаемая внутреннее кольцо окружения.

Погода улучшилась, и авиация ежедневно совершала около 800 самолето-вылетов для прикрытия наступавших подвижных соединений, уничтожения живой силы и техники противника, ведения воздушной разведки, ударов по вражеским аэродромам. Начался второй период битвы в воздухе.

Прилетев однажды в штурмовой авиационный полк, Новиков узнал об аресте молодого летчика за трусость, проявленную в первом боевом вылете. Случилось это как раз перед прилетом командующего ВВС, и весь штаб полка кипел негодованием. По докладу ведущего сержанта, назовем его К., перед выходом на боевой курс, когда ударили с земли зенитки, оторвался от группы и в атаке цели не участвовал. Не пристроился он к ведущему и при повторном заходе. На аэродром вернулся на последних каплях бензина.

— Думаем, товарищ командующий, отдать его, подлеца, под суд военного трибунала, — закончил доклад командир полка.

— Вы поговорили с ним? Разобрались в обстоятельствах случившегося?

— Все летчики группы подтвердили, что К. уклонился от боя. Вот я и приказал его арестовать.

В землянку стремительно вошел взволнованный инженер полка. Видимо, его не успели предупредить, что тут находится генерал Новиков, и он на какое-то мгновение растерялся.

— Извините, товарищ командующий, — быстро проговорил инженер, пятясь к двери, — зайду к командиру попозже.

Когда инженер вышел, Новиков приказал привести арестованного летчика. Через несколько минут в землянку в сопровождении бойца с винтовкой вошел белокурый крепыш без ремня и знаков различия на гимнастерке. На его смешливом лице было больше удивления, чем страха. Новиков кивком головы отпустил командира полка и конвоира, указал летчику на табуретку.

— Рассказывайте все, как было, — негромко проговорил он. — Все, без утайки.

Беседа длилась минут двадцать. Сержант выложил все начистоту. Да, струхнул, когда перед самым носом самолета разорвался зенитный снаряд. Резко отвернул в сторону со снижением. Пока выравнивал машину в горизонтальный полет, разворачивал ее на прежний курс, группа словно растаяла в воздухе. А тут еще появилась пара «мессеров». Одним словом...

Дверь землянки распахнулась. На пороге вырос командир полка. За его спиной виднелась массивная фигура инженера.

— Товарищ командующий, — проговорил командир полка виноватым голосом. — Извините. Есть новые данные о полете К.

Новиков недовольно посмотрел на вошедших, но замечаний делать не стал. Только приказал увести летчика. Когда тот вышел, командир полка в растерянности проговорил:

— Низ фюзеляжа и центроплан штурмовика, на котором прилетел К., сплошь заляпаны клочками материи, пропитанными кровью, и концы лопастей винта сплошь во вмятинах, даже чуточку погнуты. Когда инженер доложил мне об этом, я, признаться, не поверил. Пока

вы беседовали с К., сам сходил на стоянку. Все подтвердилось. Виноват, не поверил я летчику, когда он доложил, что на обратном пути обнаружил вражескую колонну и в одиночку отштурмовал ее.

— Не поверили, значит? — задумчиво проговорил Новиков и вдруг внезапно спросил: — Вы повесть Куприна «Поединок» читали? Помните разговор командира полка с подпоручиком Ромашовым, который находился под домашним арестом? Не помните? А жаль. Старый служака произнес весьма примечательную фразу: «Что ж, я не смею, понимаете ли — не смею — не верить своему офицеру». Но это к слову. Зовите сержанта.

Летчик скупо, без эмоций рассказал, как он оторвался от «мессеров», как бреющим полетом пошел на восток. Очень скоро после разворота заметил большую колонну войск, движущуюся в том же направлении. Увидев советский штурмовик, гитлеровцы, а это были они, замечались.

— Ну я и начал их утюжить. Когда кончились боеприпасы, стал крошить винтом. Очень уж большая была колонна.

Сержант замолчал. В землянке повисла напряженная тишина. Лицо командира полка покрылось пятнами.

— Товарищ сержант, — сказал Новиков летчику, — вы свободны. Пригласите замполита, — обратился он к инженеру.

— Что будем делать? — спросил Новиков после доклада политработника о том, что он в курсе дела.

— Факт проявления трусости налицо, — ответил тот. — Ему надо дать соответствующую оценку. Но и о штурмовке забывать нельзя. Уму непостижимо, как он их винтом колошматил.

— Приказ номер двести двадцать семь никто не отменял, — жестко проговорил командир полка. — Что там сказано о трусах и паникерах? Военный трибунал, штрафная рота.

— Штрафная рота, военный трибунал... — остановил говорившего Новиков. — Сколько лет летчику? И двадцати еще нет. Вы об этом подумали, товарищ подполковник? Никакого трибунала. Соберите суд чести, отстраните сержанта на какое-то время от боевой работы, а когда начнет летать, ставьте его в середину боевого порядка, чтобы чувствовал поддержку с того и другого бока.

Точку в этой истории поставило сообщение из наземных войск, которые освободили район штурмовки. До-

клад сержанта подтвердился полностью. Он в одиночку разгромил целую колонну гитлеровцев. Командование стрелкового корпуса предлагало наградить летчика орденом Красного Знамени. Добавим к этому, что войну сержант К. закончил майором, в августе 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза...

Наступление войск внешнего и внутреннего колец окружения развивалось успешно. В частях царил подъем, чему немало способствовала хорошо организованная партийно-политическая работа, авангардная роль в боях коммунистов и комсомольцев. После выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» во всех частях были проведены собрания и беседы, где говорилось о том, что введение в армии и на флоте полного единоначалия на партийной основе предполагает всемерное усиление партийно-политической работы, которая должна еще теснее увязываться с задачами, решаемыми авиаторами.

Новиков распорядился перераспределить силы авиации. Войскам, отодвигавшим внешний фронт, помогали полки и дивизии 17-й и 2-й воздушных армий, 8-я и 16-я воздушные армии наносили удары по фашистам, оказавшимся в котле. К исходу 23 ноября сложились благоприятные условия для проведения наступательной операции на среднем течении Дона силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов.

24 ноября представителям Ставки Василевскому, Воронову и Новикову было приказано вылететь на Воронежский фронт, рассмотреть этот вопрос на месте и представить в Ставку соответствующие соображения. Этот перелет добавил седины на голове сорокадвухлетнего командующего ВВС Красной Армии. Нелетная погода чуть не привела к катастрофе. Из семи самолетов У-2 только один сумел достичь аэродрома назначения. Все три представителя Ставки, в том числе и сам Новиков, добирались до штаба Воронежского фронта из районов вынужденных посадок наземным транспортом. Как он ругал себя за то, что не настоял на отмене вылета?! Василевский и Воронов — деликатные люди — ни в чем не упрекнули командующего ВВС, но Новиков постоянно чувствовал свою вину за случившееся.

Гитлеровское командование считало, что немецкие воздушные силы вполне справятся с доставкой в район

Сталинграда продовольствия, боеприпасов, горючего и медикаментов. Для этой цели использовались лучшие транспортные и бомбардировочные эскадры, самолеты гражданского воздушного флота, опытные образцы машин авиационных заводов и даже отряд связи Гитлера.

Осуществляя блокаду вражеских аэродромов, летчики 8-й и 16-й воздушных армий вели напряженные воздушные бои. По приказу Новикова авиационные части были максимально приближены к границам котла, были организованы засады — истребители и штурмовики внезапно нападали на врага. Инициатива в воздухе была на стороне советской авиации.

После возвращения Василевского, Воронова и Новикова в штаб Юго-Западного фронта и уточнения обстановки началась разработка новой наступательной операции («Кольцо») по ликвидации немецко-фашистских войск, окруженных под Сталинградом. Одновременно Александру Александровичу пришлось координировать действия четырех воздушных армий, внимательно следить за развитием событий на Северном Кавказе, Калининском и Ленинградском фронтах. Немало забот вызвала у него организация надежной блокады окруженной группировки с воздуха. Пришлось организовывать взаимодействие авиации с зенитной артиллерией, выделять для борьбы с воздушными перевозками врага дополнительные силы. 30 ноября Новиков отдал командующему 16-й воздушной армией генералу Руденко распоряжение о выделении истребительного и штурмового авиационных полков для борьбы с транспортной авиацией противника. Одновременно ставилась задача по уничтожению транспортных самолетов врага на аэродромах, а также по их блокированию.

2 декабря Василевский и Новиков направились на Донской фронт, чтобы координировать действия советских войск при разгроме группировки Паулюса. В короткий срок был разработан план воздушной блокады, организована особая сеть радиостанций наведения, все пространство вокруг окруженной группировки разделено на секторы и полосы действий зенитной артиллерии и истребительной авиации. Проводилась артиллерийская блокада аэродромов и посадочных площадок, действующих внутри кольца, наносились штурмовые и бомбовые удары как по аэродромам внутри кольца, так и по аэродромам, с которых действовала вражеская транспортная и

боевая авиация, широко использовались полеты истребителей-«охотников».

Новиков переживал, что предпринятое в начале декабря наступление войск фронтов в целях ликвидации окруженной группировки не дало ожидаемых результатов. Враг начал перебрасывать на это направление дополнительные войска с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы, сосредоточив крупные силы в районах Тормосина и Котельниково. Утром 12 декабря две танковые дивизии противника нанесли удар на узком участке фронта вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград. На их флангах наступали кавалерийские и пехотные соединения. Танковым дивизиям удалось прорвать на этом участке оборону советских войск и к исходу 13 декабря выйти в район Верхне-Кумского. Новикову срочно пришлось внести коррективы в план использования авиации 17-й и 2-й воздушных армий. В распоряжение генерала С. А. Красовского был передан 2-й бомбардировочный авиационный корпус под командованием генерала И. Л. Туркеля, который прибыл в состав 16-й воздушной армии в начале декабря. Эффективность удара авиакорпуса была высокой. Это еще больше утвердило Новикова в мысли о переходе на такую структуру всех объединений подобного типа.

Принимались и другие меры для отражения натиска врага. Бои между реками Аксай и Мышкова и южнее продолжали развиваться с нарастающей силой. Перелом наступил после ввода в бой дивизий 2-й гвардейской армии под прикрытием авиации. По решению Новикова основные силы 8-й воздушной армии были брошены в этот район. За пять суток ожесточенного сражения, решившего, по оценке маршала А. М. Василевского, судьбу Сталинградской битвы, летчики под руководством генерала Т. Т. Хрюкина совершили 1694 боевых вылета, сбросили свыше 10 тысяч авиабомб, израсходовали 1070 реактивных и более 33 тысяч пушечных снарядов. Враг был остановлен. Гитлеровский план спасения окруженных войск провалился.

В эти напряженные дни на КП командующего ВВС поступало немало ценных докладов, письменных и телеграфных сообщений. Но одна телеграмма его особенно тронула. Командир 23-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск Е. Г. Пушкин телеграфировал: «Командующему ВВС Красной Армии генерал-лейтенанту авиации Новикову. Копия:

командующему 17 ВА генерал-лейтенанту Красовскому, командиру 1 сак генерал-майору Шевченко. При прорыве в районе Шараповка 23-й танковый корпус во взаимодействии с 1 сак с поставленной задачей справился отлично. Несмотря на превосходство сил противника, летчики 1 сак сбили 16 вражеских самолетов, в том числе имеется таран»¹¹.

С первых дней декабря главной заботой Новикова стала организация воздушной блокады окруженной группировки войск противника в районе Сталинграда. Еще 4 декабря он направил в 8-ю и 16-ю воздушные армии директиву, в которой указывалось: «Уничтожение транспортных самолетов противника считаю основной задачей...

Закрепить специально выделенные части истребителей и штурмовиков для уничтожения транспортных самолетов. Блокировать все аэродромы в кольце окружения днем и ночью, для чего днем использовать истребители, а ночью — самолеты У-2...»¹²

Этой же директивой предусматривались меры по усилению блокирования аэродромов врага в районе окружения. Вводилось дежурство истребителей в воздухе, четко распределялись обязанности между авиаторами 8-й и 16-й воздушных армий. Однако жизнь внесла существенные поправки. Часть сил авиации была привлечена к отражению наступления группы Манштейна, пытавшейся прорвать кольцо окружения. Кроме того, у противника оказалось гораздо больше сил, чем предполагалось. Считалось, что в окружении находится 85—90 тысяч гитлеровцев, а на самом деле, как было установлено позже, там было около 330 тысяч.

Большую роль сыграло создание вокруг кольца окружения сети радиостанций оповещения и наведения, а также использование в этих целях радиосредств авиационных представителей в войсках. Например, утром 11 декабря по сигналу радиостанции наведения в воздух поднялись 18 истребителей 3-го и 9-го гвардейских истребительных авиаполков во главе с командиром 235-й истребительной дивизии полковником И. Д. Подгорным. В районе Больших Чепурников они атаковали многочисленную группу тяжелых вражеских самолетов, шедших с грузом в направлении Сталинграда под прикрытием истре-

¹¹ 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., 1972. С. 35.

¹² Цит. по: Тимохович И. В. В небе войны. С. 167.

ребителей. В результате боя было сбито 15 транспортников¹³.

К середине декабря под руководством Новикова, правда, с некоторым опозданием была разработана стройная система перехвата и уничтожения вражеской авиации, рвущейся к окруженной группировке Паулюса. В историю военного искусства она вошла под названием воздушной блокады и стала одним из выдающихся результатов Сталинградской битвы. Тогда командующему ВВС Красной Армии удалось творчески применить на практике одно из положений советской военной науки о том, что в борьбе за господство в воздухе должны участвовать все виды Вооруженных Сил и рода войск. По содержанию боевых действий авиации, количеству привлекаемых сил и результатам это была воздушная операция советских Военно-воздушных сил.

В основу системы была положена карта с зонами борьбы с транспортной авиацией, которая была разработана и согласована с командующими войсками фронтов по указанию представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Экземпляры карты находились на КП командующего ВВС, командующих фронтами и воздушными армиями. Была установлена надежная двусторонняя связь, упорядочена работа системы ВНОС, налажено взаимодействие с зенитно-артиллерийскими частями. Благодаря этому воздушная блокада действовала исключительно эффективно.

Что собой представляла каждая из зон борьбы с транспортной авиацией противника?

Первая зона располагалась за внешним фронтом окружения. Здесь действовали 17-я воздушная армия и соединения авиации дальнего действия, а с конца декабря 1942 г. и авиация 8-й воздушной армии. Вторая зона была основной. Она проходила между внешним и внутренним фронтами и делилась на пять секторов, в каждом из которых действовала самостоятельная авиационная группировка. Два сектора, закрепленные за 16-й воздушной армией, располагались севернее и северо-восточнее района окружения. Южнее и юго-западнее, со стороны основного направления полетов транспортных самолетов врага, находились остальные три сектора. За них ответственность несла 8-я воздушная армия и 102-я истребитель-

¹³ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 147.

ная авиадивизия ПВО, оперативно подчиненная генералу Т. Т. Хрюкину. Каждый из секторов располагал своими истребительными и штурмовыми частями, а также радиостанциями наведения и был разделен на зоны ответственности, в которых постоянно патрулировали истребители, а часть их со штурмовиками находилась на аэродромах в готовности номер один. Третья зона, в которой располагалось 235 зенитных орудий среднего и малого калибров и 241 зенитный пулемет, окаймляла весь район окружения и имела ширину в юго-западном и южном направлениях от 16 до 30 километров. Непосредственно над котлом, являвшимся четвертой зоной, действовали истребители, штурмовики и бомбардировщики 16-й и 8-й воздушных армий и специально выделенный истребительный авиационный ночной полк 102-й авиадивизии ПВО.

Было налажено четкое взаимодействие с пехотными и артиллерийскими частями. Зональная система воздушной блокады окруженной группировки противника явилась эффективным средством борьбы с его авиацией за стратегическое господство в воздухе. Результат ее был исключительно высокий. На аэродромах и в воздухе было уничтожено около 1200 самолетов противника, из них 80 процентов транспортных и бомбардировщиков¹⁴.

30 декабря директивой Ставки ликвидация окруженной группировки была целиком возложена на Донской фронт. Воздушная обстановка над городом к тому времени существенно изменилась. Лишившись прифронтовых аэродромов, вражеская авиация действовала теперь с удаленных от Сталинграда баз. Истребителям противника стало труднее сопровождать транспортные самолеты. Фашисты вынуждены были отказаться от полетов большими группами, стали посылать одиночные машины по разным маршрутам.

«Для организации блокады, — вспоминал командующий фронтом К. К. Рокоссовский, — прибыли к нам на Донской фронт генералы авиации Новиков и Голованов. Они успешно справились с задачей.

Ставка нас предупредила, чтобы мы не рассчитывали на усиление фронта стрелковыми и танковыми соединениями. Это обстоятельство заставляло всех, кто отвечал за успех операции, а в первую очередь командующего

¹⁴ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 147.

фронтом, тщательно продумать вопрос об использовании сил, которыми мы располагали.

В результате огромной работы, проведенной коллективом штаба фронта, командующими родами войск, начальниками служб, и большой помощи, оказанной нам представителями Ставки Н. Н. Вороновым, А. А. Новиковым и А. Е. Головановым, была завершена подготовка к сражению»¹⁵.

Подготовка к операции «Кольцо» совпала со встречей Нового, 1943 года. Новикова она застала в штаб-квартире командующего Донским фронтом. Летчики доставили сюда елку. Вечер получился замечательным. Присутствовали члены Военного совета фронта и гости из Москвы — Василевский и Голованов, а также писатели Ванда Василевская и Александр Корнейчук. В дружеской беседе был затронут вопрос о том, что история помнит немало случаев, когда врагу, попавшему в тяжелое положение, предъявлялся ультиматум о сдаче.

На другой день состоялся разговор Рокоссовского с Москвой. Генерал Антонов пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума. Предложение командующего фронтом было одобрено. Ставка определила, что ультиматум следует предъявить за два дня до начала наступления. Немецко-фашистскому командованию предоставлялась возможность предотвратить катастрофу, нависшую над окруженными войсками. Здравый смысл должен был подсказать ему единственно разумное решение — принять условия капитуляции. Скольким людям это сохранило бы жизнь! Однако командование гитлеровских войск отказалось принять ультиматум.

Начались боевые действия. Но накануне за внешним фронтом окружения бомбардировщики и штурмовики продолжали уничтожать немецкие самолеты на аэродромах. Для этого по указанию представителя Ставки по авиации А. А. Новикова привлекались авиационные полки 17-й и 8-й воздушных армий, а также авиации дальнего действия. Особенно удачным был удар 9 января по аэродрому гитлеровцев, где базировалось более 300 транспортных и боевых самолетов. Для их уничтожения были направлены семь Ил-2 под командованием капитана И. П. Бахти-

¹⁵ Рокоссовский К. К. Солдатский долг, М., 1980. С. 166—167.

на в сопровождении истребителей. Первая атака самолетов по аэродрому была произведена внезапно, из-за облаков. Советские штурмовики совершили шесть заходов на цель. Бомбами, реактивными снарядами и пулеметно-пушечным огнем они вывели из строя и уничтожили более 72 самолетов Ю-52¹⁶.

Сообщение об этом успехе Новиков получил перед отлетом в Москву, где его ждали неотложные дела. Особого внимания командующего ВВС Красной Армии требовали формирование авиационных корпусов РВГК, подбор для них руководящих кадров. 1-м и 2-м истребительными корпусами командовали генерал-майоры авиации Е. М. Белецкий и А. С. Благовещенский — опытные авиационные командиры, испытанные в боях и сражениях руководители. Предстояло более близкое знакомство с командиром 3-го истребительного авиакорпуса генерал-майором авиации Е. Я. Савицким. Оно началось с сюрприза. Новикову доложили, что будущий комкор прилетел по срочному вызову в Москву на трофейном связанном самолете, из-за низкой облачности заблудился и приземлился на... реку возле Кремля, за Крымским мостом. Вот что рассказывал о той встрече сам Е. Я. Савицкий:

«Командующий встретил меня более чем сдержанно. Во всяком случае, пока я докладывал ему о прибытии, чувствовал, что генерал Новиков смотрит на меня не только изучающе, что было естественно при первой встрече, но и строго, даже сердито. Хотя первые слова командующего успокоили. Улыбаясь, он тепло поздравил меня с успешными действиями наших войск и авиации под Сталинградом, справился о здоровье, сказал даже нечто вроде комплимента:

— Слышал о вас много хорошего. Знаю, что вы опытный летчик, хороший командир, умело воюете. Но...

И тут началось! Никогда до сих пор не чувствовал я себя так неуютно в разговоре со старшим начальником. Нет, командующий ВВС не устроил мне грубого разноса, даже не повысил голоса. Но слова, которые он подбирал тщательно, произносил не спеша, били очень больно. И в то же время все сказанное Новиковым, я это почувствовал сразу, было справедливым.

Оказалось, что он уже знает про мой перелет из-под Сталинграда в Москву.

— Лететь на незнакомом самолете, по неизвестному

¹⁶ См.: Авиация и космонавтика СССР. С. 140.

маршруту, в такую погоду... И этому безответственно лихому человеку мы решили доверить командование...

Новиков почему-то вздохнул, сел за письменный стол, до сих пор он ходил по ковровой дорожке кабинета. Предложил сесть и мне. Разговор продолжил уже другим, спокойно-деловым тоном:

— Итак, принято решение назначить вас командиром истребительного авиационного корпуса...

После строгого разговора я ожидал все, что угодно. Но такое? А командующий, внимательно посмотрев на меня, продолжал:

— Командиром истребительного авиационного корпуса. И не просто корпуса, а корпуса резерва Ставки, резерва Верховного Главнокомандования...¹⁷

После детального разговора о формировании корпуса, его задачах, методах боевых действий, об огромной ответственности, которая ложится на командира, Новиков сказал:

— Учтите, что командиры корпусов резерва Верховного Главнокомандования назначаются товарищем Сталиным...

Вечером Александр Александрович с удовольствием прочитал в «Красной звезде» статью «Советские асы», в которой, в частности, отмечалось, что в состав группы асов входят известные мастера воздушного боя — Герои Советского Союза Шестаков, Баранов, Мартынов и другие. Асы свободны в выборе цели и места боя и поэтому получают возможность выслеживать врага. Индивидуальное мастерство летчика-истребителя и тактика свободного полета — таковы основные принципы боевой деятельности советских асов. После тщательной подготовки к этой своеобразной работе летчики под командованием Шестакова перебазировались на один из передовых аэродромов. Здесь, над стоянками своих самолетов, им и пришлось вести первые бои, которые внесли изменения в воздушную обстановку на данном участке фронта. Вначале гитлеровцы имели преимущество в высоте. Этого же добивались летчики группы Шестакова, подчинив весь боевой пилотаж главной задаче — набору высоты. Прочно захватив инициативу в воздушных боях, группа Шестакова повела наступление на довольно широком участке фронта. Она установила контроль над полем боя, связав деятельность вражеской авиации. Группа Шестакова в первую же не-

¹⁷ Савицкий Е. Я. В небе над Малой землей, Краснодар, 1980. С. 18—20.

делю боев сожгла более 30 немецких самолетов и решила ряд серьезных задач, резко изменив обстановку на данном участке фронта.

«Молодцы гвардейцы!» — отметил про себя Новиков и отдал распоряжение назначить Героя Советского Союза полковника Л. Л. Шестакова заместителем командира истребительной авиационной дивизии. Но скоро это решение пришлось изменить. При встрече с Новиковым Шестаков настоял, чтобы его оставили в прежней должности. Как раз в это время в авиационной катастрофе погиб командир 19-го Краснознаменного истребительного авиаполка, который подчинялся непосредственно командующему ВВС Красной Армии, и Шестаков стал им командовать.

После переучивания шестаковцы, как их стали скоро называть, влились в состав 16-й воздушной армии, которая с 14 января и до полной ликвидации окруженной в Сталинграде группировки врага вместе с частями авиации дальнего действия активно поддерживала войска Донского фронта, нанося удары по живой силе и технике противника, уничтожали его самолеты на аэродромах и в воздухе. Система воздушной блокады, созданная под руководством генерала Новикова, действовала надежно. Однако она была не единственной важной задачей, которую решали советские ВВС в ходе Сталинградской битвы. Не меньшее значение для достижения победы над врагом имели завоевание оперативного господства в воздухе и активная поддержка сухопутных войск в ходе операции. Все эти задачи были успешно решены. Об этом говорят итоги боевых действий советской авиации в Сталинградской битве. С 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. наши летчики совершили 35 929 самолето-вылетов против 18 500 самолето-вылетов противника. На голову врага было сброшено 141 тысяча бомб, 2720 ампул с зажигательной смесью КС и израсходовано 30 тысяч реактивных снарядов. Врагу был нанесен значительный урон, а его авиация за период с 19 ноября 1942 г. по 31 января 1943 г. потеряла 3 тысячи самолетов¹⁸.

Победа, одержанная Красной Армией под Сталинградом, коренным образом изменила обстановку на земле и в воздухе. В борьбе за стратегическое господство в воздухе на всем советско-германском фронте четко обозна-

¹⁸ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 151.

чился коренной перелом. Военный историк М. Н. Кожевников, говоря о значении воздушных сражений, проведенных в небе Сталинграда, писал: «Успешное решение советскими ВВС трех важнейших задач: завоевания оперативного господства в воздухе, активной поддержки сухопутных войск с воздуха и воздушной блокады окруженных немецко-фашистских войск — было возможно благодаря объединению усилий 2, 8, 16 и 17-й воздушных армий и авиации дальнего действия под единым, централизованным командованием представителя Ставки ВГК генерала А. А. Новикова, умелому руководству соединениями и частями командующих воздушными армиями генералов С. А. Красовского, С. И. Руденко, Т. Т. Хрюкина, К. Н. Смирнова, командования авиации дальнего действия генералов А. Е. Голованова и Н. С. Скрипка и благодаря героическим делам командиров, политработников и всего летного и технического состава. Впервые за время войны в крупном масштабе было организовано взаимодействие сил авиации четырех воздушных армий и пяти авиационных дивизий авиации дальнего действия, введена в практику новая форма оперативного применения ВВС — авиационное наступление, весьма успешно организована и осуществлена воздушная блокада, совершенно по-новому решены вопросы организации и управления»¹⁹.

Командующий Военно-воздушными силами делал все, чтобы опыт, накопленный в ходе Сталинградской битвы, был в короткий срок внедрен в практику всей авиации. Этому способствовал и выпуск ряда информационных сборников штаба ВВС, где особое место уделялось вопросам авиационного наступления как новой формы оперативного применения фронтовой авиации в наступательных операциях войск фронтов.

Вскоре после победы под Сталинградом Новикова вызвали в Ставку.

— Создались благоприятные условия для ликвидации плацдарма немцев в районе Демянска, — сказали ему. — Надо перерезать рамушевский коридор, замкнуть кольцо окружения, авиации предстоит захлопнуть над котлом крышку.

Наступление Северо-Западного фронта началось 15 февраля. К этому времени Новиков, используя опыт, приобретенный в Сталинграде, помог генералу Ф. П. Полы-

¹⁹ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 108.

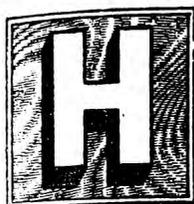
нину и штабу 6-й воздушной армии организовать воздушную блокаду полуокруженной группировки врага. Результативность боевых действий советских летчиков заметно возросла. Увеличились потери гитлеровцев и на других участках фронта. Ведомство Геринга не хотело мириться с таким положением и непрерывно наращивало силы на Востоке. Чтобы вернуть утраченную инициативу на южном крыле фронта и удержать стратегическое господство в воздухе, оно перебросило на усиление 4-го и 6-го воздушных флотов несколько авиационных групп из Германии, Франции и Норвегии. Всего советским ВВС к весне 1943 г. противостояло около 3 тысяч боевых самолетов врага²⁰.

23 февраля 1943 г. генерал-полковнику авиации А. А. Новикову был вручен орден Суворова I степени. Эту награду он получил из рук М. И. Калинина вместе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. 17 марта А. А. Новиков стал первым в нашей стране маршалом авиации.

Сталинградская битва положила начало коренному перелому в войне. Стратегическая инициатива окончательно перешла к Советским Вооруженным Силам. И хотя война продолжалась еще более двух лет, дальнейший ход событий был в значительной степени predetermined²¹.

²⁰ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 114.

²¹ См.: Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 15.

овикова радовало, что советские Военно-воздушные силы пришли к весне 1943 г. значительно окрепшими. В конце марта в составе фронтов действовало 13 воздушных армий, было сформировано 19 авиационных корпусов РВГК, для прикрытия фронтовых аэродромов по решению Государственного Комитета Обороны формировались специальные полки ПВО. Количественно и качественно выросла авиация дальнего действия, имевшая восемь авиационных корпусов. Тыл поставлял на вооружение самолеты усовершенствованных конструкций: Ла-5, Як-9, Пе-2, Ту-2, Ил-2. Всего к весне 1943 г. авиация имела 5892 боевые машины¹. Командование и штаб ВВС приобрели большой опыт в организации борьбы с вражеской авиацией как в рамках оборонительных и наступательных операций сухопутных войск, так и в проведении специальных воздушных операций.

Ставка Верховного Главнокомандования, правильно оценив обстановку, точно определила вероятность и направление действий немецко-фашистских войск летом 1943 г. в районе Курской дуги. Было принято решение о преднамеренной обороне. Но прежде следовало ликвидировать таманскую группировку противника, основным ядром которой была хорошо укомплектованная 17-я армия немецких войск, имевшая в своем составе 16 дивизий.

Войска Северо-Кавказского фронта в 1,5 раза превосходили врага по пехоте, танкам и несколько меньше — по артил-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976. Т. 7. С. 101.

лерии. Ощущая недостаток в войсках, противник рассчитывал с помощью авиации сорвать наступление советских войск и уничтожить десантную группу на Мысхако. В середине апреля он сосредоточил на аэродромах Крыма и Тамани до 820 самолетов. Кроме того, для действий на Кубани противник мог привлечь не менее 200 бомбардировщиков с аэродромов юга Украины. В составе его авиационной группы находились лучшие в немецких ВВС истребительные эскадры «Удет» и «Мельдерс», укомплектованные опытным летным составом и новыми самолетами².

К началу наступления советских войск в состав авиации Северо-Кавказского фронта входили 4-я воздушная армия, располагавшая 250 самолетами (командующий генерал Н. Ф. Науменко), 5-я воздушная армия, насчитывавшая 200 самолетов (командующий генерал С. К. Горюнов), 70 самолетов ВВС Черноморского флота (командующий генерал В. В. Ермаченков) и одна дивизия авиации дальнего действия. Всего было около 600 самолетов. Превосходство в авиации было на стороне противника³.

В целях обеспечения более надежного и централизованного управления боевыми действиями двух воздушных армий в начале апреля были созданы ВВС Северо-Кавказского фронта во главе с генералом К. А. Вершининым. Общее руководство и координацию действий авиации Северо-Кавказского и соседних Южного и Юго-Западного фронтов осуществлял представитель Ставки Александр Александрович Новиков.

В начале апреля инициатива в борьбе за господство в воздухе благодаря превосходству сил перешла на сторону противника, и Вершинин забил тревогу.

— Боевая активность нашей авиации, — докладывал он Новикову, — заметно ниже немецкой. Девятого апреля немцы сделали 750 самолето-вылетов, мы — 307, двенадцатого апреля немцы — 862, мы — только 300.

Ставка приняла срочные меры. Прежде всего для максимального ослабления авиационных сил 4-го воздушного флота противника по инициативе Новикова было решено провести воздушную операцию. Удар по 18 аэродромам наносили 4-я и 5-я воздушные армии Северо-Кавказского фронта, 17-я воздушная армия Юго-Западно-

² См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 116.

³ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 155.

го фронта, 8-я воздушная армия Южного фронта, ВВС Черноморского флота и группа АДД. Операция началась 17-го и продолжалась до 29 апреля. В результате воздушных ударов было выведено из строя около 260 самолетов противника, что вынудило гитлеровцев большую часть своей авиации перебазировать на аэродромы, располагавшиеся в глубоком тылу⁴.

Однако это не успокоило командующего ВВС Красной Армии. В сложившейся обстановке ярко проявилась такая черта в полководческой деятельности маршала авиации Новикова, как тщательный анализ соотношения сил сторон, творческий подход к использованию имеющихся резервов и организации маневра соединениями и частями авиации. Опыт боевого применения Военно-воздушных сил в первом периоде войны позволил ему сделать вывод о том, что одним из главных условий успешных боевых действий является создание решительного превосходства над противником, позволяющего в нужное время иметь достаточно мощные группировки ВВС на главных направлениях действий фронтов. Исходя из этого, по предложению Новикова, сделанному еще до его выезда на фронт, часть авиации с центрального участка советско-германского фронта была переброшена на Кубань. В 4-ю воздушную армию прибыли 2-й бомбардировочный авиационный корпус под командованием генерала В. А. Ушакова и 3-й истребительный авиакорпус генерала Е. Я. Савицкого, в 5-ю воздушную армию — 2-й смешанный авиационный корпус (командир генерал Н. Т. Еременко) и 282-я истребительная авиадивизия (командир полковник С. П. Данилов). Усилена была и группировка АДД, возглавляемая заместителем командующего АДД генералом Н. С. Скрипко. В дополнение к действовавшей здесь 50-й бомбардировочной авиационной дивизии прибыла 62-я, и обе они вошли в состав вновь сформированного 6-го авиационного корпуса (командир генерал Г. Н. Тупиков)⁵.

Первое воздушное сражение над Мысхако началось 17 апреля. Противник бросил на войска 18-й армии 450 бомбардировщиков и около 200 истребителей. Им противодействовало 500 советских самолетов. Немецким бомбардировщикам удалось совершить в районе Мысхако более 1000 самолето-вылетов. Новиков прибыл в район бое-

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961. Т. 3. С. 392.

⁵ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 155—156.

вых действий вместе с Жуковым. Просмотрев план боевого применения авиации 4-й и 5-й воздушных армий, понаблюдав за сражениями в воздухе и побеседовав с командирами соединений и летчиками, он внес существенные коррективы в организацию боевых действий авиации. Опыт, накопленный в Сталинградской битве, использовался им в полной мере. Бомбардировщикам было приказано действовать крупными группами, бомбить вражеские войска не с одного захода, а с нескольких. Штурмовики должны были оставаться над вражескими войсками как можно дольше, что увеличивало продолжительность авиационного воздействия на противника и улучшало результативность бомбовых ударов. Основные усилия истребителей были перенесены на борьбу с вражескими бомбардировщиками, а чтобы борьба эта стала более успешной, Новиков приказал истребительные патрули эшелонировать по фронту и высоте, значительную часть боевых действий вести за линией фронта, перехватывать «юнкеры» и «хейнкели» на подходах к передовой.

20 апреля 1943 г. уточненный и скорректированный план боевых действий военно-воздушных сил Северо-Кавказского фронта с приданной авиацией резерва Ставки по разгрому группировки противника на Таманском полуострове был утвержден Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и маршалом авиации А. А. Новиковым. В плане учитывались все основные черты авиационного наступления, предусматривалось завоевать господство в воздухе, бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожать живую силу и артиллерию противника, способствовать упорной обороне советских десантных частей юго-западнее Новороссийска и наступлению войск 56-й армии, вести воздушную разведку в интересах наземных войск и ВВС фронта. Усилия авиации сосредоточивались в направлении станицы Крымская и города Новороссийск. Истребители на весь период операции закреплялись за одними и теми же бомбардировочными и штурмовыми авиадивизиями.

В ходе подготовки и проведения операции маршал авиации Новиков и командование ВВС Северо-Кавказского фронта много внимания уделяли организации взаимодействия между видами и родами авиации, а также авиации с сухопутными войсками. В районе станицы Абинская совместно с передовым командным пунктом фронта был развернут вспомогательный пункт управления ВВС.

Были развернуты и выдвинуты к линии фронта такие же пункты в 4-й и 5-й воздушных армиях.

Для управления истребителями над полем боя предназначались пять радиостанций, из которых три располагались в полосе 56-й армии, в том числе главная радиостанция, где при организации авиационного наступления находились А. А. Новиков, К. А. Вершинин, командир истребительной авиационной дивизии генерал А. В. Борман и группа офицеров 4-й воздушной армии.

Вскоре после утверждения плана стало известно, что противник сосредоточил большие силы в районе Федотовки для атаки десантников. Оценив обстановку, командование фронта пришло к выводу, что гитлеровцы начнут наступление предположительно в 12 часов.

— Нанесем удар в 11 часов 30 минут, — предложил генерал Вершинин.

— Утверждаю, — одобрил Новиков. — Только предсмотрите и повторный вылет.

Внезапный удар сотни советских бомбардировщиков по боевым порядкам гитлеровцев, изготовившихся для атаки, был настолько эффективным, что попытки фашистов продвинуться вперед были робкими и разрозненными. Советские десантники легко отбили их. Затем был нанесен второй бомбовый удар по тому же участку вражеской обороны. Наступление вражеских войск оказалось сорванным. Командующий 18-й армией генерал К. Н. Леселидзе писал: «Массированные удары нашей авиации по противнику, пытавшемуся уничтожить десантные части в районе Мысхако, сорвали его планы. У личного состава десантной группы появилась уверенность в своих силах»⁶.

Первое воздушное сражение в небе Кубани выиграли советские летчики. Это отмечал в своем приказе Военный совет Северо-Кавказского фронта: «День 20 апреля был кульминационным моментом боев на фронте десантной группы... В течение трех дней над участком десантной группы происходили непрерывные воздушные бои, в результате которых авиация противника понесла исключительно большие потери, вынуждена была уйти с поля боя. Этим определилась и дальнейшая наземная обстановка»⁷.

⁶ Цит. по: Авиация и космонавтика СССР. С. 145.

⁷ Цит. по: Гречко А. А. Годы войны, 1941—1943. М., 1976. С. 485.

После того как наступление противника в районе Мысхако провалилось и господство в воздухе советских летчиков на этом направлении было завоевано, Новиков издал директиву, которая коренным образом изменила структуру ВВС фронта. Управление 5-й воздушной армии, передав 287-ю, 236-ю истребительные авиационные дивизии и 132-ю дивизию ночных бомбардировщиков (всего 265 самолетов) 4-й воздушной армии, убыло под Курск, на вновь сформированный Степной фронт. Командующим 4-й воздушной армией стал генерал К. А. Вершинин⁸. Его заместителем на время операции назначался командующий ВВС Черноморского флота генерал В. В. Ермаченков, авиацией дальнего действия на этом направлении по-прежнему командовал генерал Н. С. Скрипко.

Небольшое затишье над Кубанью закончилось 29 апреля. В эту ночь 4-я воздушная армия с приданной авиацией резерва ВГК приступили к проведению авиационной подготовки в полосе предстоящего наступления 56-й армии. В течение ночи советские бомбардировщики совершили 379 самолетов-вылетов и сбросили 200 тонн бомб⁹.

Утром Новиков читал донесение о боевых действиях летчиц 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка, которым командовала майор Е. Д. Бершанская. На самолетах У-2 они нанесли эффективные удары по огневым средствам противника на северной окраине станицы Крымская.

— Молодцы девчата! — сказал с улыбкой генерал Вершинин. — Славно воюют, ни в чем не уступают мужчинам, хоть война и не женское дело. Вы знаете, какое обязательство они взяли по прибытии на фронт?

— Какое же? — заинтересовался Новиков.

— Занять первое место в дивизии по итогам боевых действий. И они его держат!

В 7 часов 40 минут 29 апреля после артиллерийской подготовки 56-я армия перешла в наступление. Авиационная подготовка переросла в авиационную поддержку. В течение трех часов над полем боя действовали 144 бомбардировщика Пе-2, 84 штурмовика и 265 истребителей. За день было совершено свыше 1300 боевых вылетов, в 50 воздушных боях уничтожено 74 вражеских самолета.

⁸ См.: Гречко А. А. Годы войны. 1941—1943. С. 493.

⁹ См.: Вершинин К. А. Четвертая воздушная. М., 1975. С. 234.

Со стороны противника было отмечено только 539 самолето-вылетов¹⁰.

Большую роль в этих сражениях сыграли изменения в тактике, которые внес маршал авиации Новиков, корректируя планы авиационного наступления ВВС Северо-Кавказского фронта. Уже после войны К. А. Вершинин писал об этом: «Эшелонирование по высоте в два-три яруса стало, можно сказать, законом. Нижняя ударная группа, в состав которой входила половина или даже две трети сил, действовала против бомбардировщиков, патрулируя на наиболее вероятных маршрутах и высотах их полетов. Примерно на 500—1000 метров выше нее находилась группа прикрытия. Она вела борьбу с истребителями сопровождения. Взаимодействие между группами осуществлялось зрительно, по радио и с помощью наземных радиостанций. Это давало летчикам возможность без промедления прийти на помощь друг другу.

Боевой порядок групп верхнего и нижнего ярусов состоял из пар, также эшелонированных по высоте. Такое построение позволяло истребителям широко применять вертикальный маневр, вести длительные бои с наращиванием сил, крепко держать инициативу в своих руках.

Большую роль в обеспечении четкого взаимодействия играли радиостанции наведения. Они помогали патрулирующим истребителям не только быстро находить противника, но и внезапно его атаковать»¹¹.

За период с 29 апреля по 10 мая 4-я воздушная армия, ВВС Черноморского флота и авиация дальнего действия под общим руководством Новикова произвели около 10 тысяч самолето-вылетов, из них почти 50 процентов вылетов на штурмовку войск противника на поле боя. За это время было уничтожено 368 самолетов врага — более трети состава его первоначальной авиационной группировки. В среднем противник каждые сутки терял 9 бомбардировщиков и 17 истребителей¹².

Все время, пока шла операция, Новиков и командование 4-й воздушной армии находились на главной радиостанции управления. Это давало возможность в ходе боев своевременно вносить изменения в план боевого применения авиации, как того требовала быстроменяющаяся обстановка. Добившись превосходства в воздухе, советские

¹⁰ См.: Вершинин К. А. Четвертая воздушная. С. 240.

¹¹ Вершинин К. А. Четвертая воздушная. С. 241—242.

¹² См.: Гречко А. А. Годы войны, 1941—1943. С. 496—497.

летчики вели не только активную борьбу с авиацией противника, но и продолжали уничтожать его живую силу и технику.

В боях на Кубани советские летчики продемонстрировали преданность своему народу и Коммунистической партии, мужество и смелость. В те дни гремела слава выдающихся мастеров воздушного боя — А. И. Покрышкина, сбившего над Кубанью 20 вражеских самолетов, Г. Г. Голубева, А. Ф. Клубова, В. И. Фадеева, Г. А. Речкалова, братьев Дмитрия и Бориса Глинка и многих других. 52 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

В книге М. Н. Кожевникова подробно исследуются источники победы советской авиации в ходе сражения над Кубанью. Он, в частности, пишет: «Здесь широко применялись: вертикальный маневр, эшелонирование по высоте боевых порядков, ввод в сражение резервов, управление групповым воздушным боем с наземных пунктов управления... Оснащение истребителей радиостанциями дало возможность отказаться от плотных, сомкнутых боевых порядков. Если раньше командир мог управлять в воздухе своим подразделением только эволюциями самолета или показывая личный пример, что требовало зрительной связи, то в битве под Сталинградом и особенно здесь, на Кубани, он управлял только по радио. Благодаря этому истребители получали возможность эшелонировать боевые порядки по высоте и фронту, что получило название «кубанская этажерка»¹³.

11 мая 1943 г. в станице Пашковская, близ Краснодара, состоялось совещание командиров авиационных дивизий и корпусов, руководящего состава 4-й воздушной армии. Маршал авиации А. А. Новиков, положительно оценив действия авиации в районе Мысхако и на участке наступления 56-й армии, вел речь о трех важнейших вопросах теории и практики авиации, вытекавших из опыта боев под Сталинградом и над Кубанью: о господстве в воздухе, об авиационном наступлении и организации управления авиацией с помощью радиосредств. В его выступлении были даны определения оперативного господства в воздухе и авиационного наступления. Он отметил, что борьба за господство в воздухе является важнейшей

¹³ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 122—123.

задачей фронтовой авиации, успешное решение которой лишает бомбардировщиков противника возможности нанести прицельные бомбовые удары по боевым порядкам наземных войск и обеспечивает выполнение боевых задач советскими бомбардировщиками и штурмовиками. При этом истребительная авиация может более свободно уничтожать вражеские бомбардировщики и принуждать их сбрасывать бомбовый груз на боевые порядки своих войск. Новиков подчеркнул, что в понятие авиационного наступления включается весь комплекс боевых задач, выполняемых воздушной армией в наступательной операции войск фронта. Особое внимание он уделил организации и осуществлению управления авиацией ответственными авиационными командирами с использованием для наведения радиостанций на передовых пунктах управления у линии фронта, там, где ведутся активные действия сухопутных войск, где наносится ими главный удар¹⁴.

Большое значение для развития тактики штурмовой авиации имел приказ Народного комиссара обороны СССР от 4 мая 1943 г. В нем ставились в пример всему личному составу Военно-воздушных сил Красной Армии действия летчиков 7-го ордена Ленина гвардейского штурмового авиаполка лейтенантов С. И. Смирнова и С. В. Слепова, которые 26 января 1943 г. нанесли редкий по эффективности удар по железнодорожным эшелонам на станции Малороссийская.

Удар по станции Смирнов и Слепов нанесли, когда там находились четыре эшелона с боеприпасами и горючим. С высоты 150 метров «илы», пикируя под небольшим углом, сначала пустили зрсы, затем обстреляли железнодорожную станцию пулеметно-пушечным огнем, а в последнем заходе сбросили бомбы со взрывателями замедленного действия. Станцию охватил пожар, который все время усиливался. Взрывы продолжались более суток и были видны за десятки километров. Позже воздушная разведка установила, что из четырех эшелонов уцелело лишь два вагона. Станция полностью вышла из строя. Из тяжелых немецких танков, подготовленных для погрузки, лишь нескольким удалось уйти из-под штурмовки, десятки из них сгорели. Насильственно мобилизовав местное население, гитлеровцы четверо суток прокладывали новую колею. Но им удалось пустить по ней только один эше-

¹⁴ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 125.

лон: в тот же день станция была занята советскими войсками.

После освобождения станицы Крымская началась подготовка к новой наступательной операции, цель которой заключалась в том, чтобы прорвать так называемую Голубую линию, нанести поражение 17-й немецкой армии и очистить от нее всю территорию Кубани, включая Таманский полуостров. Для ослабления вражеской авиации с 11 по 25 мая был нанесен ряд бомбардировочных ударов по аэродромам на Таманском полуострове и в Крыму. Затем специальные экипажи произвели аэрофотосъемку рубежей и очагов обороны противника. Снимки были размножены и разосланы в штабы наземных войск, на их основе были подготовлены специальные топографические карты.

— Помните об аэродромах на Украине, — предупредил Новиков Вершинина после утверждения плана авиационной подготовки наступления войск фронта утром 26 мая.

Александр Александрович был доволен представленным планом. Обработке с воздуха подвергался узкий участок обороны врага. Авиации предстояло действовать тремя эшелонами: первый состоял из 84 бомбардировщиков, второй — из 36, а третий — из 49 штурмовиков. Всего в авиационной подготовке участвовало 338 самолетов, в том числе 150 истребителей прикрытия¹⁵.

По предложению командующего Северо-Кавказским фронтом генерала И. Е. Петрова в тактику авиации была внесена новинка. Когда закончил работу третий эшелон авиации, над полем боя появились 19 «ильюшиных» и поставили перед передним краем противника дымовую завесу. Под прикрытием дыма советские войска ворвались в первую траншею и, развивая успех, за шесть часов продвинулись на глубину от трех до пяти километров. Но, как и ожидал Новиков, на исходе дня противнику удалось нанести удар с участием в нем до 600 бомбардировщиков. Немецкая авиация временно захватила инициативу в воздухе, хотя и понесла при этом большие потери. Достигнуто это было благодаря тому, что противник дополнительно привлек бомбардировщики с аэродромов, расположенных на юге Украины. Массированные налеты вражеской авиации вновь выявили недостатки в действиях советских истребителей: нередко они ввязывались в бой

¹⁵ См.: Гречко А. А. Годы войны. 1941—1943. С. 499.

с истребителями противника и пропускали в свой тыл его бомбардировщики. Перехват часто осуществлялся не на подступах к прикрываемым объектам, а непосредственно над ними, иногда даже после сбрасывания бомб.

Новиков в какой-то мере чувствовал свою вину за случившееся, поэтому немедленно принял соответствующие меры.

— Высылайте истребители к линии фронта, — приказывал он командующему 4-й воздушной армией, — пусть уничтожат немецкие бомбардировщики еще до подхода к переднему краю. Истребителей мало? Сократите до минимума группы сопровождения, организуйте патрулирование в районах действий бомбардировщиков и штурмовиков. Чаще посылайте «охотников» к линии фронта.

— Сокращение наряда сопровождающих истребителей... — начал было Вершинин.

— Увеличьте группы штурмовиков и бомбардировщиков до 50—60 самолетов, — быстро принял решение Новиков, — организуйте в них четкое огневое взаимодействие, эшелонируйте боевые порядки по высоте, чтобы можно было вести залповый огонь по атакующим истребителям.

Генералу Скрипко маршал Новиков приказал усилить ночные удары соединений авиации дальнего действия по аэродромам врага. С 26 мая по 7 июня было произведено 845 самолето-вылетов. Чтобы снизить активность вражеской авиации, налеты ночных бомбардировщиков были срочно дополнены ударами штурмовиков и истребителей. Один из таких налетов на рассвете 4 июня выполнила группа, возглавляемая командиром 3-го авиакорпуса генералом Е. Я. Савицким.

«Генерал так распределил обязанности своих ведомых, — вспоминал К. А. Вершинин, — восьмерка атакует самолеты на стоянках и на взлетной полосе, три экипажа подавляют огонь зенитной артиллерии; пара во главе с командиром корпуса прикрывает всю группу, управляет ее действиями и после штурмовки контролирует результаты ударов.

На аэродроме Анапа находилось большое количество вражеских самолетов. Гитлеровцы встретили советских летчиков сильным зенитным огнем, но три наших экипажа мастерски подавили его. А восьмерка истребителей в это время произвела два захода и с высоты 300 метров обстреляла стоянки, уничтожив при этом 10 машин.

Успеху удара способствовали не только хорошая подготовка летчиков и внезапность. Немаловажную роль сыграло здесь личное участие Евгения Яковлевича Савицкого. Сочетая в себе качества отважного бойца и умного командира, он был смелым новатором в тактике»¹⁶.

Новиков требовал от командования 4-й воздушной армии не только завоевывать господство в воздухе, но и наносить удары по врагу, перемалывать его технику и живую силу на земле, делая это массированно, на направлении главного удара. Летчики творчески решали поставленные им задачи. 2 июня группа штурмовиков, возглавляемая старшим лейтенантом Н. П. Дедовым, получила задачу нанести удар по артиллерийским позициям и боевым порядкам войск противника, расположенных на восточной окраине Молдаванской.

В сопровождении истребителей они шли на средней высоте в колонне шестерок. Первая группа сбросила бомбы с крутого пикирования. Снизившись до бреющего, она сразу же отвалила влево и встала в хвост замыкающей. А та как раз только входила в пикирование. Круг, таким образом, оказался замкнутым. Удар получился эффективным. Во время второго захода зенитные огневые точки противника были подавлены. Появившееся звено вражеских истребителей даже не осмелилось атаковать «илы»; таким сильным было огневое взаимодействие между ними.

Новинку в тактике отметил генерал Вершинин и доложил о ней Новикову.

— Новый способ атаки, — сказал Александр Александрович, — надо довести до совершенства и внедрить его во всех штурмовых полках.

Отличились в тот день и летчицы 125-го гвардейского бомбардировочного авиаполка. Девятка Пе-2, ведомая командиром эскадрильи капитаном Е. Д. Тимофеевой, в момент сбрасывания бомб в районе Киевской подверглась атаке восьми вражеских истребителей. Шестерка советских истребителей, сопровождавшая группу, в это время попала в облачность и оторвалась от бомбардировщиков. В создавшейся сложной обстановке экипажи Пе-2 проявили высокое мужество и мастерство. Не нарушая боевого порядка, они встретили атаки истребителей мощным сосредоточенным огнем бортового оружия, умело сочетая его с правильным маневром в строю. В ходе боя было

¹⁶ Вершинин К. А. Четвертая воздушная. С. 255.

сбито четыре вражеских истребителя. Боевая задача выполнена без потерь¹⁷.

Эффективность советской авиации возрастала с каждым днем. Принятые Новиковым и командованием 4-й воздушной армии меры позволили советским летчикам в сравнительно короткий срок вернуть инициативу в воздухе. Уже в первых числах июня обозначился спад активности авиации противника. Штурмовики и бомбардировщики, действующие крупными группами, продолжали выполнять свои задачи при незначительном противодействии со стороны немецких истребителей.

«Дух наступательной активности, — писал о тех днях маршал авиации А. И. Покрышкин, — целиком определил нашу летную жизнь. В небе Кубани летчики полка постигли основную формулу воздушного боя с решительными целями, формулу, пронизанную духом наступательной активности. Эта формула включила в себя четыре главных элемента: «Высота — скорость — маневр — огонь»¹⁸.

Воздушные сражения над Кубанью завершились 7 июня 1943 г. В ходе почти двухмесячных боев советская авиация совершила около 35 тысяч самолето-вылетов, уничтожила 1100 самолетов врага, в том числе более 800 в воздушных боях. В ходе этих сражений советские ВВС завоевали оперативное господство на южном крыле советско-германского фронта и накопили ценнейший опыт в использовании сил нескольких воздушных армий для решения важных оперативных задач. Здесь получила дальнейшее развитие такая форма оперативного применения Военно-воздушных сил, как авиационное наступление. В его содержание уже включались все задачи, выполняемые воздушной армией в наступлении¹⁹.

Одновременно с воздушным сражением на Кубани по решению Ставки были проведены две воздушные операции по разгрому авиационных группировок противника на 1200-километровом фронте от Смоленска до Азовского моря. Битва в воздухе приобрела стратегический характер. Обе операции по указанию Ставки были спланированы и проведены под руководством командующего ВВС Красной Армии маршала авиации А. А. Новикова. Параллель-

¹⁷ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 169—170.

¹⁸ Покрышкин А. И. Крылья истребителя. М., 1968. С. 47.

¹⁹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, М., 1976. Т. 6. С. 109.

но велись боевые действия и по срыву железнодорожных и автомобильных перевозок.

Особенностью этих операций было то, что они осуществлялись накануне Курской битвы, предшествовали началу широкомасштабных активных боевых действий Советских Вооруженных Сил на широком фронте и оказали существенное влияние на их ход и исход. Успехи, достигнутые в результате операций, сыграли немаловажную роль в завоевании стратегического господства в воздухе.

Александр Александрович хорошо знал обстановку на всех фронтах, в чем ему помогали ежедневные донесения с мест. 5 мая, находясь на Кубани, он дал командующим 1, 2, 8, 15, 16 и 17-й воздушных армий директиву, в которой содержались указания о способах выполнения поставленных задач. «Во исполнение приказа Ставки необходимо подвергнуть одновременному нападению все основные аэродромы авиации противника, на которых установлено скопление самолетов. Основную массу авиации противника подавить в первый же день. Поэтому в этот день вражеские аэродромы должны быть подвергнуты повторному удару, а ночью по ним должны действовать ночные бомбардировщики. В последующие два дня, не снижая упорства и настойчивости, продолжать поражение авиации противника как на основных аэродромах, так и на вновь обнаруженных воздушной разведкой... Удары по аэродромам наносить крупными группами, выделяя из их состава необходимое количество авиационных средств для подавления зенитной обороны противника...»²⁰

Готовилась операция в строгой тайне, что обеспечило полную внезапность и высокую эффективность первого массированного удара, нанесенного рапным утром 6 мая. В нем участвовало 434 самолета, которые одновременно атаковали 17 вражеских аэродромов. Застигнутый врасплох противник не смог оказать организованного противодействия и потерял 194 самолета на аэродромах и 21 в воздушных боях. Советская авиация потеряла 21 машину²¹.

— Два самолето-вылета на один уничтоженный самолет. Прекрасный результат! — подытожил А. А. Новиков. — Вот что значит внезапность. Но повторные вылеты будут куда сложнее. Надо выделить дополнительные си-

²⁰ Цит. по: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 126.

²¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. С. 129.

лы для борьбы со средствами ПВО и блокирования аэродромов, где базируются немецкие истребители.

Своевременно принятые меры помогли советским летчикам добиться успеха и в повторном ударе по 20 аэродромам, в котором участвовало 372 самолета. Преодолев яростное сопротивление врага, они уничтожили и повредили на аэродромах 134 самолета и сбили в воздухе 24 немецких истребителя, потеряв 46 машин.

Операция продолжалась. Утром 7 мая в третьем масштабном ударе участвовало 405 советских самолетов, которые атаковали 22 аэродрома и вывели из строя 122 вражеских самолета, в том числе 29 в воздушных боях. Наши потери составили 48 самолетов²².

Новиков и штаб ВВС Красной Армии внимательно следили за ходом операции, вносили коррективы в целях повышения эффективности ударов и снижения потерь. 8 мая командующий издал директиву, в которой отмечалось: «Наше нападение на аэродромы противника 6 мая 1943 г. было успешным благодаря внезапности. 7 мая 1943 г. обстановка стала иной. Истребительная авиация противника стала настороженной, в повышенной боевой готовности, приближена к линии фронта... В такой обстановке действовать только по хорошо разведанным аэродромам, увеличить численность истребителей для прикрытия ударных групп. Группы штурмовиков должны быть постоянно сильными, чтобы они могли нанести удары не только по самолетам на аэродромах, но и надежно подавить средства ПВО... В основу тактики налетов нужно теперь положить силы и хитрость, так как на внезапность действий уже нельзя рассчитывать»²³.

Как и предполагал Новиков, четвертый вылет желаемого результата не дал, однако общие данные операции оказались внушительными. За трое суток советские ВВС уничтожили 506 самолетов врага, потеряв 122 машины. Достиженные результаты обеспечили улучшение воздушной обстановки на центральном и южном участках фронта. По результатам проведенной операции были сделаны важные практические выводы.

Через месяц с 8 по 10 июня по решению Ставки была проведена еще одна воздушная операция. Она преследовала цель разгромить группировку бомбардировоч-

²² См.: Тимохович И. В. В небе войны. С. 85.

²³ Цит. по: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 127.

ной авиации противника, которая совершала ночные налеты на важные промышленные центры нашей страны — Горький, Саратов и Ярославль. К проведению операции были привлечены три воздушные армии и соединения АДД. Они подвергли массированным ударам 28 вражеских аэродромов, где воздушная разведка вскрыла наибольшее скопление бомбардировщиков. И на этот раз четко сработало отлично налаженное взаимодействие между родами и видами авиации. Наибольший эффект дал первый массированный удар, который для обеспечения внезапности был произведен вечером, а не утром. Всего в ходе июньских налетов вражеская авиация потеряла 250 самолетов, из них 81 в воздушных боях²⁴.

Воздушные операции, проведенные весной и в начале лета 1943 г., отличались большим размахом, решительностью целей и высокой эффективностью. Они были осуществлены в периоды относительного затишья на фронте и значительно ускорили завоевание советской авиацией стратегического господства в воздухе, хотя проводились прежде всего в интересах предстоящих стратегических операций групп фронтов. И вновь маршал Новиков тщательно анализирует боевые действия ВВС. И вновь убеждается, что эффективность ударов с воздуха достигается в тех случаях, когда четко и глубоко прорабатываются вопросы одновременного уничтожения вражеских военно-воздушных сил как на аэродромах, так и в воздухе при строгой централизации управления группировками ВВС.

Оценивая общую обстановку, сложившуюся к лету 1943 г., Новиков видел, что вся тяжесть вооруженной борьбы переместилась на центральный участок советско-германского фронта. И хотя общее положение Германии ухудшилось, враг был еще силен. Готовясь к наступлению на курском направлении, чтобы «взять реванш за Сталинград», противник сосредоточил здесь до 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и самоходных орудий. Авиационная группировка врага под Курском насчитывала 2050 самолетов, в том числе новых истребителей «Фокке-Вульф-190А» и штурмовиков «Хеншель-129»²⁵.

Советская авиация на этом направлении насчитывала

²⁴ См.: Тимохович И. В. В небе войны. С. 88.

²⁵ См.: Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. С. 393.

2900 самолетов²⁶. С учетом привлекаемых сил авиации дальнего действия она в 1,5 раза превосходила ВВС противника. Было окончательно ликвидировано авиационно-техническое превосходство врага, созданы материально-технические предпосылки для разгрома немецких люфтваффе и окончательного завоевания стратегического господства в воздухе. В группировку входили 16-я (командующий генерал С. И. Руденко), 2-я (генерал С. А. Красовский), 17-я (генерал В. А. Судец), 5-я (генерал С. К. Горюнов) воздушные армии. Все они были усилены авиационными корпусами и отдельными авиационными дивизиями резерва ВГК. По предложению Новикова боевой состав воздушных армий фронтов, действовавших на главных направлениях, увеличивался за счет авиационных резервов в 2—3 раза и более.

Подготовку и разработку плана, координацию боевых действий авиации в ходе операции Ставка поручила командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации А. А. Новикову и его заместителям генералам Г. А. Ворожейкину и С. А. Худякову. План носил новаторский характер. В нем был использован весь богатый боевой опыт, накопленный на советско-германском фронте в ходе битвы в воздухе, были найдены новые, оригинальные решения, которые обогатили оперативное искусство советских ВВС, расширили рамки стратегического применения авиации. План стал итогом коллективного труда командующих и штабов воздушных армий, штаба Военно-воздушных сил Красной Армии, Генерального штаба, представителей Ставки по авиации под руководством А. А. Новикова. Боевое применение авиации планировалось по заранее определенным периодам сражения. Предполагалось активной обороной измотать и обескровить ударные группировки противника, а затем в мощном контрнаступлении окончательно разгромить их на земле и в воздухе.

В плане использования авиации в оборонительный период, как и в планах общевойсковых армий, боевые действия в воздухе были рассчитаны по трем вариантам: на время занятия противником исходного положения для наступления, борьбы за главную полосу и нанесения контрударов и уничтожения вклинившихся в нашу оборону вражеских войск. Во всех трех вариантах точно указыва-

²⁶ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 174.

лись районы действий авиации и объекты ударов с воздуха для каждого авиасоединения. Такая детально разработанная программа, составленная на пять суток боевых действий, значительно ускорила и упростила ввод в сражение авиадивизий, для чего достаточно было сообщить их штабам условное название варианта и время удара по врагу.

20 апреля 1943 г. Новиков издал приказ, в котором обратил внимание командующих воздушными армиями на более широкое использование радиосредств для управления авиацией на земле и в воздухе. Другим приказом вводилось положение, обязывающее штабы воздушных армий ежедневно давать взаимную информацию об оперативной обстановке на фронте. Эти приказы оказали положительное влияние на улучшение управления всеми родами и видами авиации, способствовали более четкой работе штабов²⁷.

Интенсивно велась воздушная разведка. Как и в Сталинградской битве, основная ставка делалась на штурмовики. К началу операции на Курской дуге почти треть выпущенных заводами самолетов составляли Ил-2. Это позволило придать взаимодействию штурмовиков с наземными войсками еще больший размах и глубину. Повышению эффективности действий штурмовой авиации способствовало и применение кумулятивных противотанковых бомб, которые обладали сильным разрушающим действием, имели малый вес и габариты, были дешевыми в изготовлении.

Накануне Курской битвы родилось и такое новшество, как управление по радио штурмовиками и бомбардировщиками над полем боя. Для этой цели по инициативе Новикова на наиболее угрожаемых направлениях в общевойсковые армии выделялись авиационные оперативные группы, а в стрелковые корпуса — авиационные представители. Командиры авиационных корпусов и дивизий выезжали на передний край обороны в целях рекогносцировки местности, уточнения объектов для ударов и согласования с наземными войсками сигналов взаимного опознавания и целеуказания.

Такие черты полководческой деятельности Новикова, как тщательный анализ соотношения сил авиации сторон, творческий подход к созданию резервов и организации ма-

²⁷ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 138.

певра авиачастями и соединениями, особенно проявились при подготовке к Курской битве. По его предложению были разработаны планы взаимодействия между 16-й и 2-й, 2-й и 17-й воздушными армиями в оборонительных операциях Воронежского и Юго-Западного фронтов. От 17-й воздушной армии выделялось 180 самолетов с напряжением на первые три дня 990 самолето-вылетов, от 2-й воздушной армии в помощь Юго-Западному фронту — 170 самолетов с напряжением 930 самолето-вылетов²⁸. Планом предусматривался и маневр авиации с использованием аэродромов соседней воздушной армии.

Напряженную работу по планированию боевых действий Военно-воздушных сил маршал Новиков сочетал с регулярными выездами в войска. Он встречался не только с командованием воздушных армий, но часто бывал на фронтовых аэродромах, беседовал с личным составом авиационных полков, а то и эскадрилий.

Особое внимание командующий ВВС Красной Армии уделял партийно-политической работе. Политработникам, партийным и комсомольским активистам Александр Александрович настойчиво рекомендовал направлять свою деятельность на повышение боеспособности авиационных частей и соединений, на укрепление дружбы и взаимопомощи между авиаторами и личным составом общевойсковых и танковых армий. Наиболее отличившиеся летчики стали выезжать в наземные войска, где выступали на митингах и собраниях. В свою очередь общевойсковые и танковые армии присылали своих представителей в авиационные части.

В период подготовки к предстоящим сражениям вражеская авиация время от времени усиливала свою активность. Чтобы парализовать коммуникации советских войск в районе Курского выступа, немецко-фашистские бомбардировщики периодически наносили удары по железнодорожным узлам, станциям, мостам, перегонам. Отражая налеты врага, советская авиация также наносила удары по резервам противника и целеустремленно вела наблюдение с воздуха за всеми перемещениями его войск.

Первый массированный налет на Курск гитлеровцы предприняли 22 мая. В нем участвовало около 170 бомбардировщиков. Истребители 16-й и 2-й воздушных армий, а также 101-я истребительная авиадивизия ПВО ус-

²⁸ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945, С. 140.

пешно отразили налет²⁹. Большинство групп бомбардировщиков было рассеяно истребителями на подступах к городу. Это в какой-то мере успокоило командующих воздушными армиями, до предела занятых разработкой плана предстоящей стратегической операции. Защита Курска с воздуха оказалась недостаточно организованной, что незамедлительно сказалось 2 июня при звездном палете на город более 500 вражеских самолетов.

Сообщение о перехвате первого эшелона, состоявшего из 137 бомбардировщиков и 30 истребителей, пришло из штаба 16-й воздушной армии.

— Немцы шли со стороны Орла через Фатеж, — докладывал генерал С. И. Руденко. — Сбито больше пятидесяти пяти самолетов врага. К городу прорвались единицы.

Новиков оставался спокойным. Но доклад об итогах отражения палета второго и третьего эшелонов заставил его не просто насторожиться (к городу прорвалось разрозненными группами до 55 самолетов врага!), а взять управление авиацией в свои руки.

Для отражения налета было привлечено 280 истребителей 16-й и 2-й воздушных армий, силы 106-й и 101-й истребительных дивизий ПВО, а также зенитная артиллерия курской группы ПВО. Однако время было упущено. К тому же 167 бомбардировщиков и 14 истребителей, входившие в четвертый и пятый эшелоны, следовали с нового направления, со стороны Обояни, на высоте 6000—7000 метров.

Навстречу врагу было брошено более 200 истребителей, но им не удалось перехватить все группы бомбардировщиков. Около 100 самолетов врага нанесли удар по железнодорожному узлу Курск и вывели его из строя на 12 часов. Командующий ВВС Красной Армии мужественно встретил это сообщение. Успех достался врагу дорогой ценой. Гитлеровцы потеряли 145 самолетов. Советская авиация потеряла 27 истребителей³⁰. Как потом выяснилось, это был последний в годы Великой Отечественной войны крупный дневной налет фашистской авиации на наши тыловые объекты.

В директиве от 16 июня 1943 г. командующий ВВС Красной Армии требовал от командующих воздушными

²⁹ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 141.

³⁰ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7, С. 131.

армиями: «В период затишья на фронте прекращать бесцельные боевые полеты, кроме разведки и отражения полетов вражеской авиации на нашу территорию... В случае проведения наземными войсками каких-либо операций с участием авиации командующим воздушными армиями немедленно доносить об этом мне для доклада Наркому обороны. К действиям приступать лишь после разрешения. Воздушным армиям сохранять силы, усиленно вести подготовку штабов и поддерживать летную квалификацию экипажей»³¹.

После Курской битвы это положение стало правилом для всех Военно-воздушных сил. 25 августа 1943 г. заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков приказал: «В период затишья на земле и в воздухе авиацию оберегать, без нужды моторосамолетный ресурс не расходовать. Наибольшего напряжения от авиации требовать только в период наступательных операций...»³².

Наступление противника началось 5 июля. Оно не было для советских войск неожиданным. Ставка еще 2 июля предупредила о возможном наступлении гитлеровцев. Удалось точно установить и час атаки. Это позволило одновременно с артиллерийской контрподготовкой нанести массированный удар по семи вражеским аэродромам и уничтожить на них 60 самолетов врага. Внезапности, на которую рассчитывали гитлеровцы, не получилось. Наступление началось не в 3 часа, а в 5 часов 30 минут. Советские летчики совместно с наземными войсками отражали вражеские удары и действовали преимущественно в районах боев. Всего 5 июля истребители 16-й и 2-й воздушных армий сбили 260 фашистских самолетов, потеряв 176³³.

В оборонительной операции советские летчики в тесном взаимодействии с наземными войсками громили немецкие танковые группировки в районах Ольховатки и Поньрей на Центральном фронте и под Обоянью и Прохоровкой на Воронежском фронте. Именно в боях под Ольховаткой ими впервые были применены авиационные бомбы кумулятивного действия, которые прожигали самую толстую броню, поражали экипаж и вызывали пожар. Средство это оказалось особенно эффективным против танков, наступавших в плотных боевых порядках или

³¹ Цит. по: Тимохович И. В. В небе войны. С. 122.

³² Там же. С. 123.

³³ См.: Авиация и космонавтика СССР. С. 155, 157.

сосредоточивавшихся перед атакой. Советские штурмовики 7 июля в районе железнодорожной станции Поньри этим оружием разгромили крупную танковую колонну противника и сорвали вражескую атаку.

В воздушном сражении на Центральном и Воронежском фронтах 7 июля 1943 г. было сбито 233 вражеских самолета, а потеряно 122 машины³⁴. Советские летчики прочно овладели инициативой, активность немецко-фашистской авиации снижалась с каждым днем.

В первые два дня сражения Ил-2 и Пе-2 атаковывали вражеские танки небольшими группами, но в борьбе с мощными танковыми группировками их удары оказались недостаточно эффективными. К тому же для сопровождения их требовалось очень много истребителей. Учитывая это, маршал авиации Новиков принял решение наносить сосредоточенные удары группами по 30—40 и более самолетов. На Кубани такой метод оправдал себя. Правда, там штурмовики действовали в основном по живой силе и огневым точкам противника, здесь же удары наносились по бронетанковым войскам.

Танковые группировки врага сразу же почувствовали на себе сосредоточенные удары полковых и дивизионных колонн самолетов, резко возросшую силу атак с воздуха. Всего двумя ударами 1-го штурмового авиакорпуса 2-й воздушной армии 7 июля была сорвана атака крупных сил 2-го танкового корпуса СС в районе Сырцево, Яковлево. А на следующий день, в самый разгар ожесточенного танкового сражения на обоянском направлении, авиационный представитель Ставки на Воронежском фронте начальник штаба ВВС Красной Армии генерал С. А. Худяков сообщил Новикову, что принятое накануне решение об изменении тактики советской авиации в сторону массированного ее использования большими группами оказалось совершенно правильным: командование Воронежского фронта отметило возросшую эффективность действий авиации.

Вот как вспоминает один из таких вылетов маршал авиации С. И. Руденко: «Летчики, получив еще на подходе к целям с бортов самолетов-доразведчиков их координаты, обрушили на изготовившиеся к наступлению вражеские войска и технику сотни тонн противотанковых, осколочных и фугасных бомб. Удар был мощным, неожидан-

³⁴ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 146.

рым для противника. В его расположении стали появляться дымки. Один, два, три, пять, десять, пятнадцать. Это горели «тигры» и «пантеры». Наши бойцы из окопов выскочили, несмотря на опасность, пилотки кидают вверх и кричат: «Ура!» Стоят на брустверах, любятую тем, что делают летчики. Всеобщий подъем охватил наших воинов на передовой, а девятки делают заход за заходом, ниже ныряют с круга штурмовики. Несмолкающий гул разрывов бомб. И странно — очень мало разрывов зенитных снарядов противника, нет падающих дымящихся самолетов, не видно «мессеров» и «фокке-вульфов». Их связали боем наши «ястребки» окаймления далеко от места нанесения удара. Мы слышим по радио короткие команды. Один за другим уходят полки. Налет длился ровно час.

Зазвонил телефон. Послышался голос Рокоссовского: «Вот это правильно! Вот это молодцы!»

И все переменялось по сравнению со вчерашним днем. Мы почувствовали всеобщее удовлетворение «работой» авиации. Противник приготовился наступать, а тут на него такая армада навалилась...»³⁵.

Внес Новиков коррективы и в организацию боевых действий истребителей. Командирам истребительных авиационных соединений было приказано выехать на передовые пункты управления и оттуда непосредственно управлять подчиненными частями. По опыту воздушных сражений на Кубани зоны патрулирования истребителей были перенесены на территорию, занятую противником. Истребители стали наводиться с помощью радио на вражеские самолеты, и в первую очередь на бомбардировщики. Учтен был и психологический момент. Присутствие командиров на пунктах управления, их знакомый летчикам голос в радиосети как бы прибавлял воздушным бойцам новые силы, вселял в них уверенность в успешном окончании воздушного боя. Быстрому изменению воздушной обстановки способствовали умелое наведение истребителей по радио, наращивание сил в ходе схваток в небе.

Советские войска при активной поддержке авиации решили свою основную задачу — измотали, обескровили противника и сорвали его наступление. Только в районе Прохоровки, где 12 июля произошло крупнейшее танковое сражение, противник потерял 400 танков и более 10 тысяч человек убитыми³⁶. Характерным в борьбе за гос-

³⁵ Руденко С. И. Крылья Победы. С. 172—173.

³⁶ См.: Военный Энциклопедический Словарь. М., 1983. С. 386.

подство в воздухе явилось то, что с обеих сторон она получила активный наступательный характер. Об этом говорят и итоги операции. Советская авиация уничтожила в воздухе и на аэродромах более 1500 немецких самолетов, а сама потеряла около тысячи машин³⁷.

Оборонительная операция Курской битвы ознаменовалась выдающимися подвигами советских летчиков. Здесь получил боевое крещение и одержал первые победы в воздушных боях лейтенант И. Н. Кожедуб, будущий трижды Герой Советского Союза и маршал авиации, тараны в воздухе совершили старшие лейтенанты М. И. Важунов и М. В. Кубышкин, нанес свои первые штурмовые удары лейтенант В. И. Андрианов, будущий дважды Герой Советского Союза, летчики 8-й гвардейской истребительной авиадивизии под командованием генерала Д. П. Галунова за один день уничтожили 76 самолетов врага...

Мастерство и героизм воздушных бойцов были массовыми. Однако то, что совершил старший лейтенант А. К. Горовец, выходило за рамки обычного. Такого еще не знала история мировой авиации. В одном бою отважный летчик сбил девять вражеских самолетов! Когда Новикову доложили об этом, он поначалу усомнился в точности доклада. Элементарный расчет показывал, что для такого результата нужно было произвести не менее девяти длинных очередей и столько же раз исключительно точно прицелиться. На все это требовалось немало времени.

— Не сомневайтесь, товарищ маршал, — заверил командующего ВВС генерал Красовский. — Все проверено и подтверждено наземными войсками. Девять побед в одном бою!

— Где же он сам? — спросил Новиков.

— Погиб.

— Представьте к званию Героя, — тихо сказал Новиков. — Вечная ему слава.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1943 г. старшему лейтенанту А. К. Горовцу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В отличие от контрнаступления под Москвой и Сталинградом контрнаступление на Курской дуге было заранее предпринятым и хорошо обеспеченным глубоким ударом, в котором участвовали 22 мощные общевойсковые, 5 танковых, 6 воздушных армий и крупные силы авиа-

³⁷ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 186.

ции дальнего действия» «...В процессе контрнаступления, — отмечал Г. К. Жуков, — впервые широко использовались танковые и механизированные соединения и объединения, которые в ряде случаев являлись решающим фактором оперативного маневра, средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок.

Танковые армии, артиллерийские дивизии и корпуса, мощные воздушные армии фронтов существенно изменили наши возможности, а следовательно, и характер фронтовых операций как по масштабам, так и по целям»³⁸.

При подготовке контрнаступления на Курской дуге перед советскими ВВС стояли задачи: прочно удерживать господство в воздухе и надежно прикрывать ударные группировки фронтов от воздействия авиации противника, содействовать сухопутным войскам в прорыве вражеской обороны и развитии успеха, противодействовать войскам противника в занятии обороны на промежуточных рубежах, нарушать управление войсками, а также препятствовать маневру резервами, вести воздушную разведку. Авиация дальнего действия привлекалась к участию в авиационной подготовке, а также к нанесению ударов по железнодорожным узлам и другим объектам в тылу противника. Соединения истребительной авиации ПВО страны призваны были прикрывать войска и объекты тыла фронтов. В соответствии с этими задачами и планами наступательных операций фронтов представители Ставки по авиации А. А. Новиков, Г. А. Ворожейкин и С. А. Худяков, а также штабы воздушных армий тщательно планировали боевые действия авиации в форме авиационного наступления.

В ходе войны Генеральный штаб неоднократно привлекал командование и штаб ВВС Красной Армии для разработки авиационной части планов стратегических операций, проектов директив и приказов фронтам, воздушным армиям и ВВС военных округов. И Новиков, как правило, не принимал ни одного важного решения без предварительного заслушивания расчетов и предложений своего штаба. Это было его непреложным законом.

Когда наиболее ярко проявляются грани таланта полководца? В наступлении на узком участке фронта? При организации глубоко эшелонированной обороны? В разду-

³⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 3. С. 73.

мьях над планом операции? А может быть, по ходу развития боевых действий? У командующих общевойсковыми и танковыми армиями, командующих фронтами они, наверное, высвечиваются наиболее полно при завершении сражения, когда известны его результаты. Нескольким по-иному оцениваются полководческие способности авиационного военачальника, хотя они, по сути, точно такие же, как и у наземных полководцев.

У маршала авиации Новикова черты полководческого мышления зримо выявились в первые же дни Великой Отечественной войны. Потом они развивались и совершенствовались при разработке и проведении самостоятельных воздушных операций и сражений, проводимых на всем советско-германском фронте для завоевания стратегического господства в воздухе, при подготовке и проведении крупных наступательных операций ряда фронтов.

Глубокое понимание роли и места авиации в войне являлось той чертой полководческой деятельности А. А. Новикова, которая определила его принципиальный подход к вопросам дальнейшего развития Военно-воздушных сил и их боевого применения. Он правильно оценил роль и значение стратегического господства в воздухе, рассматривал его как одну из главных предпосылок победы над врагом.

Новиков умело сочетал основные положения военной науки и советского военного искусства с практикой боевого применения всех родов и видов авиации. К лету 1943 г. в арсенале ВВС Красной Армии уже было четко налаженное взаимодействие с наземными войсками, что позволило в полной мере использовать авиационное наступление, имелся опыт стратегического применения ВВС по воздействию на военно-промышленные объекты и административно-политические центры противника и, наконец, была выигранная битва в воздухе.

«С 1943 г., — писал немецкий генерал К. Тинпельскирх, — уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий...»³⁹

Мощность советской авиагруппировки под Курском позволила выделить для непосредственного взаимодействия с танковыми армиями значительные силы. Например,

³⁹ Тинпельскирх К. История второй мировой войны: Пер. с нем. М., 1956. С. 484.

в оперативном подчинении командующих 1-й и 5-й гвардейскими танковыми армиями Воронежского фронта находились две штурмовые и две истребительные авиадивизии. Всего же на поддержку и прикрытие танковых армий Воронежского фронта выделялось до 60 процентов сил 2-й воздушной армии.

Контрнаступление войск Западного и Брянского фронтов на орловском направлении началось 12 июля, затем к ним подключились и войска Центрального фронта. Помимо трех воздушных армий на орловском направлении активно действовали ночью дальние бомбардировщики пяти авиационных корпусов и одной дивизии. В результате проведенной авиационной и артиллерийской подготовки оборона врага была ослаблена.

Поскольку на белгородско-харьковском направлении самолетов было вдвое меньше, чем на орловском, то летчикам 2-й и 17-й воздушных армий, а с 18 июля и 5-й воздушной армии приходилось действовать с большим напряжением и интенсивностью. В этих условиях огромное значение приобретали межфронтовой маневр авиацией и четкое взаимодействие соседствующих воздушных армий, организованные под руководством Новикова. Так, 16-я воздушная армия, хотя и нечасто, взаимодействовала со 2-й, 2-я — с 17-й, а затем с 5-й, 1-я — с 15-й. Такое боевое содружество позволяло усиливать удары с воздуха на главных или становившихся на какое-то время опасными направлениях только за счет быстрых перенацеливаний авиации с одного фронта на другой, что давало возможность сохранять нетронутой некоторую часть авиарезервов Ставки.

Показательны в этом отношении действия 1-й и 15-й воздушных армий под Болховом. В начале операции командование воздушных армий и руководство группы АДД допустили серьезный просчет. Когда над болховской группировкой противника нависла угроза окружения, немецко-фашистское командование спешно перебросило сюда десять дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных. Воздушная разведка своевременно обнаружила их переброску, но командования Западного и Брянского фронтов на первых порах недооценили этот факт. Не на высоте оказалось и командование воздушных армий. Оно не проявило должной в таком случае настойчивости — не настояло на организации борьбы с подходившими резервами противника, и авиация по-прежнему в основном действовала в тактической зоне.

Противник почти беспрепятственно подтянул свои резервы в район боев и нанес ряд сильных контрударов. Жукову и Новикову пришлось принимать срочные меры. По решению Ставки в полосе Западного фронта последовательно стали вводиться в сражение 11-я общевойсковая и 4-я танковая армии и два отдельных корпуса — танковый и кавалерийский. Сюда же были перенацелены вся 1-я воздушная армия, значительная часть сил 15-й и группа АДД. При мощной поддержке с воздуха советские войска, отразив вражеские контрудары, перешли в наступление⁴⁰.

Наиболее организованным и успешным было взаимодействие 2-й и 17-й воздушных армий, координацию которых осуществлял Новиков. Высокое оперативное искусство штабов воздушных армий во всей полноте проявилось во время боев под Обоянью, Прохоровкой и Корочей. Быстро и точно анализируя обстановку на земле и в воздухе, Александр Александрович помогал командованию этих воздушных армий организовывать взаимодействие.

Координируя усилия воздушных армий, маршал авиации Новиков не упускал из виду боевые действия отдельных частей и соединений, нередко приезжал на фронтовые аэродромы, чтобы встретиться с кем-либо из летчиков. Он искренне радовался, узнав, что летчик А. В. Ворожейкин на Як-7б в одном воздушном бою сбил три вражеских самолета, что старший лейтенант Н. Д. Гулаев с 5 по 11 июля уничтожил 13, а старший лейтенант И. П. Шпак — 8 самолетов врага⁴¹. В разгар боев Новиков выбрал время, чтобы вместе с корреспондентом «Правды» Борисом Полевым и командиром 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генералом Е. М. Белецким поехать на полевой аэродром вблизи Новосила, где встретился со своим «крестником» старшим лейтенантом А. П. Маресьевым. Именно он, командующий ВВС Красной Армии, взял на себя ответственность за судьбу этого человека, разрешил ему в порядке исключения летать на истребителе после ампутации ног.

Они прибыли на аэродром в тот момент, когда группа Маресьева вернулась с задания, а сам старший лейтенант сбил самолет врага. Новиков хорошо знал послужной список летчика. Опытный воздушный боец, Маресьев не раз

⁴⁰ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 189.

⁴¹ См.: Новый мир. 1975. № 7. С. 225.

сбивал вражеские самолеты и раньше, еще на Северо-Западном фронте. Но на этот раз он впервые сбил машину противника, воюя на протезах. Новиков сердечно поздравил старшего лейтенанта с победой и заверил, что решение допустить его к выполнению боевых заданий остается в силе.

Сам Алексей Петрович Маресьев так вспоминал ту встречу:

«Запомнилось исключительное внимание ко мне, рядовому летчику, маршала авиации А. А. Новикова, командующего ВВС.

— У вас автомашина есть? — спросил он меня однажды у самолета, где я нес боевое дежурство.

— Я пешком не хожу, — отвечаю.

— Нет, я спрашиваю, у вас машина есть?

— Товарищ командующий, я пешком не хожу. Потом, здесь негде пешком ходить.

— Что вам все-таки нужно?

— Протезы бы сменить. Побыстрее их сделать.

На другой день прилетает У-2, и меня доставили в Москву. Одели с иглочки, протезы новые за считанные дни сделали, и отправился я в Горький за новым самолетом. Об этом позаботился генерал А. В. Никитин, заместитель А. А. Новикова»⁴².

А. П. Маресьев прослужил в авиации 12 лет, совершил 86 боевых вылетов, сбил 11 самолетов врага, в том числе семь уже после ранения.

В записках Новикова есть краткая заметка о той встрече, которая проливает свет на резолюцию, появившуюся на верстке статьи о Маресьеве в «Правде»: «Печатать после конца войны». Александр Александрович записал: «Курская дуга. Поездка на КП к Науменко. Потом — к Белецкому. Новосиль. Поездка к Маресьеву с Полевым. Донесение Маленкову. Ответ: «Пока писать не стоит, подумают, что у нас нет людей».

Накануне Курской битвы на фронт прибыла эскадрилья французских летчиков-добровольцев «Нормандия», преобразованная 5 июля 1943 г. в истребительный авиационный полк. Это необычное подразделение со дня своего формирования было на особом контроле у Новикова. Еще 4 декабря 1942 г. он подписал приказ о включении эскадрильи «Нормандия» в состав советских Военно-воздушных сил, сделал все, чтобы французские летчики по-

⁴² Советская Россия. 1986. 4 мая.

степенно вошли в боевой строй, освоились во фронтовой обстановке и окрепли.

Счет своим победам в воздушных боях на советско-германском фронте летчики «Нормандии» открыли 5 апреля 1943 г. К началу битвы на Курской дуге это был уже слетанный боевой коллектив. Правда, некоторые пилоты еще увлекались «рыцарскими поединками», но благотворное влияние боевого опыта советских летчиков делало их умелыми воздушными бойцами, готовыми к жарким схваткам с врагом.

Третий день наступления советских войск на орловском направлении совпадал с большим национальным праздником Франции: 14 июля 1789 г. восставший французский народ захватил Бастилию.

— Удобно ли в такой день посылать «Нормандию» в бой? — спросил Новиков накануне командующего 1-й воздушной армией генерала М. М. Громова, в чьем распоряжении находились французские летчики.

— Они сами рвутся в бой, товарищ маршал, — ответил Громов. — Не допустить их завтра к участию в боевых действиях — значит вызвать у многих недовольство. Командир дивизии генерал Захаров докладывает, что французы намерены обязательно отметить свой праздник победами.

— Если так, то пусть сражаются, — решил Александр Александрович.

Французы сдержали свое слово. Новиков поздравил их с национальным праздником и объявил благодарность летчикам, сбившим вражеские самолеты.

✓ Воздушные бои над Курской дугой не затихали с рассвета до заката солнца. Успешно громили врага и штурмовики с бомбардировщиками. 17 июля наши летчики сбили 150 вражеских самолетов. Но были потери и с советской стороны. В тот день с боевого задания не вернулся командир полка «Нормандия» майор Жан Тюлян, а накануне погиб его заместитель капитан Альбер Литольф. Новиков получил донесение об этом перед отлетом в штаб командующего 11-й гвардейской армией генерала И. Х. Баграмяна.

— Сначала полетим к Громову, — изменил он свое решение.

Разговор в штабе 1-й воздушной армии получился крутым. Из доклада Громова стало ясно, что основную работу по разбору обстоятельств гибели майора Тюляна провел командир 303-й истребительной авиадивизии гене-

рал Г. Н. Захаров. Подытоживая разбор боевого вылета французов, он пришел к выводу, что летчики «Нормандии» продолжают недооценивать тактику группового воздушного боя. Сохранение боевого порядка в ходе сражения, взаимодействие, огневая поддержка — обо всем этом французские коллеги часто забывают, поэтому несут неоправданные потери.

— Если вы не справитесь с обучением французов групповому воздушному бою к следующему моему приезду, — сказал Новиков на прощание, — то полк «Нормандия» я у вас заберу и передам генералу Белецкому.

— Не обижайте нас, товарищ маршал. Французы к нам привыкли, и мы к ним тоже, — сказал генерал Громов. — А что касается вашего задания, то, я уверен, мы выполним его.

Наступление Западного, Брянского и Центрального фронтов продолжало развиваться успешно и поставило орловскую группировку противника перед катастрофой. 3 августа перешли в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении войска Воронежского и Степного фронтов. Во второй половине дня в полосе действий войск 5-й гвардейской армии были введены в сражение 1-я и 5-я гвардейская танковые армии. Для их поддержки привлекались основные силы 2-й воздушной армии. В первый день контрнаступления было произведено 2670 самолето-вылетов. Действия авиации получили высокую оценку наземных войск.

5 августа стал особым днем не только в Курской битве, но и в истории всей войны. В тот день были освобождены Орел и Белгород. Вечером столица нашей Родины первый раз салютовала в честь отличившихся там дивизий и полков, среди которых немало было и авиационных.

— Пришел и на нашу улицу праздник, — проговорил Новиков, поздравляя с успехом тех, кто был в составе его оперативной группы.

Чтобы надежнее поддерживать наступающие войска с воздуха, развивать авиационное наступление, Новиков запросил у Ставки дополнительные резервы штурмовиков, истребителей и бомбардировщиков. Полученное подкрепление позволило авиаторам успешно отражать налеты врага, а наземным войскам повысить темпы продвижения вперед.

Поздно вечером 7 августа Новикову доложили о подвиге экипажа младшего лейтенанта А. Масленникова. В районе Харькова во время штурмовых атак зенитным

снарядом был подбит самолет майора И. Столярова, и он вынужден был совершить посадку в расположении войск противника. Но ведомые не оставили в беде ведущего. Младший лейтенант А. Масленников посадил свой Ил-2 рядом с самолетом командира, уступил ему свое место в кабине, а сам вместе со стрелком устроился во второй кабине. На виду у растерявшихся фашистов советские летчики взлетели и благополучно возвратились на свой аэродром.

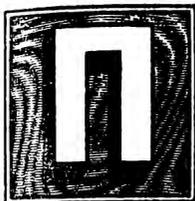
Развязка на Курской дуге подходила к своему концу. Все попытки немецкого командования вернуть утерянную инициативу закончились провалом. Советские ВВС прочно удерживали господство в воздухе, чем создали благоприятные условия войскам для решения задач в ходе наступления. Фашистская авиация в воздушных боях и на земле за 50 дней непрерывных боев лишилась свыше 3700 боевых самолетов⁴³. Битва в воздухе, в которую так много сил вложил маршал авиации А. А. Новиков, закончилась блестящей победой. С этой поры советская авиация до конца войны безраздельно удерживала стратегическое господство в воздухе.

«В ходе сражений на Курской дуге вермахт потерпел такое поражение, после которого он уже не мог оправиться. Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой... Хребет немецко-фашистской армии был сломлен. Весь мир убедился в превосходстве Красной Армии над вермахтом в боевом мастерстве, вооружении, стратегическом руководстве. Стратегическая инициатива прочно закрепилась за Вооруженными Силами СССР. В битве под Курском и последующих грандиозных сражениях на Днестре был завершён и закреплён коренной перелом в войне против гитлеровской Германии»⁴⁴.

⁴³ См.: Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. С. 394.

⁴⁴ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 229.

«ТАНКИ ОСТАНОВИТЬ МОЖНО»

После окончания Курской битвы маршал авиации Новиков вернулся в Москву. И хотя штаб ВВС под руководством генерала С. А. Худякова работал как четко отлаженный механизм, необходимо было решить ряд вопросов в различных наркоматах и ведомствах, хотелось осмыслить, проанализировать, разложить по полочкам пережитое, накопленный опыт. Но сделать это не удалось. На другой день Новикова вместе с маршалом артиллерии Вороновым вызвали в Ставку. Там они узнали, что не все ладится со Смоленской операцией. Сталин негодовал. Три недели назад он лично выезжал на Калининский фронт, проверял готовность войск, и на тебе: наступление захлебнулось.

— Плотность артиллерии в полосе прорыва увеличили до 170 стволов, дали дополнительно полк пикировщиков, — кипел Верховный. — И что толку? Стратеги! Поезжайте, разберитесь, хорошенько подготовьте операцию и проведите ее по всем правилам военного искусства.

26 августа они прибыли на передовой КП Калининского фронта, который находился на направлении главного удара 39-й армии. Новиков приехал, что называется, не с пустым карманом. По его распоряжению в состав 3-й воздушной армии были включены новые силы. 314-я ночная бомбардировочная дивизия полковника С. Ф. Плахова и 240-я истребительная авиадивизия полковника Г. В. Зимина, прибывшие на пополнение, заметно усилили ударную мощь воздушной

армии¹. Пришлось внести изменения и в организацию боевых действий.

«Так называемые бои местного значения, — вспоминает Герой Советского Союза маршал авиации Г. В. Зямин, — привели к тому, что наземные войска вызывали авиацию или ставили ей боевые задачи, так сказать, по мере необходимости, без всякой системы. Маршал авиации Новиков был категорически против такой постановки вопроса. Он требовал готовить авиацию и проводить операции любого масштаба строго на научной основе. Это немедленно сказалось и на результативности боевых действий летчиков, и на их морально-психологическом состоянии. Прекратились внезапные, с поспешной подготовкой людей и техники вылеты, каждый стал яснее знать свою задачу на день, ближайшую перспективу, появилось больше времени на подготовку и разбор боевых вылетов, изучение опыта, накопленного в боях...»²

Ставя перед частями 3-й воздушной армии задачи на 6 сентября 1943 г., Новиков подчеркивал:

— Главное — не допускать действий авиации противника по нашим войскам в районе Быхово, Павлово, Кулагино, Сельцо. Надо организовать такое прикрытие, которое исключало бы всякую возможность проникновения бомбардировщиков противника в район боевых действий.

Выполняя утвержденный представителем Ставки и командующим фронтом план, авиаторы выполнили 305 самолето-вылетов, провели 22 воздушных боя, сбили 31 вражеский самолет, потеряв только один истребитель. Результаты этого дня по сравнению с итогами боев в небе Сталинграда, Кубани и Курской дуги казались невысокими, но они достигнуты были благодаря четкой организации боевых действий, «малой кровью». И это радовало Александра Александровича.

После Сталинградской битвы Новиков уже не мыслил ни одной фронтовой операции, какого бы масштаба она ни была, без авиационного наступления. Он знал, что только при надежном прикрытии с воздуха, мощной авиационной поддержке наземные войска уверенно шли вперед, добивались победы.

31 августа рано утром Новиков выехал в район Ельцы, на командный пункт командира 8-го истребительного

См.: Анищенко П. С., Шурinov В. Е. Третья воздушная. М., 1984. С. 77.

² Запись беседы хранится в личном архиве автора.

авиакорпуса генерала Ф. Ф. Жеребченко. Накануне генерал Громов предупредил его, что именно в этом районе будет действовать полк «Нормандия», и он решил лично проверить, как выполняются его указания по обучению французов тактике группового воздушного боя.

— Французы на подходе, — послышался голос авиапаводчика.

Со стороны Спас-Деменска показались десять самолетов Як-9. Одна четверка шла впереди на высоте 3000 м, другая — слева уступом на 500 м выше, а замыкающая пара находилась над ними. Минут через десять под прикрытием ФВ-190 появилась группа вражеских бомбардировщиков. Французы своевременно заметили их и перестроили боевой порядок. Одно звено атаковало бомбардировщики, другое связало боем истребители. Вскоре загорелся ведущий Хе-111 и упал в лес западнее Ельни. Это вызвало замешательство среди экипажей «хейнкелей». Нарушив боевой порядок, они разрозненными группами и в одиночку обратились вспять. Французы, которые связали боем истребители прикрытия, сбили три ФВ-190. Александр Александрович остался доволен тем, как провели бой французские летчики. «А все-таки хорошо, — подумал он, — что не поторопились, не перевели полк от Захарова».

Командный пункт Новикова в те дни находился недалеко от города Дорогобуж. Там же располагался командующий 1-й воздушной армией генерал Громов. Разработка плана по использованию авиации в предстоящем наступлении вызвала немало споров. Сил и средств явно не хватало.

— Нужно увеличить количество вылетов на каждый экипаж, — предложил начальник штаба генерал-майор авиации А. С. Пронин, вопросительно глядя на Новикова. — Помните Ленинградский фронт, осень сорок первого?

— Сейчас не сорок первый... — начал было один из командиров дивизии. — Боюсь, молодые летчики не выдержат такого напряжения.

— Выдержат, — уверенно проговорил Новиков. — Война есть война. Без напряжения боев не бывает.

Скоро план действий авиации по поддержке пехоты и танков был готов. Вместе с Громовым Новиков представил его командующему Западным фронтом генералу армии В. Д. Соколовскому. Все трое еще раз тщательно про-

смотрели его, уточнили детали, после чего план был подписан.

Шла подготовка к наступлению и на Калининском фронте. Видя бесплодность наступления на Третьяково, Гришино, командование фронта решило обмануть противника. Замысел состоял в том, чтобы, создавая впечатление, что наступление будет продолжаться в прежнем направлении в обход Духовщины слева, в действительности подготовить главный удар в обход города справа и овладеть им. А в дальнейшем, выйдя во фланг той группировки противника, которая оказывала особенно сильное сопротивление, разгромить ее.

Новиков понимал, что оперативный обман противника — дело непростое. Главное в нем — заставить врага поверить в демонстративные действия противоборствующей стороны, добиться их максимального правдоподобия. Однако военная хитрость оперативного масштаба связана с искусством многих военачальников и невозможна без риска. И он пошел на него, добился разрешения Ставки на выделение значительных сил авиации дальнего действия для нанесения мощных ударов с воздуха не на направлении действительного главного удара, а там, где противник сосредоточил большие силы. Это смелое решение обещало помочь войскам Калининского фронта решить две важные задачи: ввести гитлеровцев в заблуждение относительно намерений советского командования и причинить большой урон в живой силе и технике наиболее мощной и опасной группировке противника на этом участке фронта.

План взаимодействия фронтовой авиации и АДД, а также авиации ПВО был составлен и скорректирован под руководством Новикова и одобрен Ставкой. Предположение Александра Александровича полностью оправдалось. «Больше всего, — отмечал командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко, — противник был обманут тем, что накануне атаки всю ночь с 13 на 14 сентября тяжелая авиация Ставки Верховного Главнокомандования, предоставленная в распоряжение фронта, бомбила войска и полевые оборонительные сооружения врага южнее Духовщины, как бы подготавливая к утру еще более мощное наступление в прежнем направлении... Две тяжелые авиадивизии непрерывно бомбили указанный район, где войска противника были сосредоточены особенно плотно, ожидая наше наступление»³.

³ Еременко А. И. Годы возмездия. М., 1969. С. 67.

Мощный бомбовый удар приковал внимание противника, что сыграло решающую роль в развитии наступления на другом направлении. Пока гитлеровцы разобрались в обстановке, подвижная группа советских войск под прикрытием и при поддержке авиации продвинулась более чем на 10 километров в глубину и стремительно развивала удар. В результате четырехдневных ожесточенных боев войска Калининского фронта прорвали сильно укрепленную долговременную оборонительную полосу противника и 19 сентября штурмом овладели Духовщиной.

— Наш успех под Духовщиной, — говорил Новикову генерал А. И. Еременко, — стал результатом надежного сочетания внезапности с гибким управлением со стороны командиров всех степеней, хорошей организацией взаимодействия, проявлением разумной инициативы, успешными действиями авиации, которая прицельно и смело бомбила и штурмовала заданные цели. Победу принесли нам дерзкий, но верный замысел и четкое воплощение его в жизнь всеми родами оружия, действовавшими как единый, слаженный организм.

— Воюем по науке, — ответил с улыбкой Новиков.

Находясь на Западном фронте у Соколовского, он зорко следил за развитием событий и вносил соответствующие коррективы.

У маршала авиации Г. В. Зиминой сохранилась копия доклада штаба 240-й истребительной авиадивизии, из которого видно, какие сильные воздушные сражения разгорались в те дни над Духовщиной и Ярцевом. В течение дня почти каждый летчик дивизии участвовал в двух-трех воздушных боях. За четыре дня было сбито 123 вражеских самолета. Шесть побед одержал лейтенант Д. Кудрявцев, пять машин уничтожил лейтенант С. Бражнец, три — гвардии лейтенант Н. Марченко.

— Я говорил, что молодежь выдержит! — воскликнул Новиков, прочитав этот доклад. — И она выдержала. Да еще как! 123 победы за четыре дня.

Александр Александрович высоко ценил мужество летчиков, знал о каждом подвиге, совершенном на фронте. Он читал донесения о том, как капитан Н. В. Тихонов ценой собственной жизни сорвал налет немецких самолетов на боевые порядки наземных частей. Отважно штурмовал на Ил-2 вражеские позиции в районе Духовщины старший лейтенант И. Ф. Павлов. Важные сведения доставили в штаб летчики-разведчики капитаны

Г. П. Бахвалов и Т. А. Саевич. Все они были удостоены звания Героя Советского Союза.

Координируя боевые действия частей и соединений 1-й и 3-й воздушных армий, маршал авиации Новиков не выпускал из виду и организацию ударов дальнебомбардировочной авиации по железнодорожным узлам, живой силе и технике в глубоком тылу противника. В донесениях штаба авиации дальнего действия все чаще и чаще стало упоминаться имя командира 2-го гвардейского авиационного корпуса генерала Е. Ф. Логинова. Все полки и дивизии этого соединения стали гвардейскими. Командира корпуса отличало творческое отношение к решению боевых задач. Еще будучи командиром дивизии, он предложил значительно увеличить бомбовую нагрузку Ил-4. Появилась новинка и в штабе корпуса. Логинов приказал на базе транспортного самолета оборудовать... воздушный командный пункт. По свидетельству Героя Советского Союза генерал-полковника авиации В. В. Решетникова, на борту самолета были размещены все его атрибуты: средства оперативной информации, аппаратура сетей управления командирами групп в воздухе, воздушный КП имел прямые каналы связи со штабом АДД.

— Идет в ногу с жизнью, — похвалил Новиков Логинова. — Командиры истребительных и штурмовых авиакорпусов руководят подчиненными с наблюдательных пунктов наземных войск, он организовал свой командный пункт прямо в воздухе, там, где решается успех вылета.

И действительно, когда район боевых действий корпуса находился на большой глубине, генерал Логинов поднимался в воздух, под охраной сил ПВО работал в зоне весь период удара. Увеличивались точность навигации, меткость бомбометания, заметно снижались потери.

Изгнав гитлеровцев из Ельни, Дорогобужа и Ярцева, соединения Западного фронта устремились к Смоленску. Туда же направил часть своих сил Калининский фронт. У Новикова многое было связано со Смоленском, где он после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе прослужил восемь лет. Там у него родились дочь Светлана и сын Юрий, там он похоронил жену Милицу и младшего сына Игоря. Там же перешел в авиацию.

Утром 26 сентября Александр Александрович с подполковником М. Н. Кожевниковым отправились в город Смоленска нельзя было узнать, он был весь разрушен. Только собор на горе остался целым. Лучшие здания,

заводы, мосты через Днепр — все было подорвано и сейчас догорало. Сердце обливалось кровью при виде этой тяжелой и мрачной картины.

Осмотрев аэродром, расположенный на окраине города, Новиков приказал посадить сюда авиацию, чтобы обеспечить сопровождение наземных войск. Наступление Западного фронта развивалось стремительно, и авиация едва успевала за наземными войсками, перелетая с одних аэродромов на другие.

Смоленская наступательная операция закончилась 2 октября. Длилась она 57 дней и завершилась крупным успехом. При непрерывной поддержке авиации советские войска продвинулись вперед на 200—250 километров. Гитлеровское командование не смогло отсюда перебросить часть сил на юго-западное направление, где войска Красной Армии стремительно шли вперед. Новиков приказал перебазировать штаб ближе к Невелю. Не успели устроиться на новом месте, как противник преподнес неприятный сюрприз. Внезапным контрударом во фланг он отрезал группу наших войск от основных сил. Когда Александр Александрович узнал об этом, он немедленно связался с командующим 3-й воздушной армией генералом Н. Ф. Папивиным и приказал срочно организовать помощь оказавшимся в мешке частям.

— Поставьте эту задачу командиру 314-й ночной бомбардировочной дивизии, — подсказал он командарму. — Пусть применяют и парашютный, и посадочный варианты десантирования.

Летчики-ночники справились с поставленной задачей. Они сбрасывали попавшим в беду наземным войскам продовольствие, фураж, боеприпасы, совершали посадки на лесных полянах, чтобы доставить горючее. При возвращении на свой аэродром забирали раненых и больных.

Находясь в районе Смоленска, а затем Невеля, как и на других участках фронта, командующий ВВС внимательно следил за действиями всей авиации от Мурманска до Черного моря, ревниво относился к сообщениям об успехах и неудачах руководящего состава дивизий и корпусов, в судьбе которых он принимал непосредственное участие.

Сообщение, которое поступило на этот раз, особенно заинтересовало Новикова. В нем говорилось, что 17 бомбардировщиков Пе-2 82-го гвардейского авиаполка под прикрытием 14 истребителей во главе с командиром 2-го бомбардировочного авиакорпуса генералом И. С. Полби-

ным нанесли эффективный удар по важным целям в Знаменке и Протопоповке. На обратном пути, заметив 20 вражеских бомбардировщиков, летевших в направлении Пятихатки, Полбин решил обстрелять их из бортового оружия. Завязался небывалый воздушный бой бомбардировщиков, в ходе которого Полбин с первой атаки сбил вражеский самолет, а еще два уничтожили его подчиненные. После того как первая группа немецких бомбардировщиков была рассеяна, появилась вторая, которая также была атакована советскими экипажами. Полбин поджег еще один бомбардировщик. В итоге этого боя враг потерял 13 самолетов⁴.

— Вот это новатор! — воскликнул Новиков, потом добавил: — А я хотел его в штабе держать.

Не предполагал в тот момент командующий ВВС, что скоро, очень скоро он будет жать руку прославленному комкору.

Когда в соответствии со стратегическим замыслом Верховного Главнокомандования войска четырех Украинских фронтов развернули наступление на южном крыле советско-германского фронта, представителем Ставки по авиации туда был направлен маршал авиации А. А. Новиков. Это уже стало традицией. Выезжая на фронты, Жуков всегда просил направить вместе с ним Новикова. Обычно скупой на оценки, он высоко отзывался о деятельности Александра Александровича: «Должен с большой благодарностью отметить умную организаторскую роль командующего военно-воздушными силами генерал-полковника А. А. Новикова, который силами авиации фронта и флота эффективно помогал отбивать яростные атаки вражеских войск»⁵. (Имелась в виду оборона Ленинграда осенью 1941 г.)

В штабе 2-й воздушной армии, которая входила в состав 1-го Украинского фронта, Новиков встретился с генералом Полбиным. Он подробно расспросил командира корпуса о небывалом по результативности воздушном бое бомбардировщиков, поинтересовался планами на будущее.

— Думаем полностью отказаться от горизонтального способа группового бомбометания по малоразмерным целям, — ответил И. С. Полбин. — Он малоэффективен.

— Решили перейти на бомбометание с пикирования?

— Да, — подтвердил командир корпуса, — в составе

⁴ См.: Полбин И. С. Пикирующий удар. М., 1944. С. 42, 43.

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 153.

группы одиночными самолетами. Мы называли этот способ вертушкой.

Полбин взял лист бумаги, быстро начертил схему нового тактического приема. Суть его была удивительно проста. Перед началом пикирования группа выстраивается в пеленг, словно одно из крыльев журавлиной стаи. «Вертушка» начинается с того, что ведущий разворачивается в сторону от пеленга и переводит самолет в крутое пикирование — самый точный способ бомбометания — на цель. За ним следует по той же траектории второй пикировщик, затем третий, четвертый... Ведущий, потеряв около 1000 метров высоты, необходимой для уточнения прицеливания, бросает бомбу и переводит самолет в набор высоты, чтобы занять место в конце группы. Строй замыкался, получалось колесо.

— Хорошая идея, — одобрил Новиков. — Каждый экипаж защищает от атак впереди идущего. Прикрытые истребителей нужно только на вводе и выводе из пикирования. Штурмовики такой прием уже используют.

— Вертушка, — добавил Полбин, — позволяет переацеливать экипажи даже после начала пикирования.

— Пробовали? Получается?

— Получается.

Вскоре «вертушка» стала применяться во многих полках, летавших на пикирующих бомбардировщиках. Однако делалось это без спешки. Новый тактический прием осваивался основательно. Таким было указание маршала авиации Новикова.

Замечать и поддерживать новое, не упускать ни одной возможности отметить отличившегося было для Александра Александровича непреложным законом. «24 декабря 1943 года, — писал Герой Советского Союза маршал авиации С. А. Красовский, — войска фронта, отбив все атаки немцев, перешли в наступление в направлении на Бердичев — Новоград-Волынский. Погода по-прежнему не позволяла предпринять массированные действия. И всю тяжесть боевой работы выносили на себе экипажи «охотников» всех видов авиации... Широкую известность получил удар группы Ил-2, ведомой лейтенантом Долговым по железнодорожной станции Шепетовка. В результате налета были уничтожены 14 эшелонов, состоявшие из 460 вагонов, среди них 60 вагонов с боеприпасами. Из двадцати железнодорожных путей немцам удалось расчислить только один, по которому они пропускали свои эшелоны к фронту.

Когда стало известно о беспрецедентном вылете группы Долгова, командующий ВВС наградила всех участников вылета орденами. Орденом Александра Невского был награжден Долгов. Кроме этого, всем летчикам присвоили внеочередные воинские звания. Долгов стал капитаном»⁶.

Авиационное наступление, разработанное штабами 2-й и 5-й воздушных армий, планы которых корректировал Новиков, дало свои результаты. Войска 1-го Украинского фронта в начале января 1944 г. почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области и многие районы Винницкой и Ровенской областей. Добились успеха и войска 2-го Украинского фронта. 10 января они освободили Кировоград. Выполнению задач фронта способствовало сосредоточение действий всей авиации на узком участке фронта, на котором стоял представитель Ставки Новиков. В первые два дня наступления было совершено 1100 самолето-вылетов. Задание Ставки было выполнено.

Вскоре после возвращения Новикова в Москву состоялось заседание Военного совета ВВС, на котором рассматривался вопрос о состоянии оснащенности фронтовой авиации новыми типами самолетов. «В ходе заседаний Военного совета ВВС, — вспоминал Герой Социалистического Труда генерал А. И. Шахурин, бывший в годы войны наркомом авиационной промышленности, — и в ряде других случаев у нас возникали подчас и разногласия, чем-то были не довольны авиационные начальники, не всегда нам казались их претензии справедливыми. Особенно это касалось поведения самолетов в бою. Каждый случай каких-либо неполадок требовал объяснения. И конечно, никто не торопился взять вину на себя. Но когда все становилось ясным, справедливости ради пужно сказать, что ни я, ни Новиков не защищали «своих». А это уже было важно.

В общем, необходимый деловой контакт между командованием Военно-воздушными силами и Наркоматом авиапромышленности был, благодаря этому мы успешно реализовывали свои программы, которые в основном поддерживались военными, чувствуя нередко большую помощь с их стороны, когда те или иные дела решались в высоких инстанциях...

⁶ Красовский С. А. Жизнь в авиации. М., 1960. С. 201—202.

Работу штаба Военно-воздушных сил я наблюдал почти на протяжении всей войны. Это действительно был хорошо слаженный коллектив, понимавший свои задачи и оперативно их решавший. Командующий и его заместители, Военный совет ВВС всегда знали нужды фронта, быстро оценивали результаты тех или иных боевых воздушных операций, делая из этого правильные выводы»⁷.

Каждое заседание Военного совета ВВС, проведенное Новиковым, было примером деловитости, государственного подхода к решению проблем, творческого решения всех вопросов. Александр Александрович внимательно выслушивал мнение каждого. Если возникали принципиальные разногласия, назначал комиссию, которая изучала вопрос досконально, докладывала свои выводы Военному совету, и только тогда принималось окончательное решение.

В начале февраля 1944 г. маршалу авиации А. А. Новикову пришлось вплотную заняться подготовкой к организации так называемых челночных операций авиационной группы США с посадкой на территории СССР. Принципиальная договоренность об этом была достигнута еще осенью минувшего года, а теперь из ГКО поступили принципиальные указания о порядке размещения и питания американских летчиков, снабжения авиабаз горючим и авиабомбами.

Для американской авиации был выделен Полтавский аэроузел, состоявший из аэродромов Полтавы, Миргорода, Пирятина. Предполагалось, что в «челночных» операциях будут участвовать до 360 бомбардировщиков и до 150 — 200 истребителей сопровождения. Для их обслуживания была сформирована 169-я авиационная база особого назначения во главе с генералом А. Р. Перминовым. Общее руководство осуществляло специальное управление ВВС, которое было создано для решения вопросов, связанных с боевой деятельностью с территории СССР авиационных частей Польши, Франции, Чехословакии, а теперь и США. Начальником управления был генерал С. Т. Левандович, который подчинялся непосредственно заместителю командующего ВВС Красной Армии генералу А. В. Никитину.

Генералы Никитин и Левандович доложили, что подготовка базирования, инженерно-авиационного и материально-технического обеспечения авиационной группы США идет полным ходом.

⁷ Шахурин А. И. Крылья победы. С. 232—233.

— Особое внимание обратите на прикрытие аэроузла с воздуха, — подчеркнул Новиков.

— Такую задачу получили 310-я истребительная авиадивизия ПВО и венитно-артиллерийская часть шестого корпуса ПВО, — ответил Никитин.

— Постоянно держите меня в курсе дел, — заключил маршал.

Время в работе летит незаметно. И вдруг — вызов в Ставку. В кабинете у Сталина находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками маршал Я. Н. Федоренко. Увидев Новикова, Сталин прошелся вдоль стола, обернулся и, глядя ему в глаза, спросил:

— Скажите, товарищ Новиков, можно остановить танки авиацией?

Секунды были отпущены на раздумье. Обычное благоразумие требовало дать вначале обтекаемый ответ. Но Новиков без колебаний и твердо ответил, что остановить танки авиацией можно.

— Тогда завтра же летите к Ватутину и примите меры, чтобы остановить танки. А то на весь мир растрезвонили, что окружили корсунь-шевченковскую группировку, а до сих пор разделаться с ней не можем.

Сталин был явно не в духе. Новиков понял, что представитель Ставки по авиации генерал С. А. Худяков, находящийся на 1-м Украинском фронте, или что-то не сумел учесть при подготовке операции, или не совсем ясно и точно доложил об обстановке в воздухе. Сталин, будто угадав мысли Новикова, резко бросил:

— Худяков мне там не нужен. Уберите его.

— Худяков хорошо работает, товарищ Сталин, — Александр Александрович попытался было защитить начальника штаба ВВС, — и я считаю своим долгом...

— Там он мне не нужен, — перебил Верховный. — Летите к Ватутину сами и останавливайте танки...

Утром 14 февраля Новиков вылетел из Москвы в Андрушевку, где располагался командный пункт 2-й воздушной армии. Разговор со Сталиным не выходил из головы. Неужели над Худяковым навис дамоклов меч? Он же толковый начальник штаба, имеет опыт командования воздушной армией. В чем же его вина? Может быть, он сказал Сталину, что остановить танки авиацией не под силу? Но ведь Худяков должен прекрасно помнить события 7 июля 1943 г. на Курской дуге. Тогда в районе железнодорожной станции Поньри советские Ил-2 разгромили крупную танковую группировку противника. Успех дела решили

кумулятивные бомбы, впервые примененные в практике советской авиации.

Что-то тут не то. Но так или иначе останавливать танки авиацией придется не Худякову, а ему, маршалу авиации Новикову. Все пройдет хорошо, танки будут отстояны. Но у Сталина наверняка останется предубеждение к Худякову, и при первом же подходящем случае он выдаст ему сполна.

Положение под Корсунь-Шевченковским оказалось очень серьезным. В районе Шендеровки передовые части врага отделял только 12-километровый просвет, а у советских наземных войск ни горючего, ни достаточного количества боеприпасов — распутица. Воздушная разведка к тому же донесла: в долине юго-западнее Лисянки замечено большое скопление танков, а по раскисшей старой железнодорожной насыпи от Яблоновки на Лисянку движется колонна танков и бензовозов.

— Поднять штурмовики в воздух! — приказал генерал Красовский, оглядываясь на Новикова, с которым до мелочей продумал все детали этого боевого вылета.

Разбрыгаивая грязь, около ста самолетов оторвались от земли и ваяли курс на цель. Началось тягостное ожидание: «Будет ли результат?» Наконец раздался телефонный звонок, и в трубке послышался радостный голос командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина:

— Александр Александрович, а танки-то горят! Горят, черт их дер! Молодцы штурмовики! Дайте немцам еще!

Маршал авиации Новиков сделал все от него зависящее не только для того чтобы остановить танки авиацией, но и уничтожить окруженную группировку врага. «Весьма поучительно, — вспоминает М. Н. Кожевников, сопровождавший А. А. Новикова в поездке на фронт, — была организована и проведена воздушная блокада окруженной группировки противника. По опыту Сталинграда А. А. Новиков совместно с командующим 2-й воздушной армией генералом С. А. Красовским и командиром 10-го истребительного корпуса ПВО генералом Л. Г. Рыбкиным создал четыре зоны уничтожения транспортной авиации врага, которая пыталась снабжать по воздуху свои окруженные войска. Немецкая авиация уничтожалась в четырех зонах истребителями 2-й воздушной армии и 10-м ИАК ПВО. За внешним фронтом окружения ударам подвергались аэродромы Умани, Винницы, Новоукраинки. Одновременно наносились удары по аэродромам и посадочным площадкам противника. Поддержку войск по унич-

тожению окруженного противника осуществляла 5-я воздушная армия.

С 31 января по 18 февраля наша авиация в ходе воздушной блокады сбивала в воздухе 257 самолетов противника, в том числе 31 транспортный самолет, а всего за период разгрома окруженной группировки в воздушных боях и на аэродромах было уничтожено 457 немецко-фашистских самолетов. В результате воздушной блокады окруженная группировка была изолирована и лишена помощи извне, что в значительной степени способствовало быстрой ее ликвидации»⁸.

Операция по уничтожению корсунь-шевченковской группировки завершилась 17 февраля, но наступление 1-го и 2-го Украинских фронтов продолжалось. Новиков продолжал координировать действия 2-й и 5-й воздушных армий, авиации дальнего действия и 10-го истребительного корпуса ПВО. Массированное использование всех видов и родов авиации на важнейшем направлении и в решающий момент позволяло достичь наибольших результатов.

21 февраля Новиков был на командном пункте командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина. Здесь же находился и маршал Г. К. Жуков, только что прилетевший из Москвы, чтобы координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов в предстоящей операции. Вечером раздался телефонный звонок из Москвы. Трубку взял Георгий Константинович. Через минуту его лицо просияло.

— Александр Александрович, — торжественно произнес он, опустив трубку на рычаг, — вам первому присвоено воинское звание главный маршал авиации. Сердечно поздравляю!

Тепло поздравили командующего ВВС Красной Армии генерал Н. Ф. Ватутин, все, кто находился в тот момент на командном пункте. Скоро пришла и поздравительная телеграмма за подписью Сталина.

В начале марта командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский доложил Новикову, что 19-й Краснознаменный истребительный авиополк под руководством полковника Л. Л. Шестакова готов к боевым действиям в полном составе. Александр Александрович тотчас прилетел на аэродром, встретился с летчиками-асами. Шестаковцы незамедлительно продемонстрировали шефу

⁸ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 164.

свое отточенное мастерство. Взлет и посадка четверками, минимальное время сбора в боевые группы, четкое маневрирование группами, развороты «все вдруг», отличное взаимодействие — далеко не полный перечень того, что увидел Новиков в тот день.

— Поработали хорошо, — похвалил летчиков Александр Александрович. — Теперь можно и в бой. Не подкачаете?

— Доверие оправдаем, товарищ главный маршал, — ответил за всех Шестаков.

И он сдержал слово — в первом же бою приумножил боевой счет полка. Примеру командира последовали остальные. Всем запомнился день 13 марта. Прикрывая части 3-й танковой армии в районе Проскурова, летчики полка в сложных условиях погоды совершили 42 самолето-вылета, провели два воздушных боя и сбили два «юнкерса» и один «мессершмитт». Но во второй половине дня случилось несчастье — с задания не вернулся командир полка.

Новиков немедленно вылетел на аэродром Корсаково, где базировался 19-й Краснознаменный авиаполк, с пристрастием расспросил очевидцев о гибели Шестакова. Как он и предполагал, командир полка асов погиб героически. Обнаружив в районе Проскурова большую группу Ю-87 под прикрытием истребителей, наносивших удар по нашим наступающим войскам, Шестаков, несмотря на численное превосходство врага, смело и дерзко атаковал его, увлекая за собой ведомых. Подойдя вплотную к фашистскому бомбардировщику, метким огнем сбил его. Затем он, как всегда, с короткой дистанции нанес удар по другой вражеской машине. И тут случилось непоправимое. Вражеский бомбардировщик взорвался, и воздушная волна опрокинула самолет Шестакова в штопор. Мужественный летчик не растерялся, покинул неуправляемую машину с парашютом, но земля была слишком близко...

Гибель Шестакова потрясла Александра Александровича. Он полюбил 29-летнего командира полка, как младшего брата. Угнетало и то, что полк асов, на который он возлагал большие надежды, остался без лидера.

— Второго такого командира я вам вряд ли подберу, — сказал он со вздохом.

Скоро полку асов было присвоено почетное наименование «Проскуровский». Нашелся достойный преемник и Шестакову. Богата наша авиация незаурядными людьми! В первом же боевом вылете пять пар, ведомых новым

командиром полка полковником П. Ф. Чупиковым, встретились с большой группой бомбардировщиков под прикрытием 40 истребителей. Советские асы сорвали прицельное бомбометание гитлеровцев, сбили 12 самолетов врага, потеряв один истребитель. Причем первую победу одержал сам Чупиков. Случилось это в районе Тернополя, и Александр Александрович приехал поздравить летчиков.

— Еще один такой бой, — сказал он в заключение разбора боевого вылета, — и вы гвардейцы. Воюете отменно: три боевых вылета на один сбитый самолет.

При освобождении Правобережной Украины Александр Александрович вновь блеснул умением принять неординарное, рискованное, но единственно правильное в сложившихся условиях решение. Гитлеровцы, засевшие в северной части Тернополя, перекрыли огнем шоссе — единственный удобный и кратчайший путь снабжения советских войск, сражавшихся километрах в двадцати западнее города. Маршал Г. К. Жуков, назначенный командующим 1-м Украинским фронтом вместо тяжелораненого генерала армии Н. Ф. Ватутина, как-то посетовал Новикову:

— Этакая заноза в нашем тылу, и никак не выдернешь ее!

Новиков ничего тогда не сказал, но по дороге на командный пункт командующего 2-й воздушной армией вдруг подумал: «А что, если остатки вражеского гарнизона разгромить самолетами У-2?» Проблема усложнялась тем, что бомбежку следовало вести по малоразмерным целям с большой точностью и У-2 предстояло действовать днем. Решение было рискованным, хотя У-2 можно было дать сильное истребительное прикрытие. Стоило прорваться к Тернополю «мессершмиттам», две дивизии У-2 могли понести большие потери. Но этого не случилось благодаря предусмотрительности представителя Ставки по авиации. Экипажи У-2, надежно прикрытые истребителями, действовали отлично. Когда отбомбился последний экипаж, гитлеровцы выбросили белый флаг.

Зимой и весной 1944 г. войска 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов при активной поддержке авиации, которой руководил главный маршал авиации Новиков, нанесли крупное поражение противнику. Советские ВВС за это время произвели более 66 тысяч самолето-вылетов и сбросили на объекты врага тысячи тонн бомб. В воздушных

боях и на аэродромах было уничтожено более 1400 самолетов противника⁹. Красная Армия полностью освободила Правобережную Украину, вступила на территорию Румынии.

12 мая, после трехмесячного отсутствия, Новиков вернулся в Москву, был награжден вторым орденом Суворова I степени. В Ставке проявили особый интерес к его рассказу о том, как летчики У-2 помогли наземным войскам ликвидировать довольно сильную вражескую группировку, окруженную в Тернополе.

Побывать в Москве Новикову пришлось недолго. Летнее наступление советских войск в 1944 г. открывал Ленинградский фронт, затем должен был вступить в дело Карельский. Им предстояло сокрушить военную машину Финляндии и вывести северного союзника Германии из войны. В начале июня Новиков вылетел в Ленинград для проверки готовности авиации фронта и Краснознаменного Балтийского флота к предстоящим боям. Полет из Москвы в Ленинград он выполнил в кабине учебно-тренировочного истребителя Як-7. Ему хотелось лично убедиться в обоснованности жалоб летчиков на грубую отделку ларингофонов и наушников шлемофонов. Так Александр Александрович поступал всегда, когда речь шла об интересах подчиненных, о снабжении летчиков добротным снаряжением. Жалобы летчиков оказались обоснованными. Ларингофоны, которыми Новиков пользовался в полете, были очень неудобными, натирали шею, а наушники мешали спокойно вести переговоры. После посадки в Ленинграде командующий ВВС позвонил начальнику Главного управления заказов ВВС генералу Н. П. Селезневу и приказал передать претензии авиаторов заводам, изготавливавшим эту аппаратуру.

Еще до вылета в Ленинград Новиков позаботился о создании на Карельском перешейке сильной авиационной группировки. По его предложению из резерва Верховного Главнокомандования на аэродромы Ленинградского аэроузла были передислоцированы 334-я бомбардировочная и 113-я дальнебомбардировочная авиадивизии на самолетах Ту-2 и Ил-4, появление которых под Ленинградом имело свою предысторию. Когда решался вопрос, какими типами бомбардировщиков усилить авиацию Ленинградского фронта, некоторые члены Военного совета ВВС пред-

⁹ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 261.

лагали послать Пе-2. Они ссылались на то, что «пешки» больше подходят для действий в условиях Карельского перешейка. Но расчеты показали, что для массивированной непрерывной поддержки войск необходимо перебросить туда не менее шести дивизий, вооруженных Пе-2. Таким числом свободных авиасоединений Ставка тогда не располагала. Предвиделись трудности и с тыловым обеспечением. Тыл 13-й воздушной армии не смог бы своими силами обслужить такое количество самолетов. Переброска же тыловых частей авиации с других фронтов заняла бы много времени, и начало операции пришлось бы отложить.

Думал главный маршал авиации Новиков и о боевых действиях авиации после падения Выборга, когда в наступление должен был перейти Карельский фронт. В этом случае соединения Пе-2 пришлось бы перебрасывать на аэроузел 7-й воздушной армии, тыл которой был еще слабее, чем авиационный тыл Ленинградского фронта, что грозило вынужденной оперативной паузой.

Все возникшие проблемы снимались в случае отправки под Ленинград двух авиадивизий, вооруженных бомбардировщиками Ту-2 и Ил-4. Радиус их действия позволял с Ленинградского аэроузла наносить удары на всю глубину Карельского перешейка, а служба тыла 13-й воздушной армии своими силами могла обеспечить нормальную работу дополнительному количеству бомбардировщиков.

Вслед за учебно-тренировочным Як-7, на борту которого находился главный маршал авиации Новиков, на аэродроме, расположенном неподалеку от КП командующего Ленинградским фронтом генерала армии Л. А. Говорова, приземлился пассажирский самолет, на котором прилетели заведующий авиационным отделом ЦК ВКП(б), член Военного совета ВВС Красной Армии генерал Н. С. Шиманов, заместитель командующего ВВС по инженерно-авиационной службе генерал А. К. Репин, главный штурман ВВС генерал Б. В. Стерлигов. Представителя Ставки по авиации уже ждали. В кабинете командующего фронтом находился А. А. Жданов.

— Ну вот, опять вместе, — сказал он Новикову после приветствий. — Вместе встречали врага под Ленинградом, вместе и добывать его будем.

Знакомство с планом операции, казалось, займет считанные минуты: Новиков — бывший общевойсковик, хорошо знал театр военных действий, раньше много летал

над этим районом. Однако на деле все вышло по-иному. Прежде всего необычным было оперативное построение войск перед наступлением — второй эшелон командования фронта заменило сильным фронтовым резервом, состоявшим из десяти стрелковых дивизий, а также нескольких танковых и самоходно-артиллерийских частей. Не было точно определено и направление главного удара.

— Сам ход прорыва первого рубежа, — пояснял Говоров, — покажет наиболее перспективное направление для развития удара. Через брешь, которую пробьет армия генерала Гусева, мы и пустим в прорыв армию генерала Черепанова, которая до поры до времени не имеет самостоятельного участка прорыва.

План боевых действий полностью отвечал духу операции, характеру вражеской обороны, которая по сравнению с 1939—1940 гг. усилилась многократно. Достаточно сказать, что на Карельском перешейке противник имел к тому времени уже четыре оборонительные полосы общей глубиной до 120 километров. И этот «орешек» планировалось расколоть за 10—12 дней, тогда как на те же 120 километров в 1939—1940 гг. было затрачено более 100 суток.

Особенности Выборгской операции наложили свой отпечаток на боевое применение ВВС. Основная масса авиации предназначалась для поддержки наступления 21-й армии, которая осуществляла прорыв вражеской обороны. По плану боевых действий авиация должна была разрушать опорные пункты и узлы обороны противника, подавлять его артиллерию и минометы, мешать отходу уцелевших от разгрома неприятельских сил на промежуточные и основные рубежи, громить оперативные резервы. Были предусмотрены интенсивные штурмовые удары по железнодорожным узлам, станциям и шоссе-ным дорогам, авиаторы должны были надежно прикрывать свои резервы, коммуникации и базы снабжения и одновременно вести воздушную разведку на всю глубину вражеской обороны.

По предложению Новикова было решено провести предварительное разрушение оборонительных сооружений на первой полосе обороны противника. К участию в этом ударе привлекались основные силы авиации и вся артиллерия. Пришлось изменить традиционное начало артиллерийской и авиационной подготовки, удар наносился не за час-два, а за сутки до часа атаки.

Особое внимание Новиков уделил тесному взаимодействию между видами и родами авиации, а также авиаторов с наземными войсками. В расположении войск 21-й армии была создана надежная сеть управления боевыми действиями авиасоединений и частей. КП командиров штурмовых авиадивизий находились в одном месте с КП командиров стрелковых корпусов и танковых бригад. На переднем крае располагались пункты радионаведения, возглавляемые опытными офицерами-авиаторами, которые непосредственно управляли действиями летчиков, помогая им отыскивать и поражать цели.

Общее руководство действиями фронтовой авиации осуществлялось с КП 13-й воздушной армии. Здесь постоянно находился командующий армией генерал-лейтенант авиации С. Д. Рыбальченко с группой офицеров. Несколько установок радиообнаружения следили за воздушным противником и своевременно информировали о нем. Благодаря такой системе авиационное командование знало все, что делалось в полосе наступления, и могло быстро принимать нужные решения, своевременно маневрировать авиацией, наращивать силу воздушных ударов на тех участках, где требовала обстановка.

Накануне наступления Новиков побывал почти на всех аэродромах, где базировалась авиация фронта. Теплыми и радостными были встречи с ветеранами ленинградского неба. Как выросли люди! За два с половиной года рядовые летчики стали командирами эскадрилий, бывшие комэски — командирами полков или их заместителями. Николай Свитенко, Петр Покрышев, Андрей Чирков, Петр Пилутов, Василий Мациевич стали командирами полков, а бывший командир 154-го истребительного авиаполка полковник А. А. Матвеев возглавил 275-ю истребительную авиадивизию. Вслед за первыми Героями Советского Союза, удостоенными этого звания еще 8 июля 1941 г., П. Т. Харитоновым, С. И. Здоровцевым и М. П. Жуковым кавалерами ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» стали Петр Лихолетов, Сергей Литаврин, Иван Неуструев, а Петр Покрышев — дважды Героем Советского Союза. Но война не бывает без потерь. Вместе с радостью в сердце главного маршала авиации входила и боль утрат. Погибли Степан Здоровцев и Михаил Жуков, Алексей Севастьянов и Дмитрий Откаленко, Павел Маркуца, Александр Карпов, Александр Савушкин... Одно утешало — погибли они не напрасно. Ленинград выстоял.

Вручение советских наград французским летчикам.
1944 г.

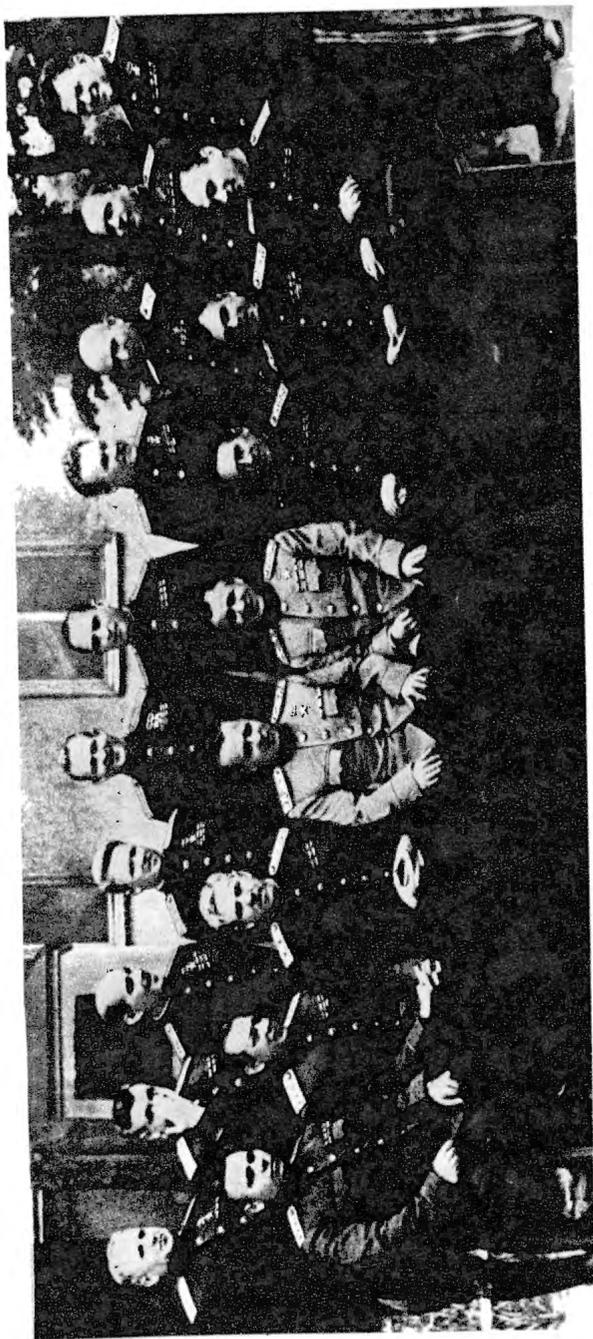

**А. В. Никитин, А. А. Новиков,
А. С. Яковлев. 1945 г.**

**К. Ф. Телегин, А. А. Новиков
и Г. К. Жуков.
1945 г.**

**А. А. Новиков на аэродроме
под Минском.
1944 г.**

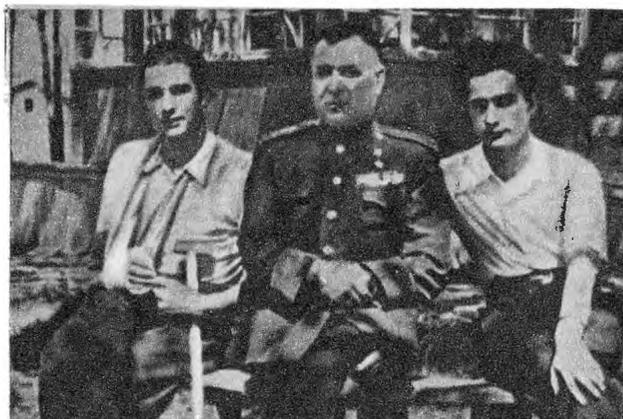
Руководящий состав советских Военно-воздушных сил (слева направо). Сидят: С. Д. Рыбальченко, А. В. Никитин, А. Г. Ворожейкин, А. И. Шахурин, А. А. Новиков, Н. С. Шиманов, Ф. Я. Фалалеев, А. К. Репин; стоят: Н. Ф. Папавин, Н. Ф. Науменко, В. А. Судец, С. И. Руденко, Т. Т. Хрюкин, В. Н. Жданов, К. А. Вершинин, С. А. Красовский, С. К. Горюнов и И. П. Журавлев. 1945 г.

**Н. М. Шверник вручает
А. А. Новикову орден Ленина
и медаль «Золотая Звезда».
1945 г.**

**С. И. Руденко и
А. А. Новиков в
Берлине. 1945 г.**

**А. А. Новиков
с сыновьями
Львом (справа)
и Юрием в Чите.
1945 г.**

**Семья Новиковых в день
70-летия Александра Алек-
сандровича: сын Лев, дочь
Зоя, А. А. Новиков, Т. П. Но-
викова и дочь Светлана.
1970 г.**

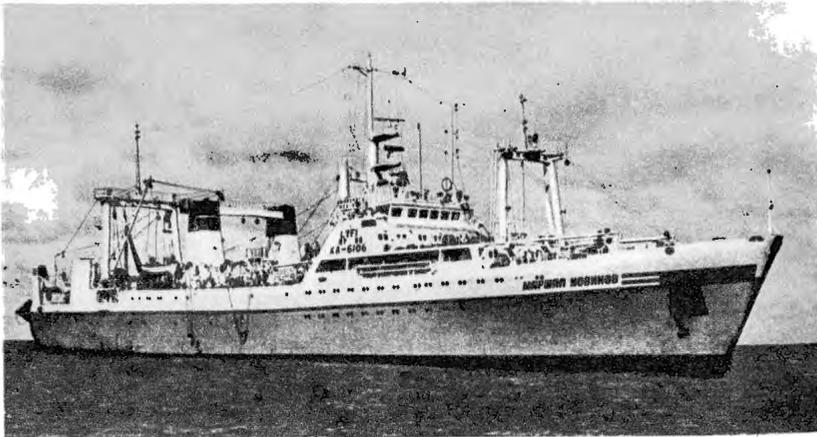
А. А. Новиков и
Г. А. Куманев в
Академии наук
СССР. 1967 г.

Скульптор Е. В. Вучетич
и А. А. Новиков в Костроме.
1968 г.

Бюст А. А. Новикова в Костроме

БМРТ «Маршал Новиков»

Только к вечеру 7 июня Новиков сумел вырваться в Ленинград. Город неузнаваемо изменился. Еще многое напоминало о блокаде, но уже не было баррикад, убирались развалины разрушенных бомбами и снарядами зданий. Остались на стенах надписи-предупреждения: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Однако Ленинград быстро принимал свой прежний, неповторимый, облик. Это был не город-фронт, а город-герой, что стоял, стоит и будет стоять на берегах Невы вечно и непоколебимо, как Россия.

«Увертюра» Выборгской операции — предварительное разрушение объектов врага, — как и было намечено планом, началась 9 июня 1944 г. в 8 часов утра. В это время Александр Александрович находился на КП генерала Д. Н. Гусева, командующего 21-й армией, которая силами 30-го гвардейского стрелкового корпуса наносила главный удар под Белоостровом и где собралось руководство фронта. Все приказания были отданы, планы утверждены. Новиков предоставил командующему 13-й воздушной армией генералу С. Д. Рыбальченко и командующему ВВС КБФ генералу М. И. Самохину полную свободу действий.

Опыт работы представителем Ставки по авиации под Сталинградом и на Северном Кавказе, на Курской дуге, при освобождении Левобережной и Правобережной Украины подсказывал ему, что с КП наземных армий удобнее следить за ходом операции, а в случае необходимости можно быстро внести соответствующие коррективы в действия авиации.

Все правое крыло Ленинградского фронта, прорывавшее Карельский вал, было подобно машине, действовавшей удивительно безотказно и согласованно, с точностью и последовательностью, редкими в таких больших операциях. Когда 360 самолетов, высланные С. Д. Рыбальченко и М. И. Самохиным для уничтожения артиллерийских позиций в глубине обороны первой полосы противника, выполнили задание, обычно немногословный генерал армии Говоров воскликнул:

— Молодцы летчики! Действуют быстро и точно.

Во второй половине дня Новиков был на КП 13-й воздушной армии, чтобы подробнее ознакомиться с итогами боевых действий авиации, узнать о состоянии частей и соединений, встретиться с генералами Н. С. Шимановым, А. К. Репиным и Б. В. Стерлиговым. Особенно его интересовала дивизия генерала И. П. Скока.

— Все экипажи Ту-2 работают прекрасно, — доложил генерал С. Д. Рыбальченко. — Потерь нет.

— У Щербакова тоже полный порядок, — вступил в разговор генерал Б. В. Стерлигов. — Прикрытие истребителей вполне надежно.

— Опыт Курской дуги пригодился, — заключил генерал Шиманов. — Эффект применения крупнокалиберных бомб налицо. Железобетонные укрепления трещат по всем швам.

Около полуночи Новиков доложил итоги дня в Ставку.

Наступление наземных войск развивалось по плану, а в боевые действия авиации внесла коррективы погода: от массированных ударов пришлось отказаться. Над передним краем действовали только штурмовики небольшими группами. Но непрерывность авиационного воздействия на противника по требованию Новикова сохранялась в течение всего светлого времени суток: одна группа штурмовиков сменяла другую прямо над полем боя. Офицеры радионаведения, которые находились в боевых порядках наземных войск, не только наводили группы штурмовиков на вновь обнаруженные цели, но и помогали им ориентироваться на местности. Летчики в свою очередь следили за передвижениями противника, обнаруживали сосредоточение его сил, неподавленные огневые точки и информировали об этом общевойсковых командиров. Взаимодействие авиации с наземными войсками, организации которого много сил и времени отдал Новиков, приобрело стройную систему, становилось повседневной нормой.

Утром 12 июня наступление на Карельском перешейке возобновилось с новой силой. Войска 21-й армии вплотную подошли к основному и самому мощному оборонительному рубежу противника, но его сопротивление нарастало с каждым часом. Генерал армии Говоров принял рискованное решение в течение суток перегруппировать войска и перенести направление главного удара в полосу Приморского шоссе. Успешному решению этой сложной задачи во многом способствовали умение главного маршала авиации Новикова перенацеливать значительные силы авиации с одного направления на другое, его способность организовать боевые действия огромного количества авиационных полков и дивизий в ограниченном воздушном пространстве.

Перед началом наступления на новом направлении главного удара появилось около 400 бомбардировщиков и штурмовиков под надежным прикрытием истребителей. Они бомбили и штурмовали основные узлы сопротивления противника, подавляли обнаруженные огневые позиции, скопления живой силы. Экипажи делали все, чтобы облегчить задачу наземным войскам. Когда Новикову доложили, что по инициативе командира эскадрильи 58-го бомбардировочного авиаполка капитана П. Т. Сырчина многие экипажи бомбардировщиков стали брать на борт самолета бомбовую нагрузку, превышающую расчетную, он спросил:

— Петр Сырчин служил в Старой Руссе во второй смешанной авиадивизии?

Оказалось, служил. Осенью 1940 г. генерал Новиков, тогда начальник ВВС Ленинградского военного округа, наградил его за успехи в боевой и политической подготовке именными часами. Воевал командир эскадрильи превосходно. В результате только одного удара 26 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 во главе с капитаном Сырчиным удалось разрушить 6 дотов и добиться 20 прямых попаданий в траншейную систему противника.

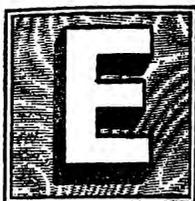
Новиков распорядился представить отважного пилота к ордену. Но не суждено было получить ему заслуженную награду. Из очередного полета в район Выборга он не вернулся. Уже после войны по именованным часам удалось установить место гибели экипажа капитана Сырчина, выявить имена погибших вместе с ним штурмана и начальника связи эскадрильи. Останки экипажа с воинскими почестями преданы земле у Святогорского шоссе в районе Выборга.

...Низкая облачность исключала полеты бомбардировщиков, поэтому вся тяжесть поддержки наземных войск с воздуха легла на штурмовиков, которые демонстрировали высочайшее мужество и отточенное мастерство. Особенно это проявилось при штурме Кутерселькя — сильнейшего оборонительного узла в системе укрепленного района, который с обеих сторон был окружен лесами, болотами и мелкими озерами. Ил-2 ходили в атаку, едва не цепляясь плоскостями за верхушки елей и сосен. Чтобы избежать поражения от собственных бомб и реактивных снарядов, экипажи бомбили позиции врага на выходе из пикирования. И так продолжалось шесть часов. 18 июня наши войска вплотную подошли к третьей полосе вражеской обороны и к исходу следующих суток

прорвали ее. Исход-Выборгской операции был предре-
шен.

В штабе 7-й воздушной армии Карельского фронта А. А. Новиков уточнил с генералом И. М. Соколовым порядок авиационного обеспечения Свирско-Петрозаводской операции, затем увязал вопросы координации боевых действий 334-й и 113-й бомбардировочных дивизий, которые, как и было предусмотрено планом, привлекались для помощи войскам Карельского фронта. Здесь он узнал о присвоении Л. А. Говорову звания Маршала Советского Союза и о том, что А. А. Жданов и Д. Н. Гусев произведены в генерал-полковники. Александр Александрович тепло поздравил всех по телефону. Времени у него не оставалось: в тот же день он вылетел в Белоруссию.

УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ

ще до поездки на Ленинградский фронт Новиков подписал директиву, в которой были подведены итоги боевых действий Военно-воздушных сил за зиму и весну 1944 г., а также поставлены задачи на летний период. В директиве был сделан подробный анализ недостатков, вскрыты их причины, даны рекомендации по их устранению. Летному составу предписывалось лучше изучать объекты ударов, а авиационным штабам — тщательнее отрабатывать плановые таблицы взаимодействия авиации с танковыми и механизированными соединениями, особенно при их вводе в сражения и действиях в оперативной глубине. Всем командирам истребительных авиадивизий, их заместителям, начальникам штабов, руководящему составу штабов воздушных армий приказывалось освоить практические навыки управления авиацией в воздухе с помощью радиосредств.

По настоянию Новикова командующим воздушными армиями запрещалось управлять вылетами и действиями отдельных групп самолетов, они должны были ставить конкретные задачи лишь авиационным корпусам и дивизиям. Начальникам штабов воздушных армий и авиационных корпусов вменялось в обязанность оказывать конкретную помощь подчиненным штабам в планировании и организации управления.

Для борьбы с вражеской авиацией в каждой воздушной армии предназначался специальный истребительный

авиакорпус или дивизия, которые обеспечивались радиосредствами. Борьбу за господство в воздухе было приказано не ограничивать воздушными боями, а сочетать ее с ударами по аэродромам противника.

Эта директива легла в основу подготовки воздушных армий к Белорусской операции, к проведению которой привлекались силы четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских. Основная идея операции заключалась в том, чтобы фронтальными ударами прорвать оборону противника на шести направлениях, окружить и уничтожить его фланговые группировки под Витебском и Бобруйском, разгромить вражеские войска в районах Орши и Могилева, а в дальнейшем стремительным маневром войск 3-го и 1-го Белорусских фронтов в общем направлении на Минск окружить и уничтожить 4-ю немецкую армию. С мощными ударами четырех фронтов с востока должны были слиться активные действия партизан. В обсуждении плана наступательной операции вместе с другими известными военачальниками принимал участие главный маршал авиации А. А. Новиков¹.

Боевые действия ВВС должны были вылиться в мощное авиационное наступление, к участию в котором привлекались пять воздушных армий: 3-я (Н. Ф. Папивин), 1-я (Т. Т. Хрюкин), 4-я (К. А. Вершинин), 16-я (С. И. Руденко) и на втором этапе операции — 6-я воздушная армия (Ф. П. Полынин). Всего в этих армиях насчитывалось около 6 тысяч самолетов, в том числе более 1100 дневных и ночных бомбардировщиков и 2 тысячи штурмовиков. Помимо этого, к участию в операции привлекались восемь корпусов авиации дальнего действия, истребительная авиация Северного фронта ПВО².

Решением Ставки для координации усилий войск и авиации на 1-й и 2-й Белорусские фронты были направлены Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и главный маршал авиации А. А. Новиков. На 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты выехали Маршал Советского Союза А. М. Василевский и представитель Ставки по авиации генерал Ф. Я. Фалалеев. К 20 июня 1944 г. основная работа по планированию мощного наступления и подготовке частей и соединений к операции была завершена. Перед фронтовой авиацией и авиацией дальнего

¹ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. Т. 1. С. 306.

² См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 290—291,

действия стояли задачи прочно удерживать господство в воздухе, поддерживать войска фронтов при прорыве обороны противника, окружении и разгроме витебской и бобруйской группировок, а также при окружении и уничтожении основных сил группы армий «Центр» восточнее Минска, препятствовать подходу резервов противника к полю боя и дезорганизовать отход вражеских войск, непрерывно вести воздушную разведку.

При разработке плана с особой силой проявилось стратегическое мышление главного маршала авиации А. А. Новикова, его умение предвидеть ход событий, создать благоприятные условия для успешного проведения крупнейших наступательных операций Советских Вооруженных Сил. С завоеванием стратегического господства в воздухе воздушные операции по разгрому авиационных группировок противника уже не проводились. Однако битва в воздухе продолжалась. Действия авиационных частей и соединений сосредоточивались главным образом на поддержке и прикрытии наземных войск. Задача удержания господства в воздухе успешно решалась нанесением отдельных массированных ударов, проведением воздушных сражений и боев как в рамках фронтовых операций, так и самостоятельно.

Оперативно-тактическое использование авиации фронтов в Белорусской операции имело свои особенности. Учитывая, что 1-й Белорусский фронт наносил одновременно два удара (на рогачево-бобруйском и парическом направлениях), Новиков предложил разделить силы 16-й воздушной армии на две группы. В северную группу вошли 13, а в южную — 7 авиадивизий³. Соединения 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта также были разделены на две группы. На богушевском направлении должны были действовать 6, а на оршанском — 11 авиадивизий⁴. В 3-й и 4-й воздушных армиях все силы авиации планировалось использовать на направлениях главных ударов 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов.

По решению Ставки срок перехода в наступление 1-го Белорусского фронта был перенесен на сутки позже. Новиков предложил провести маневр силами авиации дальнего действия: первоначально сосредоточить их для под-

³ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 170.

⁴ Там же.

держки 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а затем переключить их в полосу действия войск 1-го Белорусского фронта.

Исходя из общего замысла операции, Новиков сосредоточил основные силы авиации РВГК в воздушных армиях 1-го и 3-го Белорусских фронтов, где находилось 70 процентов привлекаемых самолетов, в том числе все дневные бомбардировщики (три авиакорпуса и две отдельные дивизии)⁵. В их состав вошел и 19-й Краснознаменный Проскуровский истребительный авиационный полк (командир полковник П. Ф. Чупиков), непосредственно подчинявшийся командующему ВВС Красной Армии.

Прибыв в штаб 16-й воздушной армии 21 июня 1944 г., А. А. Новиков поинтересовался последними данными о воздушной обстановке.

— Инициатива в воздухе в наших руках, — доложил генерал С. И. Руденко. — Борьба за удержание господства в воздухе не прекращается ни на час.

— Как прошли учения бомбардировочных корпусов?

— Неплохо, — вступил в разговор главный штурман ВВС генерал Б. В. Стерлигов. — Однако в сборе и построении корпусов в воздухе больше минусов, чем плюсов. Напрасно тратится время, моторесурс, горючее.

— Массированные удары по наземным объектам, — заключил генерал Руденко, — выгоднее наносить силами дивизий и полков.

— Пусть будет так, — решил Новиков. — Едем к Жукову.

Маршал Жуков авиаторов встретил приветливо, ознакомил их с изменениями плана наступательной операции, которые были внесены за последнее время, потом спросил:

— Надеюсь, наша авиация будет господствовать в воздухе?

— Постараемся, товарищ маршал, — ответил Новиков. — Противник, по данным разведки, может выставить против нас чуть больше тысячи трехсот боевых самолетов. Мы же сосредоточили для операции до шести тысяч.

— Добро! — сказал Жуков.

⁵ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 168.

«Вместе с А. А. Новиковым, А. Е. Головановым, С. И. Руденко и К. А. Вершининым, — пишет в воспоминаниях Г. К. Жуков, — мы подробно обсудили обстановку, цели, задачи и планы применения воздушных армий и взаимодействие их с авиацией дальнего действия, удары которой нацеливались по штабам, узлам связи оперативных объединений, по резервам и другим важнейшим целям. Кроме того, были рассмотрены вопросы маневра авиации фронтов в общих интересах. Для поддержки действий 3-го Белорусского фронта в распоряжение А. М. Василевского было выделено около 350 тяжелых самолетов дальнего действия»⁶.

Начало наступления советских войск в Белоруссии совпало с третьей годовщиной войны. За это время Советский Союз, разгромив в ряде генеральных сражений фашистские войска, предрешил исход войны. Однако советские люди приветствовали открытие второго фронта, понимая, что это ускорит окончательный разгром фашизма.

Авиационная подготовка наступления в Белоруссии началась в ночь на 23 июня на участках 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов. Через сутки авиация дальнего действия нанесла мощные удары в полосу 1-го Белорусского фронта. Главный маршал авиации А. А. Новиков находился в 16-й воздушной армии, наблюдая ее удары. Все шло по плану. Первая серия бомб крупного калибра легла так точно, что маршал Жуков приказал выяснить: не слишком ли близко они рвутся от наших позиций. Новиков бросил тревожный взгляд на генералов Стерлигова и Скрипко. Те молча дали понять, что для беспокойства нет оснований. О том, что бомбы ложатся в расположении противника, скоро доложили и генерал А. В. Горбатов, командующий 3-й армией, наступающей на главном направлении, и командиры стрелковых дивизий, приготовившихся к атаке.

Умело действовали и ночные бомбардировщики воздушных армий. К утру Новиков уже знал, что в 4-й воздушной армии отличились женщины-летчицы 46-го гвардейского Таманского ночного бомбардировочного полка. Экипажи самолетов У-2 капитана С. Амосовой, старшего лейтенанта Л. Розановой, лейтенантов З. Парфеновой и

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 135—136.

Е. Рябовой за короткую летнюю ночь совершили по три-четыре вылета.

— Молодцы женщины! — похвалил летчиц командующий ВВС.

Всего за ночь на участке прорыва 1-го Белорусского фронта силами авиации дальнего действия и ночных бомбардировщиков 16-й воздушной армии было произведено 550 самолето-вылетов⁷. Однако с рассветом из-за плохой погоды полеты пришлось прекратить. Только к полудню, когда рассеялся туман, штурмовики начали действовать мелкими группами, потом к вылетам подключились и дневные бомбардировщики. Новиков радовался. И вдруг неприятная новость...

«В самый разгар боя в первый день операции, — вспоминает С. И. Руденко, — мне доложили, что наши штурмовики ударили по лесу, где находился... командующий фронтом. Он ехал с наблюдательного пункта, остановил машину в лесу и решил отдохнуть. Зашла шестерка штурмовиков и ударила. Весь автомобиль изрешечен, а Рокоссовский невредим.

Когда сообщили эту весть, у меня мороз пошел по коже. На запрос: «Чьи штурмовики?» — пришло разъяснение: 300-й дивизии. Оказалось, экипажи, ведомые штурманом 382-го полка Вяземским, потеряли ориентировку... и все же решили сбросить бомбы. Я дал команду немедленно отстранить все экипажи от полетов. Послали в дивизию группу офицеров для разбора происшествия.

Раздался телефонный звонок, и послышался голос Рокоссовского:

— Ты что там делаешь в трехсотой дивизии? Имей в виду: летчики пусть воюют. Накажи непосредственных виновников своей властью. Но жестокости проявлять не пужно.

Я уже говорил, что нет ничего страшнее на фронте, чем удар по своим. А тут произошло из ряда вон выходящее событие. Наши офицеры еще раз проверили готовность экипажей, и я разрешил им летать за линию фронта. Впоследствии дивизия хорошо проявила себя в боях, доблестно действовала до конца войны, участвовала в Берлинской операции.

Когда мы встретились с Рокоссовским, он спросил:

⁷ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 296.

— Что предпринял?

— Все летчики, кроме провинившихся, продолжают боевую работу, — ответил я. — Результаты расследования представлены на ваше усмотрение.

— Пусть воюют все, никого не наказывай, — подытожил разговор командующий фронтом»⁸.

Летчики, виновные в случившемся, отделались, что называется, легким испугом. Но весть о чрезвычайном происшествии дошла до Ставки. Об этом Новиков узнал от Жукова. Разговор происходил в присутствии Рокоссовского.

«— Сталин возмущен, — сказал Георгий Константинович. — Ставит вопрос об отстранении Руденко от должности.

— Сергей Игнатьевич не виноват, — заступился за командарма Новиков. — Накажем командование полка, дивизии.

— Я уже принял решение — никаких наказаний, — напомнил Рокоссовский.

Все замолчали.

— Менять командующего воздушной армией в начале операции...

Жуков остановил Новикова властным движением руки.

— Звоните Сталину, — сказал он. — Так и доложите: в данный момент отстранять Руденко от должности нецелесообразно. А там видно будет.

Гроза, нависшая над головой командующего 16-й воздушной армией, прошла стороной. Белорусская операция продолжалась»⁹.

Первый день наступления на рогачевском направлении желаемого результата не дал. Было решено изменить направление главного удара, который наносил 9-й танковый корпус.

— На этом участке, — сказал Жуков Новикову и Руденко, — нашей артиллерии практически нет. Все должны решить бомбардировщики и штурмовики.

Изменение обстановки не застало врасплох ни командующего 16-й воздушной армией, ни представителя Ставки по авиации. Для поддержки танкистов выделили три авиакорпуса: 3-й бомбардировочный генерала А. З. Каравачко, 4-й штурмовой генерала Г. Ф. Байдукова и

⁸ Руденко С. И. Крылья Победы. С. 213—214.

⁹ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

6-й истребительный генерала И. М. Дзусова. В назначенный срок авиация нанесла мощный массированный удар. Танкисты при непрерывной поддержке с воздуха прорвали вражескую оборону у реки Друть и устремились вперед вслед за авиационным огненным валом. Это был классический пример авиационного наступления. В ночь на 26 июня враг начал отвод своих войск за Березину.

25 и 26 июня тактическая оборона противника оказалась прорванной на всех направлениях. В прорывы были введены подвижные группы, поддержка и прикрытие которых стали главной задачей авиации. Вот когда пригодились плановые таблицы взаимодействия, умение Новикова предвидеть ход событий. Штурмовые авиасоединения по вызовам авиационных представителей с передовых пунктов управления, находившихся в боевых порядках танковых и механизированных корпусов, непрерывно эскадрильями и звеньями наносили удары по войскам и технике противника. Истребители надежно прикрывали наземные войска. Бомбардировочные корпуса использовались как мощный огневой резерв, предназначавшийся для ударов по наиболее важным объектам в полосе наступления войск фронта.

В первые два дня наступления фашистские самолеты редко появлялись в воздухе. Активность авиации противника повысилась в период боев за города Орша и Бобруйск. Главный маршал авиации Новиков немедленно отдал распоряжение командующим воздушными армиями организовать налеты на аэродромы противника. Особенно эффективным был удар 6-й гвардейской бомбардировочной авиадивизии, о чем говорит отчет штаба 51-й немецкой истребительной эскадры «Мельдерс»: «...25.6.44 аэродром Орша был подвергнут сильной бомбардировке. Несмотря на предупреждение о появлении самолетов противника, ни одна машина не смогла подняться в воздух. Летчики находились далеко от машин и прибежали уже в то время, когда бомбардировщики были над аэродромом. Командный пункт эскадры в результате прямого попадания сгорел и управление частями на некоторое время было потеряно»¹⁰.

Когда войска 1-го Белорусского фронта окружили в районе юго-восточнее Бобруйска войска 35-го немецкого

¹⁰ Цит. по: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 299.

армейского корпуса, стало известно, что эта группировка готовится к прорыву, стягивая танки, артиллерию и автомашины на дорогу Жлобин — Титовка. Жуков, Новиков и Рокоссовский находились на КП командующего 65-й армией Батова. При обсуждении создавшегося положения Новиков предложил нанести массированный удар с воздуха и сорвать таким образом намерение противника. Жуков согласился с его предложением и приказал действовать немедленно. В считанные минуты в воздух было поднято более 500 самолетов. Почти два часа продолжался массированный удар, оказавшийся исключительно удачным. 150 танков, 6 тысяч автомашин и много артиллерии было уничтожено и выведено из строя в районе окруженной группировки противника под Бобруйском¹¹. Успешно действовала авиация и в полосе 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

Разгром противника на оршанском и могилевском направлениях, окружение и начало ликвидации крупных группировок в районах Витебска и Бобруйска привели войска вражеской группы армий «Центр» на грань катастрофы. Главной задачей фронтовой авиации уже с 26 июня стало уничтожение отступающих войск противника, что было предусмотрено в планах всех фронтов. Но не обошлось без дополнительных вводных. 27 июня Новиков получил донесение от генерала К. А. Вершинина. «Авиация 4-й воздушной армии, — сообщал он, — применяется для непосредственной помощи войскам. Все идет нормально. Войска и Военный совет довольны. Кроме хороших отзывов и благодарностей, ничего не было. Но, товарищ главный маршал, душа болит — немцы удирают сплошными колоннами, создаются пробки и скопления, а как следует бить нечем. Такие цели были только в Крыму, но там немцы совсем не сопротивлялись, поэтому авиацию всю целиком можно было использовать по колоннам. Если можно, прошу от соседних воздушных армий гг. Руденко и Хрюкина привлечь часть сил для уничтожения этих колонн...»¹²

Прочитав телеграмму, Новиков приказал генералу Руденко перенацелить часть бомбардировщиков и штурмовиков на уничтожение противника в полосе 2-го Белорусского фронта. Одновременно он дал высокую оцен-

¹¹ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 173.

¹² Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 303.

ку действиям авиаторов 16-й воздушной армии. В телеграмме, адресованной им, он отметил, что авиачасти отлично выполнили поставленную задачу¹³.

Силу массированных ударов советской авиации привалши и гитлеровцы. Бывший командующий 4-й армией генерал К. Типпельскирх вспоминал: «Бесконечный поток тяжелой артиллерийской техники, зенитных батарей и всевозможных машин с огромными усилиями передвигался по давно уже выбитой, но единственно возможной для отступления дороге, пересекавшей у Березино р. Березину. Непрерывные палеты авиации противника причиняли тяжелые потери (в частности, погибли два командира корпуса и один командир дивизии), а также вызывали бесконечные заторы среди отступавших колонн. Русские штурмовики то и дело разрушали мост у Березино, после чего на восточном берегу всякий раз образовывались огромные скопления машин...»¹⁴

28 июня Ставка уточнила дальнейшие задачи войск фронтов. 1-му Прибалтийскому было приказано освободить Полоцк и наступать на Глубокое, 3-му и 2-му Белорусским — освободить столицу Белоруссии — Минск, 1-му Белорусскому — наступать основными силами на слувцо-барановичском направлении, а частью сил развивать удар на Минск, охватывая его с юга и юго-запада. Замысел Ставки вытекал из общего плана операции, который преследовал цель окружения и полного разгрома всех войск группы армий «Центр»¹⁵.

— Силы и группировка наших войск, — сказал Жуков на совещании, — в полной мере соответствуют поставленным задачам. Необходимо согласовать дальнейшее взаимодействие авиации 2-го и 3-го Белорусских фронтов, организовать параллельное преследование противника.

— Штабы воздушных армий уже получили задачу, — ответил Новиков. — Кроме того, по итогам разгрома немцев под Бобруйском я послал командующим воздушными армиями телеграммы, летчикам шестнадцатой объявил благодарность.

— Это надо сделать традицией, — кивнул маршал. —

¹³ См.: 16-я воздушная. М., 1973. С. 177.

¹⁴ Типпельскирх К. История второй мировой войны С. 448.

¹⁵ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 141.

Для поощрения отличившихся необходимо использовать все формы.

В телеграмме, о которой упомянул Новиков, говорилось: «Нашими войсками в результате наступления юго-восточнее Бобруйска была окружена большая группировка противника, состоящая из остатков 7 пехотных и 1 танковой дивизий... Для того чтобы разгромить противника и принудить его к сдаче, 27.6.44 г. в период 19.15—21.00 16 ВА в количестве 523 самолетов был нанесен массированный бомбово-штурмовой удар по окруженной группировке противника юго-восточнее Бобруйска. В результате успешно проведенного авиационного удара окруженная группировка противника была разбита, а ее остатки в ночь на 28.6.44 г. были пленены паземными войсками.

Таким образом, авиационные части свою задачу выполнили отлично, за что всему личному составу, принимавшему участие в массированном ударе — летчикам, штурманам, стрелкам-радистам, — объявляю благодарность. Телеграмму довести до всего личного состава авиачастей 16 ВА. Новиков»¹⁶.

События развивались стремительно. Назревало полное окружение всей 4-й немецкой армии. Что предпримет в этот решающий момент немецкое главное командование? Этот вопрос не раз и не два обсуждали представители Ставки с командующими фронтами.

— Воздушная разведка, — докладывал Новиков, — ничего, кроме незначительного усиления особо опасных для немцев направлений, не обнаружила. Гитлеровцы по-прежнему пытаются оказывать сопротивление.

— Странно, — засомневался Жуков. — Неужели они не видят, что сами себя обрекают на катастрофу? Воздушную разведку не прекращать ни на минуту.

После войны Жуков писал: «Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, удивлялись их грубоошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в

¹⁶ Руденко С. И. Крылья Победы. С. 221.

втяжные фронтальные сражения восточнее и северовосточнее Минска»¹⁷.

Утром 29 июня летчики 3-го бомбардировочного авиакорпуса разрушили мост через Березину. Удар по переправе с пикирования нанесла эскадрилья самолетов Пе-2 во главе с капитаном Р. С. Сулеймановым. Штурманом у него был старший лейтенант П. А. Козленко. Ведомые экипажи атаковали войска и технику противника, скопившиеся на берегу реки. Непрерывными налетами пикировщики и штурмовики не позволили гитлеровцам восстанавливать мост и продолжали уничтожать врага. К вечеру, когда Бобруйск был полностью освобожден, Новиков и Руденко решили проверить результаты боевой работы авиации. На выходе с командного пункта они встретили почтальона со свежими газетами.

— Интересно,— проговорил Руденко, — что-нибудь есть о Почетных грамотах президента Рузвельта?

— Так по радио же сообщали,— ответил Новиков.

— Одно дело по радио, а другое — в газете.

Речь шла о Почетных грамотах президента США Франклина Рузвельта, которые вручил Советскому правительству чрезвычайный и полномочный посол А. Гарриман для передачи их городам Ленинграду и Сталинграду в ознаменование их героической обороны.

И вдруг Новиков остановился.

— Открой американцы и англичане второй фронт в сорок втором,— сказал он,— все могло бы сложиться иначе. Сколько мы людей потеряли!

В Бобруйске они прежде всего заехали в крепость, расположенную у моста через Березину, где увидели множество пленных. При появлении советских генералов гитлеровцы встали и вытянулись.

— Крепко же их вымуштровали,— сказал Руденко.

— Им повезло,— задумчиво ответил Новиков.— Они отоеввались.

Вечером Александр Александрович, вспомнив разговор об открытии второго фронта и грамотах президента США, вновь стал анализировать причины срыва «челночных» операций. Почему так случилось? Кто виноват? В середине мая, еще до вылета в Ленинград, генерал Никитин докладывал, что в Полтаве побывал заместитель командующего ВВС США на Европейском

¹⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 141.

театре генерал Ф. Андерсон с группой офицеров, в числе которых был капитан Эллиот Рузвельт — сын президента США. Американцы дали положительную оценку подготовке базы. Хорошо прошли и первые «челночные» операции 2 и 11 июня. Об этом Никитин сообщил ему в Ленинград, а весть о трагическом происшествии в ночь на 22 июня пришла уже сюда, в Белоруссию. Гитлеровцы выследили место посадки американцев и ударили по аэродромам Полтавы и Миргорода ночью. Уничтожено и повреждено 44 американских и 15 советских самолетов. Да, виновато американское командование — отклонило предложение о перебазировании самолетов на другие аэродромы, но от этого не легче. В Ставке очень недовольны случившимся. Надо срочно усилить ПВО Полтавского узла. Отдав необходимые распоряжения, Новиков вернулся к делам Белорусской операции.

Забегаая вперед, отметим, что со 2 июня по 19 сентября 1944 г. на советских аэродромах было обслужено 1030 американских самолетов, которые совершили 2207 боевых вылетов. Для ударов по 13 крупным объектам противника израсходовано 1955 тонн бомб¹⁸.

По мере развития наступления в Белоруссии главный маршал авиации Новиков и генерал Фалалеев, находившийся на 1-м Прибалтийском фронте, внимательно следили за перебазированием авиационных полков на аэродромы, оставленные противником, требуя, чтобы в первую очередь туда направлялись истребительные и штурмовые авиасоединения, поддерживавшие танковые корпуса и конно-механизированные группы. Такой маневр авиации был предусмотрен при подготовке операции. В состав подвижных соединений воздушных армий было включено несколько батальонов аэродромного обслуживания, личный состав которых прошел специальную подготовку. Каждая из колонн имела запас бензина, масла, продовольствия, оборудования — все необходимое для обслуживания авиационного полка. Одновременно с ними шли саперные команды для разминирования захваченных взлетных полос.

Однако этого оказалось недостаточно. По приказу главного маршала авиации Новикова с началом преследования отступающего врага была организована специальная разведка аэродромов, налажено их освоение в

¹⁸ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1978. Т. 9. С. 511—512.

соответствии с потребностью того или иного соединения. При этом соединения перемещались не одновременно, а как бы перекатами. Например, только в 16-й воздушной армии в июле до шести раз перебазировались соединения штурмовой авиации, по семь-восемь раз — истребителей, по три-четыре раза — дневных бомбардировщиков. Однако непрерывность авиационного наступления не нарушалась.

Внимательно следил Новиков за авиационным обеспечением подвижных танковых и конно-механизированных групп, которые, рассекая группировки противника, вырвались далеко вперед. Примечательна в этом отношении организация крупной воздушной базы 16-й воздушной армии в тылу противника за 80 километров от линии фронта. Идею подал командир 299-й штурмовой дивизии полковник И. В. Крупский, находившийся в боевых порядках конно-механизированной группы.

— Аэродром Пастовичи, — доложил он Руденко, — покинут фашистской авиацией. Оттуда можно поддерживать и первый танковый корпус, и конно-механизированную группу.

Руденко послал в Пастовичи воздушных разведчиков. Предположения комдива подтвердились. Летное поле не заминировано, посадка самолетов возможна, о чем было доложено командующему ВВС. Руденко просил разрешения слетать лично на новый аэродром.

— Не возражаю, — ответил Новиков, — но будьте осторожны. Полеты организуйте только днем. На ночь экипажи пусть возвращаются на старые базы. Для переброски всего необходимого выделяю полк транспортных Ли-2. Думаю, за два-три рейса они доставят горючее, боеприпасы и другие средства обеспечения. Об истребительном прикрытии не напоминаю, оно само собой разумеется.

Через сутки воздушная база в тылу врага начала действовать. Штурмовики, надежно прикрытые истребителями, работали, по выражению командира 9-го танкового корпуса генерала Бахарева, «прямо перед тапками».

На Минск одновременно наступали войска всех трех Белорусских фронтов. С юга завершали окружение вражеской группировки 1-й и 9-й танковые корпуса, а западнее — конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева. Снабжение этой группы всем необходимым для жизни и боя оставалось одной из забот пред-

ставителя Ставки по авиации. В основном этим занимались экипажи 271-й Сталинградской авиационной дивизии, но приходилось привлекать и транспортные самолеты.

К именам героев, отличившихся в небе Сталинграда и Кубани, над Курской дугой и под Ленинградом, добавлялись новые. Прикрывая бомбардировщиков, смело вступили в бой с «фокке-вульфами» старший лейтенант В. П. Алексеев с ведомым младшим лейтенантом В. Д. Березиным. Меткими очередями первый из них сбил вражеский самолет, а второй — два. В ходе поединка Березин был ранен в голову и руку. Но когда фашист бросился преследовать его подбитую машину, Березин убрал газ. Гитлеровец проскочил вперед, и советский летчик сбил его, а сам приземлился на бывшем партизанском аэродроме. Узнав о подвиге молодого пилота, Новиков приказал представить его к награде.

Под личным контролем Новиков держал организацию помощи 1-му гвардейскому танковому корпусу генерала М. Ф. Панова, который вел упорные бои у реки Свислочь с двумя пехотными и танковой дивизиями, перебросенными сюда из Прибалтики.

— Штурмовиков, штурмовиков высылайте туда, — говорил он Руденко.

Через два дня оборона врага была прорвана, но Папов забил тревогу: в танках пустые баки. Пришлось бросить на помощь транспортную авиацию. Основная нагрузка снова, как и при снабжении конно-механизированной группы Плиева, легла на экипажи У-2. Темп наступления корпуса сохранился.

По данным белорусских партизан, действовавших в районе Минска, советскому командованию стало известно, что сохранившиеся в Минске здание ЦК Коммунистической партии Белоруссии, Дом правительства и окружной Дом офицеров мипируются и готовятся к взрыву. Чтобы спасти эти важные объекты, решено было ускорить движение на Минск танковых частей и послать вместе с ними отряды разминирования.

— Танкистам, — говорил Жуков Новикову, — надо расчистить путь так, чтобы они прорвались в город, не ввязываясь в бой на подступах. Но не забывайте об отступающих колоннах и об окруженных группировках.

Новая задача была блестяще выполнена. 3 июля части 1-го гвардейского и 9-го танковых корпусов 1-го Белорусского фронта вступили на юго-восточную окраину

ну Минска, а части 5-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского танкового корпуса 3-го Белорусского фронта вошли в город с востока и севера. Столица Белоруссии была очищена от врага, а здания разминированы. Успех в наступательной операции был достигнут за счет согласованных действий танкистов, охватывавших крупную группировку гитлеровцев восточнее Минска, стрелковых соединений, действовавших с фронта, фронтовой авиации и авиации дальнего действия, воспрепятствовавших отходу 4-й немецкой армии.

После освобождения Минска создалась сложная ситуация. Восточнее и юго-восточнее города была окружена более чем сотысячная группировка немецко-фашистских войск. Однако Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая, что на западном направлении образовалась брешь, приказала продолжать наступление. Ликвидация группировок врага возлагалась на часть сил 3-го и 2-го Белорусских фронтов.

Разнообразие задач авиации выросло многократно. И все они были важными, требовали немедленного решения. Особое значение приобрела воздушная разведка. Лесисто-болотистая местность и облегчала и затрудняла ее ведение. Ведь отступающие колонны врага и советские наступающие части в основном двигались по дорогам, но они могли быстро маскироваться под кронами деревьев. Главный маршал авиации Новиков отдал приказ выделить для ведения непрерывной воздушной разведки наиболее подготовленные экипажи на истребителях, штурмовиках, а в ряде случаев, особенно при поисках окруженных группировок, на самолетах У-2. Сведения, полученные по радио от воздушных разведчиков, использовались в интересах наземных войск, а также для ударов по врагу с воздуха.

Сохранился документ, свидетельствующий об исключительной эффективности одного из ударов штурмовиков, подписанный секретарем ЦК Коммунистической партии Белоруссии П. К. Пономаренко и адресованный Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому: «На днях мы осмотрели в лесах юго-восточнее Минска огромный укрепленный лагерь немцев, полностью уничтоженный нашей штурмовой авиацией. Этот район производит потрясающее впечатление по масштабам разгрома и демонстрации мощи нашего воздушного флота. Одна из немецких групп, получив сведения о взятии Минска, построила укрепленный район, в котором засело более

11 тысяч немцев, несколько сот танков, много орудий, более 5000 бронемашин. Обнаружила эту группировку наша 14-я штурмовая Сталинградская Краснознаменная дивизия. В лагере на месте осмотра лежало 5 тысяч трупов немецких солдат и офицеров и более 5 тысяч сожженных различных машин, большое количество уничтоженных боеприпасов. Доводя до Вашего сведения, просим отметить соответствующим образом 14-ю Сталинградскую Краснознаменную дивизию штурмовой авиации, ее командиров и летный состав»¹⁹. На основании этого донесения командир дивизии Герой Советского Союза полковник С. Д. Прутков и многие летчики были награждены орденами.

Так закончился первый этап операции «Багратион». За период с 23 июня по 4 июля четыре воздушные армии и авиация дальнего действия совершили более 55 тысяч самолетов-вылетов. Прочно удерживая господство в воздухе, они уничтожили до 300 немецких самолетов²⁰. Именно в эти дни стало известно о награждении второй медалью «Золотая Звезда» летчиков Героев Советского Союза старшего лейтенанта Н. Д. Гулаева, капитана П. М. Камозина, гвардии майора В. Д. Лавриненкова, капитана С. Д. Луганского и гвардии капитана Г. А. Речкалова. Главный маршал авиации А. А. Новиков каждого из них знал лично, наблюдал за их воздушными боями, подписывал наградные документы. В день объявления Указа Президиума Верховного Совета СССР он направил персональные поздравительные телеграммы всем награжденным.

Еще в начале июля передовые эшелоны 1-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов продвинулись вперед и завязали бои в районе Вильнюс, Барановичи, Пинск. Боевые действия авиации велись в трудных условиях аэродромного базирования и материального обеспечения. Всего этого невозможно было предусмотреть перед началом операции. Авиачасти порой не успевали своевременно перебазироваться вслед за сухопутными войсками. На некоторых аэродромах одновременно находилось по несколько авиаполков. Среднее удаление аэродромов штурмовиков и истребителей от линии фронта к началу второй половины июля состав-

¹⁹ Цит. по: Пономарев А. Н. Конструктор С. В. Ильюшин. М., 1988. С. 304—305.

²⁰ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 305—306.

ляло 180—200 км, что заметно ограничивало боевые возможности авиации.

Учитывая это, главный маршал авиации Новиков и генерал Фалалеев обратились в Ставку с предложением использовать для транспортировки материальных средств в танковые корпуса и конно-механизированные группы не только транспортные части ГВФ и воздушных армий, но и авиакорпуса дальнего действия. Ставка приняла это предложение. Силами авиации было доставлено по воздуху танковым армиям, корпусам и конно-механизированным группам 1182 тонны горючего, 1240 тонн боеприпасов и около 1000 тонн технического имущества и запасных частей для танков²¹.

Однако воздушные перевозки не снимали с авиации дальнего действия задачу борьбы с подходящими резервами противника. Почти каждую ночь дальние бомбардировщики наносили удары по наиболее важным целям. И все-таки эти действия были сравнительно ограниченными, не позволили нанести большие потери и сорвать выдвижение вражеских соединений из глубины обороны. Темпы наступления советских войск постепенно снизились.

Чтобы обеспечить развитие наступления на большую глубину, Новиков и Фалалеев гибко маневрировали силами авиации по фронту. Зачастую часть сил одной воздушной армии использовалась для помощи другой, практиковалась передача некоторых авиасоединений с фронта на фронт. Части и соединения, базировавшиеся вблизи передовой, действовали с повышенным напряжением, особенно при форсировании своими войсками водных преград, отражении контрударов противника и овладении крупными населенными пунктами. Например, передача 1-му Прибалтийскому фронту части сил 1-й воздушной армии, на чем настоял генерал Фалалеев, заметно усилила действия авиации при прорыве обороны врага западнее Даугавпилса, а затем — при отражении контрударов противника в районах Шяуляя и Кемери.

В составе 303-й истребительной авиадивизии 1-й воздушной армии сражались летчики 1-го французского отдельного истребительного авиаполка «Нормандия». За участие в боях на территории Белоруссии и Литвы и на реке Неман полку было присвоено почетное наименование «Неманский», а личному составу объявлена

²¹ См.: Тимохович И. В. В небе войны. С. 159.

благодарность. Президиум Верховного Совета СССР наградила полк орденом Красного Знамени, 42 летчика получили боевые ордена, а старшие лейтенанты Марсель Альбер и Ролланд де-ля-Пуап были удостоены звания Героя Советского Союза²².

Отличились в Белорусской операции и летчики 19-го авиаполка РВГК, который непосредственно подчинялся командующему ВВС. Они выполняли наиболее сложные задания. Командир этого полка полковник П. Ф. Чупиков был удостоен звания Героя Советского Союза.

На втором этапе операции армии 1-го Белорусского фронта получили задачу овладеть городами Барановичи, Лунинец, выйти на рубеж Слоним, Пинск, в дальнейшем освободить Брест и захватить плацдарм на правом берегу реки Западный Буг. Авиационное наступление продолжалось. Новиков внимательно следил за его развитием и массированным применением авиации.

В середине июля из штаба 28-й армии поступил отзыв о работе авиаторов. «2-я гвардейская штурмовая Черниговско-Речицкая Краснознаменная, ордена Суворова дивизия,— говорилось в нем,— в период с 4.7.44 г. по 15.7.44 г. произвела 320 самолето-вылетов на штурмовку и 40 самолето-вылетов на разведку. Бомбардировочно-штурмовыми ударами уничтожено много танков, бронемашин, артиллерии на огневых позициях, автотранспорта и пехоты противника...

Боевые действия экипажей штурмовиков и их взаимодействие с наземными войсками было организовано хорошо»²³.

Последняя фраза особенно обрадовала Новикова. То, чего он настойчиво добивался еще в ходе советско-финляндской войны, прочно вошло в боевую практику, стало неотъемлемой частью авиационного наступления.

Полководческое дарование Новикова с особой силой проявилось в июльские дни сорок четвертого года. В разгар наступления в Белоруссии он принимал активное участие в разработке плана Львовско-Сандомирской наступательной операции, координировал боевые действия нескольких воздушных армий, распределял авиационные резервы исходя из планов стратегических операций, разработанных Генеральным штабом по указанию Ставки.

²² См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 308.

²³ Цит. по: Руденко С. И. Крылья Победы. С. 233—234.

1-й Украинский фронт наступал на львовском и рава-русском направлениях, на каждом из которых было создано управление авиацией. Рава-русскую группу, состоявшую из 1200 боевых самолетов, возглавил заместитель командующего воздушной армией С. В. Слюсарев, а львовскую, состоявшую из 1400 боевых самолетов, — С. А. Красовский. Новинкой было то, что командующий воздушной армией при помощи Новикова добился создания авиационного резерва, состоявшего из трех авиационных дивизий, имевших 400 истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Широко использовалась для обмана противника разветвленная сеть ложных аэродромов.

Наступление на рава-русском и львовском направлениях осуществлялось при мощной поддержке авиации. 2-я воздушная армия с 16 по 18 июля совершила более 4500 самолето-вылетов²⁴. К исходу 18 июля войска 1-го Украинского фронта добились крупного оперативного успеха. На обоих направлениях они прорвали оборону на фронте 200 километров, продвинулись на глубину 25—30 километров.

Когда войска 1-го Белорусского фронта вышли к Пружанам, к боевым действиям на левом крыле фронта подключилась 6-я воздушная армия под командованием генерала Ф. П. Полынина. Усиленная авиасоединениями РВГК, она насчитывала около 1500 самолетов. Забот у Новикова прибавилось. Начавшаяся Люблин-Брестская наступательная операция имела целью разгром многотысячной группировки врага и выход широким фронтом на Вислу с захватом плацдарма на ее западном берегу. Она началась в ночь на 18 июля налетом дальних бомбардировщиков на основные опорные пункты вражеской обороны. Утром перед атакой над полем боя появились группы пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков. Снарядами и бомбами они обрабатывали позиции противника около полутора часов. Когда наземные войска пошли вперед, самолеты, накатываясь волнами, непрерывно висели над врагом. Мощные удары с воздуха способствовали успеху. Советские передовые части овладели Люблином, освободили Брест и форсировали Западный Буг на широком фронте. К началу августа операция «Багратион» вступила в заключительную фазу.

²⁴ См.: Советская Военная Энциклопедия. Т. 5. С. 45.

Когда была форсирована Висла и захвачены плацдармы, сопротивление гитлеровцев резко возросло. Противник принимал чрезвычайные меры, чтобы сбросить советские части в реку, подтягивал танки, пехоту и артиллерию. Обострилась и воздушная обстановка. Главной заботой представителя Ставки и командующих воздушными армиями в этот период стало перебазирование авиачастей и соединений ближе к фронту, обеспечение их всем необходимым. Растянутость коммуникаций, трудности доставки горючего, боеприпасов, запасных частей, нехватка автотранспорта затрудняли решение этой задачи. Требовали внимания и другие воздушные армии, поддерживающие наступающие фронты от Балтийского моря до Карпат. С помощью находившихся с ним генералов и офицеров Новиков постоянно держал руку на пульсе всех Военно-воздушных сил, вносил необходимые коррективы.

На завершающем этапе Белорусской операции на фронт прибыли польские летчики, прошедшие специальную подготовку на советских самолетах. Главный маршал авиации Новиков приказал направить их в 16-ю воздушную армию. «14 августа, — вспоминает маршал авиации С. И. Руденко, — к нам на фронт прибыли 1-й истребительный авиаполк «Варшава» и 2-й ночной бомбардировочный «Краков». Первые боевые вылеты польские летчики совершали вместе со своими более опытными советскими коллегами. В последующем они начали выполнять задачи самостоятельно... Правда, на первых порах им не хватало боевого опыта, но зато отваги, горячего стремления идти в бой против фашистских захватчиков у них было хоть отбавляй»²⁵.

Новиков и в последующем уделял большое внимание формированию польских авиачастей. К концу 1944 г. была сформирована 4-я польская смешанная авиационная дивизия, а в начале 1945 г. 1-й смешанный авиационный корпус.

В конце июля внимание Александра Александровича Новикова было направлено на организацию взаимодействия между 16-й и 2-й воздушными армиями. 27 июля Ставка приказала войскам левого крыла 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов продолжать преследование отходящего противника, форсировать Вислу и захватить плацдармы. Левым крылом 1-й Украинский

²⁵ Руденко С. И. Крылья Победы. С. 247.

фронт должен был наступать на Ужгород и Мукачево. 30 июля Ставка в связи с новой обстановкой приняла решение образовать из войск левого крыла 1-го Украинского фронта 4-й Украинский фронт. В его состав вошла 8-я воздушная армия во главе с генералом В. Н. Ждановым. По предложению главного маршала авиации Новикова она была значительно усилена, получив из 2-й воздушной армии штурмовой и истребительный авиакорпуса, бомбардировочную дивизию и части двух районов аэродромного базирования.

Белорусская и Львовско-Сандомирская наступательные операции, в авиационное обеспечение которых так много внес главный маршал авиации А. А. Новиков, триумфально закончились 29 августа 1944 г. Грандиозную битву на главном направлении советско-германского фронта выиграли Советские Вооруженные Силы. Они освободили Белоруссию, свыше 3/4 территории Литвы, часть Латвии, еще больше приблизили окончательное очищение от врагов Украины. Началось изгнание оккупантов из Польши. Государственная граница СССР была восстановлена на протяжении свыше 950 км. На нее вышли 23 общевойсковые, 5 танковых и 5 воздушных армий. «Над Германией нависла тень катастрофы», — писала газета «Санди Экспресс»²⁶.

Такого размаха боевых действий не было ни в одной из предшествовавших операций, что признали даже гитлеровские генералы. В сборнике статей «Мировая война. 1939—1945 годы» отмечается, что «зимой 1941 года немецкой бомбардировочной авиации был нанесен первый сокрушительный удар, а в 1944 году ее окончательно загубили в России». При этом указывается, что в период с 1 июля по 31 августа 1944 года авиация Германии потеряла 11 074 самолета, в том числе 1874 бомбардировщика, 1345 штурмовиков и 7855 истребителей²⁷.

В неопубликованном архиве главного маршала авиации Новикова сохранились записи, в которых он сделал для себя выводы после завершения этого сражения. «Опыт, — пишет он, — показал, что в глубокой операции нельзя ослаблять борьбу с авиацией противника, и особенно при форсировании крупных водных преград и отражении контрударов противника.

²⁶ См.: Великая Отечественная война 1941—1945: Краткая история. С. 323—329.

²⁷ См.: Мировая война. 1939—1945 годы. С. 516.

Своевременное перебазирование авиачастей вслед за наступающими войсками, маневр усилиями авиации и взаимодействие между соседними воздушными армиями обеспечивали успешную борьбу с авиацией противника и создавали благоприятные условия для наступающих войск.

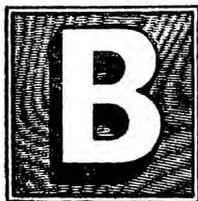
Авиационная поддержка танковых, механизированных и кавалерийских соединений выполнялась главными силами воздушных армий, а непрерывное нахождение оперативных групп на КП танковых соединений, своевременный вызов групп штурмовиков, периодическое усиление авиации за счет соединений соседних фронтов давали положительные результаты, особенно при форсировании рек и во время встречных боев.

Действия по резервам противника в связи с отставанием базирования фронтовой авиации выполнялись силами дальней авиации. Удары ДА по большому количеству объектов на широком фронте не могли сорвать маневр резервами, и особенно в ходе преследования, что сдерживало темпы наступления наших войск.

В итоге Белорусской операции советские ВВС внесли большой вклад в дело победы над врагом. Этот опыт был широко использован в последующих наступательных операциях Великой Отечественной войны»²⁸. Главный маршал авиации А. А. Новиков был награжден еще одним орденом Суворова I степени.

²⁸ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ

завершающий период Великой Отечественной войны советские Военно-воздушные силы вступили оснащенными новейшей техникой, имея накопленный боевой опыт и испытанные, закаленные в боях кадры. К началу 1945 г. в ВВС были в совершенстве освоены формы оперативного применения крупных авиационных объединений, а также способы действий всех видов и родов авиации в самостоятельных воздушных операциях и при совместных действиях с сухопутными войсками при решении оперативно-стратегических задач. С середины 1943 г. советские ВВС прочно удерживали стратегическую инициативу и господство в воздухе на всем советско-германском фронте.

Новикова радовало, что авиационная промышленность быстро наращивала выпуск техники, нужной фронту. Если в 1943 г. она произвела 34 900 самолетов, то в 1944-м — уже 40 300. К началу 1945 г. у советской авиации на вооружении было 15 815 боевых машин¹. Неуклонно совершенствовались тактико-технические данные самолетов. Поступивший на вооружение истребитель Ла-7, вооруженный тремя пушками калибра 20 миллиметров и обладавший скоростью 680 километров в час, превосходил все основные модификации гитлеровских истребителей. Высокие боевые качества имели истребители Як-3 и Як-9, штурмовик Ил-10, бомбардировщик Ту-2. Благодаря хорошей технологической продуманности модернизация боевых машин удавалось осуществлять,

¹ См.: Яковлев А. С. Цель жизни. С. 411—412.

как правило, без потерь для количественного выпуска самолетов.

Вопросы дальнейшего совершенствования и создания новой авиационной техники всегда были в центре внимания Новикова. Он регулярно встречался с работниками Наркомата авиационной промышленности, ведущими конструкторами самолетов, двигателей и вооружения, интересовался новыми разработками ученых. После обсуждения в узком кругу эти вопросы выносились на Военный совет ВВС. Например, 7 февраля 1944 г. был обсужден ход работ по созданию новой авиационной техники и принято решение о предоставлении Наркомату обороны СССР плана опытного строительства самолетов и вооружения на 1944—1945 годы.

В обсуждении вопросов повышения качества выпускаемой авиационной техники принимали участие нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, его заместители П. А. Воронин, А. С. Яковлев, конструкторы самолетов, двигателей, вооружения, приборного оборудования, начальник Главного управления боевой подготовки фронтовой авиации М. М. Громов. В принятых постановлениях Военный совет обращал внимание руководителей соответствующих организаций на улучшение качества выпускаемой авиационной техники, устранение всех дефектов на самолетах до отправки на фронт.

Весной 1944 г. Новикову доложили, что в Германии в числе опытных самолетов, находящихся в различной стадии производства, имеются реактивные, что гитлеровцы форсируют выпуск этих машин.

— Какие из них близки к серийному производству? — спросил он специалистов.

— Истребители Me-262 и He-162, — ответили ему. — Но оба истребителя очень сложны в управлении, слишком тяжелы для своего класса машин, маломаневренны и по продолжительности полета много уступают обычным истребителям.

— А что нового у наших конструкторов?

— Ведутся испытания дополнительных силовых установок: у Лавочкина — на Ла-7, у Мясищева — на Пе-2. Яковлев пытается установить жидкостный реактивный двигатель на Як-3, Микоян с Гуревичем проектируют истребитель с двумя реактивными двигателями...

История использования жидкостных реактивных и прямоточных воздушно-реактивных двигателей в качестве ускорителей на истребителях и бомбардировщиках ис-

следована мало. А между тем роль Новикова в создании самолета-снаряда 10Х (десятая модификация неизвестного оружия) была очень велика. Все началось во второй половине 1942 г., когда прошли первые испытания воздушно-реактивного двигателя нового типа, где система всасывания и выхлопа автоматически управлялась... самим рабочим процессом двигателя. Новинкой заинтересовались А. А. Новиков и А. И. Шахурин. Новую машину с «пульсирующим» двигателем представлял В. Н. Челомей (впоследствии действительный член Академии наук СССР). Оказалось, что на базе такого двигателя можно построить самолеты-снаряды и подвешивать их под тяжелые бомбардировщики. Скоро группе конструкторов под руководством Челомея было поручено создать беспилотный аппарат с «пульсирующим» двигателем².

Новикова, Шахурин и Челомей вызвали в Государственный Комитет Обороны. Задача была поставлена предельно кратко: создать новое оружие — беспилотную боевую технику. Челомей стал главным конструктором. Работа спорилась. Уже в декабре 1944 г. десятки отечественных самолетов-снарядов, созданных под непосредственным контролем Новикова и Шахурин, были испытаны. Боевой эффект нового оружия оказался высоким, а низкая стоимость его изготовления позволяла в короткие сроки наладить массовое производство. Но грозное оружие так и не получило боевого применения. Партия и правительство приняли решение отказаться от него, отнеся самолеты-снаряды к оружию массового поражения, которое способно принести гибель мирным жителям. Готовые к бою эскадрильи тяжелых бомбардировщиков с подвешенными к ним самолетами-снарядами так и не взлетели со своих аэродромов для нанесения боевых ударов³.

Много было сделано Новиковым по совершенствованию управления ВВС и их более эффективному боевому применению. Он осуществлял непрерывное управление воздушными армиями, вместе с их штабами разрабатывал планы воздушных операций, обобщал опыт боевых действий авиации. 15 апреля 1944 г. им была подписана директива о борьбе с воздушными разведчиками противника. В ней указывалось, что одиночные немецкие воздушные разведчики стали глубоко проникать в тыл со-

² См.: Шахурин А. И. Крылья победы. С. 196—197.

³ См.: Шахурин А. И. Крылья победы. С. 197.

ветских войск и вести наблюдение за их передвижениями. Всем командующим воздушными армиями было приказано определить и закрепить зоны борьбы с воздушными разведчиками для авиационных истребительных корпусов и дивизий, на вероятных маршрутах полета вражеских разведчиков организовать засады истребителей, широко использовать радиостанции наведения.

Военный совет и штаб ВВС внимательно следили, чтобы лучше использовались соединения резерва Ставки. 15 мая 1944 г. Новиков потребовал от командующих воздушными армиями прекратить постановку боевых задач авиационным корпусам и дивизиям РВГК на один вылет, приказал ставить задачи на определенный период или на операцию. На один вылет авиационным корпусам и дивизиям разрешалось ставить задачи только в исключительных случаях.

Большое значение для повышения боеспособности ВВС имела повседневно проводимая военно-научная работа. Научный подход к решению любых вопросов был присущ А. А. Новикову. На основе изучения и обобщения боевого опыта разрабатывались и доводились до частей и соединений ВВС наставления по боевому применению родов авиации, систематически издавались информационные сборники, бюллетени и другие документы. Для улучшения подготовки летного состава и повышения меткости бомбардировочных ударов штурманской службой ВВС в 1944 г. были выпущены новые руководства по бомбометанию, применению бомб и взрывателей, а также по производству бомбардировочных расчетов.

В материалах по обобщению опыта прорыва позиционной обороны указывалось, что действия авиации при прорыве выливаются в форму авиационного наступления, которое имеет целью обеспечить господство в воздухе и непрерывную поддержку наступающих войск. Там же было дано определение предварительной и непосредственной авиационной подготовки атаки, указано, что предварительная авиационная подготовка атаки начинается задолго до наступления и проводится сосредоточенными ударами, а также действиями мелких групп и одиночных самолетов на широком фронте в течение всего периода подготовки прорыва. Непосредственная авиационная подготовка была названа завершающим этапом первого периода авиационного наступления. Она могла проводиться в ночь перед наступлением, в период артиллерийской подготовки и заканчивалась мощным сосредоточенным уда-

ром перед атакой пехоты и танков на участке нанесения главного удара.

Новиков не раз отмечал, что операции 1944 г. со всей очевидностью показали превосходство советских ВВС, которые прочно владели инициативой в воздухе, обладали большой ударной силой и огромными резервами, превосходили противника в искусстве маневрирования силами, управления боевыми действиями, мастерстве и моральных качествах личного состава. Благодаря неуклонному росту могущества ВВС авиационное наступление осуществлялось в 1944 г. с привлечением более крупных сил авиации, что позволило повысить размах наступательных операций и способствовало развитию теории боевого применения авиации.

Полководческая деятельность главного маршала авиации А. А. Новикова нашла широкое признание не только в нашей стране. 24 июня 1944 г. правительство США наградило его орденом «За заслуги» степени главного командора. В почетном отзыве о награжденном президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт отметил: «...маршал Новиков проявил выдающиеся способности, усердие и проницательность в деле руководства успешными операциями Красной Армии. Его гибкий подход к разрешению сложных вопросов в соединении с редкими качествами руководителя и большим умением использовать воздушные силы дали ему возможность внести выдающийся вклад в дело Союзников»⁴.

Александр Александрович считал эту персональную награду высокой оценкой деятельности Военного совета, командования и штаба ВВС Красной Армии.

— У нас, — любил он повторять, — работа коллективная, а ответственность персональная.

О сформировавшемся стиле работы штаба ВВС рассказывает на страницах своей книги М. Н. Кожевников. «Обычно, — вспоминает он, — обработка данных обстановки на карте, а также проектов донесения Верховному Главнокомандующему и оперативной сводки о результатах действий советских ВВС за истекшие сутки заканчивалась к 22—23 часам вечера. К этому времени в большую комнату первого управления, где сосредоточивались все итоговые данные, обычно заходили командующий и члены Военного совета ВВС, где начальник уп-

⁴ Перевод с английского. Документ хранится в архиве А. А. Новикова.

равления докладывал оперативно-стратегическую обстановку, происшедшие изменения в соотношении сил авиации и предварительные итоги действий ВВС за истекшие сутки. Часто здесь же принимались решения по ряду вопросов, связанных с повышением эффективности действий различных видов и родов авиации, и тут же эти решения оформлялись офицерами штаба ВВС»⁵.

По-прежнему много внимания А. А. Новиков уделял формированию интернациональных частей. С июля 1944 г. начал боевой путь в составе 2-й воздушной армии 1-й чехословацкий истребительный авиаполк. В сентябре чехословацкие летчики по разрешению Новикова перебазировались на аэродром «Три Дуба». В тылу врага они находились более месяца, активно поддерживая словацких повстанцев. В дальнейшем на территории СССР была создана, вооружена и обучена 1-я чехословацкая смешанная авиационная дивизия. Сражаясь крыло в крыло с советскими авиаторами, чехословацкие летчики совершили до конца войны более 1400 боевых вылетов и уничтожили около 50 фашистских самолетов⁶.

С 24 августа по 25 октября 1944 г. во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта под Бухарестом и Трансильванией сражались авиаторы 1-го румынского авиакорпуса. Они произвели более 2500 боевых вылетов и сбили в воздушных боях 100 самолетов врага. 8 сентября в борьбу с фашистскими захватчиками включились и болгарские летчики. К ноябрю 1944 г. на их счету было 4400 боевых самолетов-вылетов⁷.

Для Народно-освободительной армии Югославии на территории СССР были сформированы 1-й югославский истребительный и 2-й штурмовой авиационные полки. Они ушли на родину в 1945 г. Но еще раньше, в соответствии с договоренностью от 15 ноября 1944 г., Советский Союз передал на длительное время в оперативное подчинение командования Народно-освободительной армии Югославии советскую авиационную группу под командованием генерала А. Н. Витрука.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили деятельность Военного совета, командования и штаба ВВС Красной Армии. 19 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было при-

⁵ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 162.

⁶ См.: Авиация и космонавтика СССР. С. 200.

⁷ См. там же. С. 203—204.

своено воинское звание маршала авиации заместителям командующего ВВС Г. А. Ворожейкину, Ф. Я. Фалалееву, С. А. Худякову и Ф. А. Астахову. Этим же Указом было присвоено высшее воинское звание главного маршала авиации командующему авиацией дальнего действия А. Е. Голованову, а его заместителю Н. С. Скрипко — маршала авиации.

Исключительное значение для развития военного искусства, оперативного и стратегического использования Военно-воздушных сил имело постановление ГКО от 6 декабря 1944 г., принятое по инициативе Военного совета и командующего ВВС Красной Армии. Согласно этому постановлению авиация дальнего действия была переформирована в 18-ю воздушную армию, которая была подчинена непосредственно Новикову. Это обуславливалось необходимостью более широкого использования дальних бомбардировщиков для содействия сухопутным войскам в ходе развивающегося мощного наступления Красной Армии.

Роль представителя Ставки по авиации, которую приходилось выполнять Новикову, имела большое значение. Это во многом определялось особенностями, присущими Военно-воздушным силам, такими, как высокая маневренность, способность к действиям в различных условиях дня и ночи, мощность одновременного удара несколькими авиационными соединениями и объединениями, возможность перенацеливания в воздухе, использования авиационных соединений соседних фронтов на главном направлении. Все это требовало четкого планирования, организации взаимодействия между авиационными объединениями и сухопутными войсками, централизованного управления всеми привлекаемыми силами авиации.

Общее стратегическое руководство Военно-воздушными силами осуществлялось Ставкой. Она определяла и ставила задачи ВВС в соответствии с целями и замыслом кампаний и стратегических операций, распределяла их усилия по стратегическим направлениям, организовывала взаимодействие с другими видами Вооруженных Сил, принимала решения на подготовку и проведение крупных воздушных операций. Непосредственными исполнителями указаний и решений Ставки были Генеральный штаб и командование ВВС во главе с главным маршалом авиации А. А. Новиковым.

«После всестороннего анализа обстановки и возможностей всех борющихся сторон, — вспоминал маршал Жу-

ков, — Ставка Верховного Главнокомандования решила подготовить и провести в начале 1945 года на всех стратегических направлениях мощные наступательные операции со следующими основными задачами:

— разгромить восточно-прусскую группировку и овладеть Восточной Пруссией;

— разгромить противника в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии;

— выйти на рубеж в устье реки Вислы — Бромберг (Быдгощ) — Познань — Бреслау (Вроцлав) — Моравска-Острава — Вена.

Было решено главные усилия завершающей кампании сосредоточить на варшавско-берлинском направлении, там, где должен был наступать 1-й Белорусский фронт. Уничтожение курляндской группы (16-й и 18-й армий) противника возлагалось на 2-й и 1-й Прибалтийские фронты и Балтийский флот, которые должны были не допустить переброску сил, прижатых к Балтийскому морю, на другие фронты»⁸. Представителями Ставки по авиации были назначены: при разгроме восточно-прусской группировки — маршал авиации Фалалеев, на варшавско-берлинском направлении — главный маршал авиации Новиков.

Замысел Висло-Одерской операции заключался в том, чтобы нанести одновременно мощные удары по противнику на познанском и бреславском направлениях, разгромить группу армий «А», оборонявшуюся на территории Польши, выйти на Одер (Одра) и обеспечить выгодные условия для нанесения завершающего удара по Берлину. Воплотить замысел в жизнь предстояло войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. В них входили соответственно 16-я и 2-я воздушные армии. На правом фланге должны были наступать войска левого крыла 2-го Белорусского фронта, а на левом — войска правого крыла 4-го Украинского фронта (4-я и 8-я воздушные армии).

Новикову, таким образом, предстояло координировать действия четырех воздушных армий, созданной на базе АДД 18-й воздушной армии и сил авиации ПВО страны, выделенных для прикрытия объектов фронтового тыла. Как всегда, особое внимание командования и штабов воздушных армий он обратил на изучение противника, ввод в строй молодых летчиков, а также на освоение бом-

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 172.

бометания с пикирования по малоразмерным целям. Не уставал он напоминать и о скрытности подготовки операции, маскировке вновь прибывших полков и дивизий, об организации дезинформации.

— Стройте больше ложных аэродромов, — приказывал Новиков командующим, — имитируйте на них интенсивные полеты днем и ночью. Военная хитрость всегда выручала русских воинов.

Много внимания Александр Александрович уделял организации воздушной разведки, которая очень быстро обнаружила за Вислой семь подготовленных вражеских оборонительных полос, эшелонированных в глубину до 500 километров, шесть противотанковых рвов протяженностью от 20 до 60 километров, определила районы сосредоточения и группировок артиллерии противника. Были также сфотографированы все переправы через реки Висла и Пилица, вскрыта аэродромная сеть с базирующей на ней авиацией.

С учетом того, что главный удар по врагу наносил 1-й Белорусский фронт, по предложению Новикова для усиления 16-й воздушной армии из резерва Ставки были выделены 3-й истребительный авиакорпус генерала Е. Я. Савицкого и 9-й штурмовой авиакорпус генерала И. В. Крупского, 183-я бомбардировочная авиадивизия полковника М. А. Ситкина, 242-я ночная бомбардировочная авиадивизия полковника П. А. Калинина и 1-я гвардейская истребительная авиадивизия полковника В. В. Сухорябова. Новиков учел, что эти соединения уже воевали под командованием генерала Руденко, он знал их сильные и слабые стороны, мог наилучшим образом использовать их боевые возможности, мастерство командного состава.

Начать операцию планировалось 20 января 1945 г. Все шло установленным порядком. И вдруг... 6 января 1945 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль обратился к правительству СССР с просьбой ускорить наступление, чтобы облегчить положение англо-американских войск, подвергшихся сильным ударам гитлеровцев в Арденнах. Советское правительство сообщило, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая положение союзников на Западном фронте, решила усиленным темпом закончить подготовку и открыть широкие наступательные действия против немецко-фашистских войск по всему центральному фронту не позже второй половины января.

Забот у командования и штаба ВВС прибавилось. Необходимо было обеспечить с воздуха две крупные фронтовые операции с плацдармов Магнушев, Пулава, Сандомир. Но погода внесла существенные поправки в планы. Низкая облачность и снегопады не позволяли использовать авиацию в полной мере.

— Используйте мелкие группы штурмовиков, — рекомендовал Новиков генералам Руденко и Красовскому. — Разведку не прекращайте ни на минуту. Наземные войска должны знать намерения противника.

Авиация начала действовать одиночными экипажами и мелкими группами. Истребители патрулировали над боевыми порядками ударных группировок, вылетали на «свободную охоту» и на перехват вражеских самолетов из положения «дежурство на аэродромах», прикрывали танковые войска при вводе их в сражение. И все же из-за нелетной погоды летчики 16-й воздушной армии в первый день наступления совершили лишь 276 вылетов. Беспокоило Новикова и приближение распутицы. Чтобы она не захватила авиацию врасплох, он отдал распоряжение готовить специальные металлические плиты для искусственного покрытия взлетно-посадочных полос.

Когда 16 января погода улучшилась, в боевые действия включились летчики 4-й и 8-й воздушных армий. Донесения из штабов радовали Новикова. Только с 12 по 17 января летчики воздушных армий совершили около 11 748 вылетов. Немецкая авиация за это время потеряла 44 самолета в воздушных боях и 86 на аэродромах⁹.

Высоко оценил Новиков боевой подвиг, который совершил летчик-штурмовик комсомолец А. Ф. Коняхин. Вылетев «на свободную охоту» с младшим лейтенантом В. Г. Хухлиным, они атаковали на железнодорожной станции Скерпевице вражеские эшелоны, уничтожив четыре паровоза и несколько вагонов. Однако зенитным снарядом самолет Хухлина был подбит, и летчик произвел вынужденную посадку на территории противника. К нему уже спешили гитлеровцы, но Коняхин огнем пушек и пулеметов заставил их залечь, приземлил машину, посадил в нее Хухлина и воздушного стрелка Шаронова и доставил их на свой аэродром.

17 января Ставка Верховного Главнокомандования, уточнив дальнейшие задачи, приказала 1-му Белорус-

⁹ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 377.

скому фронту, наступая, к 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ, Познань, а 1-му Украинскому продолжать наступление на Бреслау, не позднее 30 января выйти на Одер и захватить плацдарм на его левом берегу. В помощь 16-й и 2-й воздушным армиям Новиков по опыту Белорусской операции выделил 3-й бомбардировочный авиакорпус 18-й воздушной армии. Перед авиацией стояла задача уничтожать отходящие колонны, воспрещать подход резервов противника, вести непрерывную воздушную разведку¹⁰.

Учитывая сложившуюся обстановку, главный маршал авиации Новиков приказал штабу 16-й воздушной армии широко использовать опыт преследования противника, приобретенный на втором этапе Белорусской операции. Сначала штурмовики и истребители эшелонированными действиями наносили сокрушительные удары по отходящим колоннам врага. Затем эти потрепанные колонны попадали под удары передовых отрядов танковых частей и полностью теряли свою способность к сопротивлению.

По мере развития наступления фронтов планы воздушных армий по борьбе за удержание стратегического господства в воздухе пришлось изменить. Вместо предполагаемого уничтожения вражеской авиации в воздушных боях и на аэродромах Новиков по просьбе командующих фронтами приказал значительные силы истребителей перенацелить на уничтожение отходящих войск противника. Это потребовало смелого маневра авиацией. Истребители иногда приземлялись на аэродромах, оставленных гитлеровцами, еще до подхода наземных войск.

По мере продвижения войск фронтов на запад условия для действий советской авиации усложнялись. Внезапно наступившая оттепель вызвала сильную распутицу, полевые аэродромы вышли из строя, авиационные полки и дивизии по условиям базирования стали отставать от сухопутных войск. В то же время вражеская авиация имела более благоприятные условия: в местах ее расположения погода была лучше, имелось немало аэродромов с искусственным покрытием. Вот когда в полной мере проявилась предусмотрительность Новикова. Началось покрытие взлетно-посадочных полос металлическими плитами, которые были заранее изготовлены по его приказу.

¹⁰ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1979. Т. 10. С. 76—77.

Использовались также подручные средства: битый кирпич и щебень.

Генерал Руденко рассказал Новикову об опыте сорок первого года. Тогда в районе Осташково широко применяли песчаные площадки. Оказалось, что мокрый песок хорошо уплотняется и вполне выдерживает взлетающие самолеты. Это предложение было также принято. Кроме того, Новиков обратился за помощью в строительстве аэродромов к командующим фронтами. Маршалы Советского Союза Жуков и Конев приняли решительные меры. С 26 января по 7 февраля было построено вновь 32 и восстановлено 15 аэродромов с твердым покрытием взлетно-посадочных полос.

Во 2-й и 16-й воздушных армиях было решено использовать под аэродромы прямые участки автострад. Разведку провел полковник А. И. Покрышкин, первым произведя посадку на подготовленный участок автострады. Вскоре на трассе Бреслау — Берлин базировалась уже вся дивизия, которой он командовал. Спустя несколько дней по соседству произвела посадку дивизия подполковника Л. И. Горегляда. Соединения и части обеих воздушных армий совершили свыше 54 тысяч боевых самолето-вылетов. В борьбе с вражеской авиацией советскими истребителями было проведено 1150 воздушных боев и уничтожено 908 самолетов противника. Командование ВВС и командование воздушных армий приобрели богатый опыт осуществления аэродромного маневра вслед за наступающими войсками.

12 февраля во время боевого вылета погиб командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса Герой Советского Союза генерал И. С. Полбин. Об этом командующему ВВС доложил генерал С. А. Красовский.

— Как же вы не уберегли такого человека? — начал было Новиков и вдруг осекся. Он вспомнил, как в свое время взял Полбина в свой штаб, а потом сам же разрешил ему вернуться на фронт. Иван Семенович был рожден летать, и разве можно было удержать его на земле?

— Подготовьте документы на присвоение звания дважды Героя Советского Союза, посмертно, — сказал он Красовскому.

Не успела стихнуть боль от этой утраты, беда пришла на 3-й Белорусский фронт. 18 февраля смертельную рану получил генерал армии И. Д. Черняховский. Приказом Ставки командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Он-то и стал инициа-

тором назначения главного маршала авиации Новикова на этот участок фронта в качестве представителя Ставки по авиации. 24 февраля Новиков с оперативной группой штаба ВВС был уже в Ростенбурге, в штабе 1-й воздушной армии, уточнял обстановку, которую изучил еще перед отлетом из Москвы. В отличие от Висло-Одерской операции, в которой авиации пришлось вести непрерывную поддержку наступающих войск на глубину 500 километров, под Кенигсбергом район боевых действий был ограничен. К тому времени войска фронтов при поддержке авиации овладели частью Земландского полуострова, обошли город с трех сторон и вышли к Хайльбергскому укрепленному району. Восточно-прусская группировка была рассечена на три части.

Штурм города, для обороны которого противник привлек около 130 тысяч человек, до 4 тысяч орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий, требовал длительной и тщательной подготовки. Новиков знал, что на аэродромах Земландского полуострова базируется 170 боевых самолетов, а в самом городе имелись подземные заводы и склады с достаточным запасом продовольствия и воинского имущества¹¹.

Ликвидация вражеских группировок требовала единого руководства. 21 февраля Ставка приняла решение передать войска, действовавшие в Восточной Пруссии, 3-му Белорусскому фронту, 1-й Прибалтийский фронт упразднился, а его войска, переименованные в земландскую группу, включались в 3-й Белорусский фронт.

По замыслу операции предполагалось мощными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям рассеять гарнизон Кенигсберга на изолированные группы и штурмом овладеть городом. Для пресечения попыток врага помешать штурму города со стороны Земландского полуострова из района Кенигсберга намечался вспомогательный удар в западном направлении. К участию в операции привлекались четыре общевойсковые армии: 43-я и 50-я наносили удар с севера, 11-я гвардейская — с юга, 39-я отсекала крепость от земландской группировки противника¹².

Операция разрабатывалась с учетом мощного артиллерийского и авиационного воздействия на врага. Вместе с артиллеристами летчики должны были разрушить основ-

¹¹ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 503.

¹² См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 503.

ные фортификационные сооружения и опорные пункты, подавить артиллерию и огневые точки гитлеровцев и создать пехоте условия для быстрейшего овладения городом с наименьшими потерями.

Новым в оперативно-стратегическом использовании авиации было то, что в помощь наземным войскам одного фронта кроме трех воздушных армий и авиации Краснознаменного Балтийского флота были выделены два авиасоединения резерва Верховного Главнокомандования — 5-й гвардейский и 5-й бомбардировочный авиационные корпуса. Всего ко дню штурма фронт имел 2444 боевых самолета, в том числе 1124 бомбардировщика (500 тяжелых дальнего действия, 432 ближнего действия и 192 легких ночных), 470 штурмовиков, 830 истребителей и 20 торпедоносцев¹³.

«Боевое применение авиации, — вспоминал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, — было одним из наиболее важных и сложных вопросов подготовки операции... Около двух с половиной тысяч боевых самолетов надо было «разместить» на клочке кенигсбергского неба. Это требовало напряженной, кропотливой работы по согласованию действий такого огромного числа боевых машин, входивших в совершенно самостоятельные авиационные объединения, не только между собой, но и, главное, с наземными войсками. И руководство этой работой целиком легло на опытнейшего нашего авиационного военачальника — командующего советскими Военно-воздушными силами главного маршала авиации А. А. Новикова. Основной опорой его в этом деле на первых порах явился штаб 3-й воздушной, а накануне штурма — и 1-й воздушной армий»¹⁴.

В ходе подготовки операции особое внимание представителя Ставки и оперативной группы штаба ВВС было уделено организации взаимодействия бомбардировщиков морской, дальней и фронтовой авиации при нанесении ударов по военно-морской базе Пиллау. Днем базу бомбили соединения фронтовой и морской авиации, а ночью — дальней. Главными объектами действий морских летчиков были транспортные и боевые корабли, а летчиков фронтовой и дальней авиации — плавсредства, причалы, крепостные укрепления. Совершив в общей сложности 2023 самолето-вылета, советская авиация потопила в Пиллау 23 тран-

¹³ См.: 9 мая 1945 года. М., 1970. С. 276.

¹⁴ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 531—532.

спорта, 1 танкер, 13 сторожевых кораблей, 4 тральщика, 14 барж¹⁵.

Отработанный и согласованный под руководством Новикова план действий авиации совместно с планами фронта и общевойсковых армий предусматривал проведение предварительной авиационной подготовки, рассчитанной на несколько суток. Предусматривалось не только разрушение фортов и узловых опорных пунктов в полосах наступления, но и уничтожение вражеских самолетов и вывод из строя взлетно-посадочных полос. Без удержания господства в воздухе Александр Александрович уже не мыслил начала наступательной операции, какого бы масштаба она ни была.

Усилиями штаба фронта под руководством генерал-полковника А. П. Покровского был создан точный макет города, на котором обозначили все детали обороны. Новиков немедленно воспользовался этим. Вслед за общевойсковыми командирами всех степеней, отработавшими шаг за шагом план штурма, он приказал организовать такие же занятия с авиационными командирами и начальниками штабов с привлечением представителей наземных войск. Макет сличался с фотопланшетами, уточнялись направления заходов на цели, способы обозначения переднего края. Это позволило за трое суток до начала операции изготовить для каждой авиадивизии и каждого авиакорпуса схемы и карты крупного масштаба с пронумерованными целями и указания по боевому применению авиации.

По плану штурм Кенигсберга должен был начаться 5 апреля, но помешали сложные метеоусловия: туман, низкая облачность, дождь. При такой погоде нельзя было вводить в сражение авиацию, и командующий фронтом принял решение отсрочить штурм на сутки. В ночь на 5 апреля погода несколько улучшилась, и Новиков приказал поднять в воздух две дивизии легких бомбардировщиков По-2¹⁶. Это было необходимо для поддержания непрерывности авиационного воздействия на противника. Экипажи По-2 сделали 657 самолето-вылетов. Чуть больше ста вылетов совершили двухмоторные бомбардировщики. Попытка пустить в дело тяжелые машины 18-й воздушной армии окончилась неудачей. Из 40 бомбардиров-

¹⁵ См.: Тимохович И. В. В бебе войны. С. 176—177.

¹⁶ После смерти конструктора Н. Н. Поликарпова самолет У-2 стал называться По-2.

щиков, выпущенных в воздух, лишь 15 достигли цели, остальные потеряли ориентировку и вернулись на аэродромы.

Утром 6 апреля началась артиллерийская обработка вражеской обороны, продолжавшаяся два часа.

— Хорош концерт, Александр Александрович! — обратился Василевский к Новикову. — Жаль, вашего не достает.

— Погода путает все карты, — сокрушенно ответил командующий ВВС. — Чуть улучшится, тотчас ударим.

Но ударить по врагу с воздуха, как было запланировано, в первый день наступления не удалось. Из 4 тысяч запланированных самолето-вылетов было выполнено чуть более 1 тысячи. Отсутствие мощного авиационного воздействия на противника не могло не сказаться на результативности боевых действий наземных войск. Пехоте удалось продвинуться только на 2—4 километра.

Когда метеорологи доложили об ожидаемом улучшении погоды, Новиков перенацелил всю бомбардировочную авиацию для действий по основным узлам сопротивления непосредственно перед фронтом наступающих войск. Штурмовики тоже обрабатывали вражеские позиции, а истребители 11-го авиакорпуса нанесли несколько ударов по вражеским аэродромам, которые затем были полностью блокированы с воздуха.

Штурм города-крепости продолжался. То была незабываемая картина! С юга летели самолеты 1-й, с востока — 3-й, с севера — 15-й воздушных армий, с запада — авиация Краснознаменного Балтийского флота. Пехота и танки в сопровождении штурмовиков под надежным прикрытием истребителей в ожесточенных боях на многих участках фронта одолели третью оборонительную линию и ворвались в город. Начались уличные бои.

К полудню стало ясно, что пора вводить в бой главную ударную силу авиации — 18-ю воздушную армию. Начало воздушной операции Новиков назначил на 13 часов 10 минут. Однако, учитывая, что в сражение вводилась сразу вся 18-я воздушная армия, он решил поставить в известность Ставку. Начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов выслушал его внимательно.

— Время не терпит, — говорил Новиков, — погода здесь капризная. Не исключено, что больше такой возможности не представится.

— Действуйте на свое усмотрение, — ответил Антонов.

«Что ж, на свое так на свое, — подумал Александр Александрович. — Главное — интересы операции». И он взял ответственность на себя, решив поднять в воздух все соединения 18-й воздушной армии. Командующий фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский утвердил это решение. «Стремясь максимально усилить удары с воздуха, — писал о том дне маршал И. Х. Баграмян, — А. А. Новиков решился на дерзкий шаг: поднять в воздух тяжелые бомбардировщики авиации дальнего действия, которые обычно использовались только в ночное время. Он позвонил А. Е. Голованову и спросил его мнение по этому вопросу, но главный маршал авиации попытался уклониться от такого риска, ссылаясь на то, что летчики тяжелых бомбардировщиков не имеют опыта групповых полетов в дневное время, а это, мол, может снизить эффект их бомбометания. Кроме того, он выразил опасение, что тяжелые и тихоходные самолеты Ил-4 могут стать легкой добычей фашистских истребителей.

— Да не бойтесь же вы! — раздраженно перебил Новиков. — Я дам вашим самолетам такой эскорт в сто двадцать пять истребителей, что ни один «мессер» не отважится атаковать их. Кроме того, две-три сотни штурмовиков под сильным прикрытием истребителей будут постоянно висеть над городом, и они во взаимодействии с артиллерией не позволят даже пикнуть зенитчикам противника...

Голованов, видимо, хотел высказать еще какие-то сомнения, но командующий ВВС решительно сказал:

— Словом, задача вам ясна — готовность армии к подъему в воздух всем составом к тринадцати ноль-ноль. Цели для ударов согласуйте с товарищем Хрюкиным. О готовности доложите...

Командующий Военно-воздушными силами некоторое время взволнованно ходил по просторному блиндажу, а когда Голованов доложил о готовности, решительно махнул рукой:

— В тринадцать десять выпускайте армию на Кенигсберг!

Затем, соединившись с командующими 1-й и 3-й воздушными армиями, Новиков приказал им немедленно поднять в воздух все остающиеся еще на аэродромах штурмовики и фронтовые бомбардировщики и нанести массированный удар по аэродромам, где базировались вражеские

истребители, а также по огневым позициям зенитной артиллерии»¹⁷.

Тяжелые бомбардировщики появились над центром города точно в указанный срок. Они действовали, как потом скажет Новиков, «в стерильном небе»: ни один вражеский истребитель не смог прорваться к ним. Молчала и зенитная артиллерия противника, выведенная из строя штурмовиками. 18-я воздушная армия в этом вылете не потеряла ни одной машины, все экипажи благополучно вернулись на свои аэродромы.

Массированный удар 516 боевых машин длился около часа. За это время на врага было сброшено 3743 бомбы общим весом 550 тонн¹⁸. Многие опорные пункты и форты были разрушены, сопротивление противника после этого удара резко снизилось. Сделала свое дело и артиллерия. Командование вражеского гарнизона потеряло управление частями и не смогло маневрировать резервами. Оборона противника фактически распалась на отдельные, изолированные очаги сопротивления. Советские войска стали продвигаться к центру Кенигсберга.

Когда об этом доложили маршалу Василевскому, он с удовлетворением сказал:

— Успех в бою достигается совместными усилиями всех видов и родов войск. Но вклад авиации на этот раз трудно переоценить.

— Командующие и штабы воздушных армий поставили дело на научную основу, — ответил Новиков.

Александр Михайлович улыбнулся.

— Не зря вы настояли на образовании 18-й воздушной армии, — сказал он. — Подчиняйся авиация дальнего действия Ставке, массированный удар Ил-4 в заданное время мог и не состояться.

— Но он же состоялся, — в тон командующему фронтом ответил Новиков.

— Завтрашний день, — сказал Василевский Новикову, — должен стать решающим.

— Обеспечим максимальное количество вылетов, — заверил командующий ВВС.

И он сдержал свое слово. Плотность авиации в воздухе достигала до 150 самолетов на один квадратный километр фронта. За день 7 апреля советская авиация произвела около 5 тысяч и в ночь на 8 апреля — 2 тысячи

¹⁷ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. С. 559—560.

¹⁸ См.: 9 мая 1945 года. С. 288.

боевых самолето-вылетов. Такого числа боевых вылетов советские ВВС за одни сутки в интересах наступления войск одного фронта ранее нигде не производили¹⁹. Но максимальной силы удары с воздуха достигли 8 апреля — было выполнено свыше 6 тысяч самолето-вылетов. 9 апреля Кенигсберг пал.

В эти дни главный маршал авиации Новиков подписал наградные документы на присвоения звания дважды Героя Советского Союза генералу Т. Т. Хрюкину, летчикам-штурмовикам Г. М. Паршину, Е. М. Купгурцеву, Г. М. Мыльникову. С майором Паршиным он познакомился еще в Ленинграде, когда тот летал на штурмовике «Месть Бариновых», построенном на средства женщин-патриоток.

Итоги участия авиации в штурме Кенигсберга были весьма внушительными. За четверо суток боев было совершено 14 тысяч самолето-вылетов и сброшено на противника 4440 тонн бомб²⁰. Авиация явилась одним из важнейших факторов успешного завершения этой операции. Массированные удары с воздуха буквально потрясли вражескую оборону, повлияли на психику фашистских солдат. Сдавшийся в плен комендант города и крепости генерал О. Лаш писал позже в своих мемуарах: «Бомбардировщики и штурмовики летели волна за волной, сбрасывая свой губительный груз на пылающий город, лежавший в развалинах... Ни один немецкий истребитель не показывался в воздухе. Стиснутые на узком пространстве, зенитные батареи были бессильны против таких масс самолетов и к тому же должны были, хотя и с трудом, вести бои с танковыми силами противника. Все линии связи оказались разорванными, и только пешие связные ощупью пробирались через поля развалин на свои командные пункты или к войскам»²¹.

Разгром немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии имел большое военно-политическое значение. Советские войска заняли всю территорию Восточной Пруссии с ее столицей — Кенигсбергом и освободили часть северных районов Польши. Кенигсбергская операция по срокам ее проведения была короткой, но по своему характеру, количеству привлекаемых сил авиации, массирован-

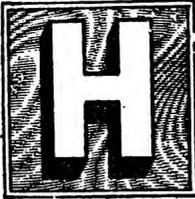
¹⁹ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 203.

²⁰ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 204.

²¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1963. Т. 5. С. 173—174.

тому ее применению и результативности действий оказалась весьма впечатляющей. При ее проведении во всей полноте проявились творческий и новаторский характер полководческой деятельности Новикова, его умение быстро разбираться в обстановке, всесторонне ее оценивать и принимать обеспечивающие успех решения. Присущие ему черты — инициатива, смелость, дерзость, изобретательность и гибкость ума — были проявлены в критической ситуации при решении сложной и ответственной задачи организации и осуществления штурма Кенигсбергской крепости силами авиации. Под руководством Новикова воздушные силы стали тем могучим молотом, который сокрушил сталь и бетон многочисленных укреплений Кенигсберга. Высокое мастерство полководца проявилось в использовании им таких принципов военного искусства, как военная хитрость и внезапность действий. Заслуги главного маршала авиации А. А. Новикова в этой операции были отмечены орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

ТАЛАНТ ПОЛКОВОДЦА

а подготовку к Берлинской операции Ставка отпустила всего около двух недель. Для этого были веские причины как военного, так и политического характера. Советскому правительству стало известно, что союзники вопреки договоренности, достигнутой на Ялтинской конференции, начали прилагать усилия, чтобы раньше советских войск ворваться в Берлин. Работа предстояла колоссальная. Прибыв на 1-й Белорусский фронт, А. А. Новиков позаботился прежде всего об организации воздушной разведки и о передислокации на берлинское направление авиакорпусов резерва Верховного Главнокомандования и основных сил воздушных армий. В этом ему оказывали помощь штаб ВВС и оперативная группа, в состав которой входили генерал Н. Ф. Андрианов, полковники М. Н. Кожевников и Ф. С. Лучкин, майоры Л. М. Смирнов и П. А. Колесников.

Для решающей схватки с врагом Ставка выделила четыре воздушные армии. 2-я во главе с С. А. Красовским поддерживала действия 1-го Украинского фронта и имела 1956 боевых самолетов. 16-я (С. И. Руденко) входила в состав 1-го Белорусского фронта и была самой мощной — располагала 3168 боевыми машинами. Кроме того, в оперативном подчинении командующего 16-й воздушной армией находились ВВС Войска Польского (216 боевых самолетов). 4-я воздушная армия К. А. Вершинина содействовала войскам 2-го Белорусского фронта и имела 1360 боевых самолетов, 18-я (А. Е. Голованов), имея 800 тяже-

лых ночных бомбардировщиков, действовала в основном в полосе наступления войск 1-го Белорусского фронта и непосредственно подчинялась А. А. Новикову. Для усиления фронтовой авиации из резерва ВГК было направлено 13 авиакорпусов и 13 авиадивизий, более половины всех боевых самолетов, имевшихся в трех воздушных армиях фронтов к началу Берлинской операции.

Для размещения авиации инженерными частями воздушных армий при активной помощи сухопутных войск было восстановлено и построено 290 аэродромов, создан надежный запас горючего, боеприпасов и других видов материально-технического обеспечения действий воздушных армий на 10—12 суток¹. «Такого большого числа авиационных соединений и самолетов в трех фронтах, — вспоминает М. Н. Кожевников, — не привлекалось ни в одной из наступательных операций сухопутных войск за время Великой Отечественной войны. Для целеустремленного и высокоэффективного оперативного применения всех сил авиации в операции требовались координация их усилий, согласование времени и последовательности нанесения массированных ударов, определение полос их действий, а также аэродромов для посадки авиачастей после выполнения боевого задания в полосах соседних фронтов. Все эти вопросы решались командующим ВВС как представителем Ставки ВГК совместно с командующими войсками фронтов и воздушными армиями непосредственно в районе боевых действий»².

Стратегический замысел Берлинской операции, в разработке которого самое активное участие принимал Новиков, заключался в том, чтобы мощными ударами войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов при содействии авиации в полосе от Штеттина до Пендиха сокрушить вражескую оборону на ряде направлений, стремительными ударами сильных группировок расчленив берлинскую группировку на несколько изолированных частей и в последующем окружить и разгромить их.

Новиков хорошо знал состав группировки гитлеровцев. Немецкое командование к началу Берлинской операции располагало значительными силами. Войска, предназначенные для защиты подступов к Берлину и самого города, насчитывали 1 миллион человек, 10 400 орудий и мино-

¹ См.: 9 мая 1945 года. С. 293—294.

² Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 207.

метов, 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 самолетов. В Берлине был сосредоточен 200-тысячный гарнизон. В резерве главного командования сухопутных войск Германии находилось восемь дивизий³.

Особое внимание Новиков обратил на воздушную обстановку. В районе Берлина немцы имели хорошо развитую систему радиолокационных постов, а густая сеть стационарных аэродромов обеспечивала вражеской авиации широкий и гибкий маневр по всему фронту. Войска противника прикрывали около 200 зенитных батарей, непосредственно на обороне Берлина было сосредоточено 600 зенитных орудий⁴, которые предназначались также для борьбы с танками и пехотой.

Перед советскими ВВС в Берлинской операции стояли задачи: прочно удерживать стратегическое господство в воздухе, надежно прикрывать войска и объекты тыла фронтов от ударов вражеской авиации, провести авиационную подготовку и поддерживать сухопутные войска при прорыве тактической обороны противника, учитывая создавшуюся обстановку. Новиков приказал командующим 2-й и 16-й воздушными армиями с особой тщательностью спланировать и подготовить обеспечение ввода в сражение танковых армий, отдельных танковых и механизированных корпусов, а также сопровождение их на всю глубину операции.

— Сопровождение должно быть непрерывным, — предупредил он. — Только при этом условии танковые армии смогут ворваться в Берлин, окружить город и отсечь пути отхода на запад основным силам берлинской группировки противника. Для этой цели надо привлечь до 75 процентов авиации обеих армий.

Несмотря на общность задач, план боевого использования каждой воздушной армии имел свои особенности. Это была инициатива представителя Ставки по авиации. На направлении главного удара войск 1-го Белорусского фронта, наносимого с плацдарма на реке Одер, западнее Кюстрина, для поддержки двух общевойсковых и двух танковых армий выделялось 2453 самолета — основные силы 16-й воздушной армии. А вот северную и южные группировки поддерживали с воздуха только по одной авиадивизии.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 417.

⁴ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 389.

Штаб 2-й воздушной армии планировал в первый день наступления нанести по противнику четыре массированных удара, а в промежутках между ними действовать небольшими группами самолетов всех родов авиации. Свои особенности имела и организация боевых действий 4-й воздушной армии. Учитывая, что 2-й Белорусский фронт начинал наступление позже 1-го Белорусского, Александр Александрович приказал генералу К. А. Вершинину выделить часть сил для участия в авиационной подготовке в полосе наступления 1-го Белорусского фронта.

— Долг платежом красен, — согласился Вершинин, имея в виду помощь 16-й воздушной армии при разгроме отступающих колонн врага в Белорусской операции.

Командование и штаб ВВС вместе с командованием и штабом 18-й воздушной армии разработали план боевых действий. Просматривая его, Новиков встречал фамилии летчиков, которых хорошо знал. Среди них были дважды Герои Советского Союза А. И. Молодчий и В. Н. Осипов, Герои Советского Союза Э. К. Пусэп и В. Ф. Романов.

В ходе подготовки к Берлинской операции Новиков требовал от командующих и штабов воздушных армий, а также от командиров авиационных соединений тщательной отработки планов взаимодействия авиации с наземными войсками, сам бывал в штабах общевойсковых и танковых армий, обращал внимание на возможность сильного противодействия в воздухе со стороны противника.

— Близкий конец войны, наше общее значительное превосходство в силах авиации, — говорил он, — может породить расслабленность и самоуспокоенность. Этого допустить нельзя. Иначе будут неоправданные потери. Нужно мобилизовать личный состав на отличное выполнение поставленных задач, провести разъяснительную работу.

Указания главного маршала авиации претворялись в жизнь. Личному составу разъяснялось политическое и военное значение Берлинской операции, роль завершающего удара по немецко-фашистским захватчикам. Вступая в партию, командир звена 779-го бомбардировочного авиаполка 16-й воздушной армии капитан С. В. Сегодняев в заявлении писал: «В дни решающих боев мое наивысшее желание — стать коммунистом. Я не пожалею сил, а если потребуется, то и жизни, за дело ленинской партии, за нашу победу». Этими словами он выразил мысли всех советских авиаторов.

В ночь на 16 апреля Новиков выехал на наблюдательный пункт 8-й гвардейской армии, где располагалось руководство 1-го Белорусского фронта во главе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и членом Военного совета генералом К. Ф. Телегиным, а также командование армии во главе с генералом В. И. Чуйковым.

— Молодцы твои бомбардировщики, — приветствовал Новикова Жуков. — Всю ночь не давали немцам покоя, обрабатывали их позиции.

— Вершинин постарался, — ответил Новиков. — Но это цветочки, ягодки будут впереди.

Жуков посмотрел на часы. До начала артиллерийской и авиационной подготовки оставалось около получаса.

— Пойдемте выпьем горячего, крепкого чая, — предложил командующий фронтом.

Все охотно согласились. Стрелки часов в эти минуты, казалось, остановились. Нужна была разрядка. Но чай пили молча, каждый был занят своими мыслями. За несколько минут до артиллерийской подготовки начал нарастать мощный гул авиационных моторов.

— Пора! — встал Жуков.

Ровно в три часа по берлинскому времени тысячи орудий, минометов и легендарных «катюш» ударили по врагу. Вслед за разрывами снарядов и мин над передним краем немцев раздался мощный грохот разрывов авиационных бомб. В это же время более 100 самолетов-ночников 16-й и 4-й воздушных армий начали бомбить штабы и узлы связи на первой и второй полосах обороны противника, а 745 тяжелых ночных бомбардировщиков 18-й воздушной армии нанесли массированный удар по опорным пунктам второй оборонительной полосы.

Видя, что в течение 30 минут противник не сделал ни одного выстрела, маршал Жуков решил сократить время артподготовки и начать общую атаку. В воздух взвились тысячи разноцветных ракет, вспыхнули 143 прожектора, в атаку устремились наземные части. В это время на подходе к целям находились сотни бомбардировщиков. Но изменение обстановки не застало Новикова врасплох. Рядом с командным пунктом фронта располагался КП ВВС, где находились командиры авиадивизий и авиакорпусов каждый со своей радиостанцией. Надежная связь была установлена и со штабами воздушных армий. Команда о переносе времени начала общей атаки поступила на аэродромы и на борт самолетов практически одновременно с

принятием решения. Соответствующий вариант боевых действий авиации немедленно вступил в силу.

Гитлеровцы оказались настолько ошеломленными ночным ударом, что первые два километра советские войска продвигались, почти не встречая сопротивления. Однако низкий утренний туман внес коррективы в план боевого использования авиации. С рассвета действовали только штурмовики, и то небольшими группами. Пикирующие бомбардировщики Пе-2 начали наносить удары по врагу лишь после 8 часов утра. Пыль и дым, поднявшиеся над полем битвы, осложняли работу летчиков, но они использовали малейшую возможность для нанесения ударов перед наступающими войсками фронта.

Во второй половине дня активнее стала действовать вражеская авиация, которая пыталась прорваться к боевым порядкам советских наступавших танковых армий. Начались ожесточенные воздушные бои.

Все нити управления воздушными армиями сходились на КП командующего ВВС. Новиков был доволен ходом событий и на 1-м Украинском фронте, где более двух часов 418 бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием 250 истребителей громили основные опорные пункты и огневые точки на первой оборонительной полосе противника. Александр Александрович с гордостью читал донесение о том, что на южной окраине опорного пункта Форст обнаружено свыше 400 воронок от бомб, находившихся друг от друга в 10—15 метрах. Штурмовики 1-го и 2-го гвардейских авиакорпусов своими мощными ударами заставили замолчать вражеские орудия во всех опорных пунктах в полосе наступления, что позволило пехоте быстро преодолеть первую линию обороны.

— Переносите удары в глубину обороны, — приказал Новиков генералу Красовскому. — Удар по опорным пунктам в районах Котбуса и Шпремберга должен состояться в назначенное время.

— Все идет по плану, Александр Александрович, — ответил Красовский. — У маршала Конева к летчикам претензий нет. Наступление развивается успешно.

Беспокоило Новикова положение в районе Зеловских высот, где к вечеру обстановка осложнилась. Воздушная разведка обнаружила переброску вражеских войск из-под Берлина к линии фронта.

— Отличные цели для пикировщиков, — тихо проговорил Новиков. — Но, увы, наступили сумерки. Придется посылать тяжелые ночные бомбардировщики.

Доложив Жукову по телефону о данных воздушной разведки, он предложил использовать 18-ю воздушную армию для ударов по оперативным резервам гитлеровцев.

— А кто будет бомбить Зеловские высоты? — спросил командующий фронтом. — Немцев мы еще оттуда не выбили.

— Но резервы как раз и движутся к Зеловским высотам, товарищ маршал, — стоял на своем Новиков. — Без ударов с воздуха по резервам еще труднее будет прорывать оборону на главном направлении. Завтра на эти цели направим часть сил фронтовой авиации. В глубине обороны «пешкам» больше простора и действовать легче.

— Посмотрим, — ответил Жуков, — а ночников пускайте, только не всех. Все равно ведь будут бить по площадям. Остальных нацельте на Зеловские высоты.

Новиков поставил новую задачу Голованову, подчеркнув, что бомбить нужно узлы дорог и опорные пункты. В ночь на 17 апреля соединения тяжелых ночных бомбардировщиков совершили 759 самолето-вылетов и сбросили 931 тонну бомб⁵.

17 апреля штурм Зеловских высот продолжался, хотя действия авиации были затруднены: оттепель вывела из строя некоторые грунтовые аэродромы, а из-за низкой облачности и туманов приходилось действовать в основном мелкими группами. Сбросить врага с Зеловских высот удалось только к утру 18 апреля. Тяжелая обстановка сложилась в полосе наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, где противник 14 раз переходил в контратаку. Новиков приказал Руденко направить сюда дополнительные силы штурмовиков. При помощи летчиков советские воины не только удержали свои позиции, но и продвинулись несколько вперед.

Во второй половине дня воздушная разведка вновь сообщила о выдвижении резервов из окрестностей Берлина. Александру Александровичу вновь пришлось звонить Жукову и согласовывать с ним вопрос об ударе с воздуха по резервам врага. После захвата Зелова настроение у командующего фронтом заметно поднялось.

— Ударьте! Ударьте, где гуще всего колонны, — охотно согласился он.

Вражеские группировки в районах Бидсдорфа и Мюнхеберга были рассеяны пикировщиками Пе-2, с новой силой разгорелись воздушные бои. Только 17 и 18 апреля

⁵ См.: 9 мая 1945 года. С. 311.

6-й гвардейский истребительный авиакорпус, который прикрывал танкистов генерала Д. Д. Лелюшенко, в 50 воздушных боях уничтожил 56 самолетов противника⁶.

В ночь на 18 апреля Ставка, учтя явно определившийся успех в полосе главного удара 1-го Украинского фронта, изменила боевую задачу танковым армиям. Им было приказано завершить прорыв тактической обороны противника и двигаться на Берлин. Новиков позвонил генералу Красовскому.

— Степан Акимович, — сказал он, — сделайте все, чтобы форсирование Шпре танкистами прошло без сучка и задоринки. Предусмотрите возможность контратак. Небо над Шпре для наших самолетов должно быть стерильным.

При непрерывной поддержке авиации танковые армии 1-го Украинского фронта стремительно двигались на Берлин. На четвертый день сражения наметился перелом и на 1-м Белорусском фронте. Наибольшего успеха добились правофланговые армии, и Новикову пришлось срочно перенацелить основные силы авиации на этот участок наступления. Штурмовики буквально по пятам преследовали фашистские войска и вывели из строя около 50 танков. Советские истребители провели 150 схваток, сбили 112 самолетов врага, потеряли 44 машины⁷.

Новиков постоянно анализировал обстановку на всех трех фронтах. 20 апреля войска маршала Жукова устремились к северо-восточной окраине Берлина, 61-я армия и 1-я армия Войска Польского быстро продвигались к Эльбе, шли бои в районе Котбуса и Шпремберга, части 2-го Белорусского фронта форсировали Одер. Отлично налаженная система управления авиацией по радио позволяла гибко маневрировать силами в воздухе и своевременно удовлетворять заявки общевойскового командования. Быстрое перенацеливание штурмовых авиагрупп на наиболее угрожаемые участки, высокая точность ударов с воздуха позволяли срывать вражеские контратаки.

Военную хитрость и тактическую грамотность проявил старший лейтенант В. В. Камушкин из 839-го штурмового авиаполка. При расширении плацдарма на восточном берегу Одера части 70-й армии были остановлены плотным огнем артиллерии. Возглавив группу из 22 штурмовиков, Камушкин вывел ее на цель со стороны тыла про-

⁶ См.: 9 мая 1945 года. С. 315.

⁷ См. там же. С. 319.

тивника. Первый удар штурмовики нанесли с ходу. Враг был застигнут врасплох. Перестроившись из колонны в круг, группа сделала еще четыре атаки, подавила огонь нескольких батарей, уничтожила склад боеприпасов и загнала фашистскую пехоту в укрытия. Под прикрытием штурмовиков советские воины после короткой схватки заняли важный опорный пункт.

22 апреля Жуков потребовал от командующих армиями, ведущими сражение за город, организовать круглосуточный бой. Задачи авиации усложнились, особенно в полосе, где наступали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Требовало постоянного внимания и развитие событий на 2-м Белорусском фронте. Несмотря на тщательную подготовку, поддерживать четкое взаимодействие между воздушными армиями было трудно. Новиков выяснил, что не налажена взаимная информация соседних армий, фланги которых примыкали друг к другу. Было решено четко определить границы зон действий авиации фронтов. 2-я воздушная армия стала громить врага юго-западнее, а 16-я — севернее и северо-восточнее Берлина. Это помогло улучшить связь между штабами и командными пунктами, преодолеть несогласованность.

Много волнений принесло Новикову решение командующего 2-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовского о переносе направления главного удара на правое крыло ударной группировки фронта, которое он принял к исходу 21 апреля. Чтобы совершить его, надо было в течение 40—50 минут выполнить сложный маневр нескольким авиадивизиям и авиакорпусам. С этой задачей блестяще справился командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин. Наносившая вспомогательный удар 65-я армия П. И. Батова, получив надежную авиационную поддержку, не только удержала плацдарм, но расширила и углубила его.

Командующий 65-й армией генерал П. И. Батов донес в штаб фронта: «Если бы не действовали штурмовики по контратакующим танкам, самоходным орудиям и живой силе противника, то в сложившейся обстановке вряд ли удалось бы удержать занимаемый плацдарм»⁸.

В эти дни в штабе 16-й воздушной армии с учетом опыта, полученного при штурме Кенигсберга, разрабатывался план воздушной операции «Салют». В его подготовке участвовала и оперативная группа штаба ВВС.

⁸ Цит. по: 9 мая 1945 года. С. 321.

План предусматривал несколькими мощными ударами с воздуха нарушить связь, разрушить основные оборонительные сооружения в городе и парализовать управление фашистскими войсками. Операция была рассчитана на двое суток. Новиков доложил план маршалу Жукову.

— Что ж, — сказал Георгий Константинович, — пора переходить к массированным ударам и в Берлине. Только помните о близости наших войск к объектам врага.

Первый удар по плану «Салют» был нанесен в ночь на 25 апреля. Свыше ста тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии сбросили на обнаруженные цели 90 тонн крупнокалиберных бомб.

Днем в налетах участвовали 1368 самолетов⁹, в том числе 560 пикирующих бомбардировщиков, экипажи которых поражали малоразмерные цели. Еще 700 боевых вылетов по объектам в южной части Берлина совершили «петляковы» 2-й воздушной армии.

Начало операции «Салют» совпало с новыми победами советских войск на земле. Перед самым вылетом дальних бомбардировщиков Новиков узнал, что войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов встретились у юго-восточной окраины Берлина и окружили основные силы 9-й и 4-й танковой армий противника. А 25 апреля встретились войска фронтов, наступавшие западнее столицы рейха. Берлинская группировка врага общей численностью более 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую. Добились успеха в тот день и войска 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Они вышли в районе Торгау на реку Эльба и встретились с передовыми частями 1-й американской армии. Фронт немецко-фашистских войск западнее Берлина оказался разорванным на северную и южную части.

— Надеюсь, сегодня салют будет еще ярче, — сказал Новикову Жуков.

— Летчики постараются оправдать надежды войск фронта, — ответил Новиков.

В ночь на 26 апреля количество бомбардировщиков 18-й воздушной армии, участвовавших в операции «Салют», было увеличено, 563 самолета сбросили 569 тонн бомб!

— За две ночи по 70 тонн на каждый квадратный ки-

⁹ См.: 9 мая 1945 года. С. 323.

лометр поражаемых объектов, — доложил Голованов Новикову. — Такого, по-моему, еще не бывало.

Советские истребители блокировали с воздуха окруженный Берлин и надежно прикрывали свои войска. Дым, пожары, пыль застилала город. Чтобы не ударить по своим, требовалось исключительное мастерство, и Новиков приказал посылать на задания только опытных летчиков, виртуозов штурмовых ударов, среди которых были Герои Советского Союза А. Н. Ефимов и М. П. Одинцов. Оба они открыли счет третьей сотне боевых вылетов, а вскоре стали кавалерами двух Золотых Звезд.

Утром 26 апреля Новиков получил данные воздушной разведки. Основные силы франкфуртско-губенской группировки, в которой насчитывалось 200 тысяч солдат и офицеров, свыше 2 тысяч орудий и минометов, 300 танков и САУ, сосредоточились в районе Тойпитц, Бриксхольц, Вендиш-Бухгольц, Хальбе. Намерения противника были видны невооруженным глазом.

— В случае успеха, — решил Александр Александрович, — гитлеровцы обязательно попытаются разорвать фронт окружения Берлина. Этого допустить нельзя.

Для ликвидации окруженной группировки по приказу Новикова, утвержденному маршалами Жуковым и Коневым, выделили значительные авиационные силы. Предусмотрено было и усиление авиации, действовавшей на направлении предполагаемого удара 12-й немецкой армии, которая пыталась деблокировать окруженную группировку врага. Сюда выделялась часть сил 2-й и 16-й воздушных армий, организовывалось непрерывное наблюдение с воздуха. Это позволило командованию фронтов своевременно усиливать слабые места внутреннего фронта окружения и широко использовать сосредоточенные удары своих бомбардировщиков и штурмовиков. Привлекались и истребители. Попытки противника пробиться потерпели неудачу.

При форсировании Одера, захвате и расширении плацдармов войсками 2-го Белорусского фронта летчики 4-й воздушной армии не раз видели самолеты-снаряды, которые представляли собой неуклюжие гибридные конструкции, состоявшие из беспилотных бомбардировщиков, начиненных взрывчаткой, и истребителя, летчик которого пилотировал всю эту систему. Точность ударов самолетами-снарядами была очень низкой, но Новиков приказал сбить такую машину, чтобы еще раз изучить ее во всех деталях. 24 апреля летчик 263-го истребительного авиа-

полка старший лейтенант В. С. Петкевич выполнил приказ. Предположение командующего ВВС оправдалось. Самолет-снаряд оказался бомбардировщиком «хеншель», начиненным взрывчаткой. В тот же вечер состоялся разговор с маршалом Жуковым.

— Может быть, на удар ответить ударом? — предложил Новиков. — Наши самолеты, вооруженные снарядами десять-икс, — в полной боеготовности.

Георгий Константинович вопросительно посмотрел на заведующего авиационным отделом ЦК ВКП(б), члена Военного совета ВВС генерала Н. С. Шиманова, который присутствовал при разговоре.

— Решение об этом оружии массового поражения уже принято, — сказал Николай Сергеевич ¹⁰.

— Следовательно, возвращаться к нему не следует, — поставил точку Жуков. — У нас достаточно и обычного вооружения, чтобы окончательно разгромить гитлеровские армии.

— Хорошо, — согласился Новиков. — Повысим интенсивность налетов на позиции немцев с обычным вооружением.

В ходе наступления войск фронтов к центру Берлина, которое началось 26 апреля с массированных ударов бомбардировщиков и штурмовиков, Новикову пришлось координировать боевые действия 2, 16 и 18-й воздушных армий, не выпуская из виду и массированные вылеты экипажей 4-й воздушной армии. К тому времени истребители не только прикрывали сухопутные войска от воздушного противника, но и успешно блокировали город с воздуха. К вечеру следующего дня Новикову стало известно, что, потеряв все аэродромы в Берлине, немецкое командование готовится использовать для взлетно-посадочных полос Шарлоттенбургерштрассе и главную аллею в парке Тиргартен.

— Сергей Игнатьевич, — обратился Новиков к Руденко. — Вспомните операцию «Кольцо», проведенную в Сталинграде. Тогда мы не выпустили из окружения Паулюса, теперь надо не допустить вылета самого Гитлера.

— Не допустим, Александр Александрович, — ответил Руденко. — Генерал Савицкий уже сделал почин: только что сбил двухместный связной самолет, взлетавший прямо от имперской канцелярии.

К этому времени танкисты 1-го Белорусского фронта

¹⁰ См.: Шахурин А. И. Крылья победы. С. 197.

захватили в Берлине несколько вражеских аэродромов. С разрешения Новикова на них сразу же стали перебазироваться истребительные авиаполки 16-й воздушной армии. 28 апреля на аэродром Темпельгоф первым приземлился командир 515-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза подполковник Г. В. Громов со своим ведомым лейтенантом Ю. Т. Дьяченко. Еще на подходе к аэродрому они были обстреляны из зениток, а когда приземлились, начался минометный огонь. Летчиков выручили артиллеристы. Через несколько часов уже весь полк вел боевую работу с этого аэродрома.

На другой день на аэродром Темпельгоф прилетели главный маршал авиации Новиков и генерал Руденко. После знакомства с летчиками полка, задачами, которые они выполняют, Новиков и Руденко осмотрели летное поле, забитое трофейной техникой, в том числе и реактивными самолетами. Этот полет стал предметом разговора с генералом Шимановым.

— Не вижу необходимости так рисковать, — сказал он Новикову. — Вы же командующий ВВС Красной Армии.

Александр Александрович удивленно посмотрел на члена Военного совета ВВС.

— При чем тут риск? — сказал он. — Я должен был поближе познакомиться с реактивной техникой немцев, у нее большое будущее. Это раз. Во-вторых, надо было встретиться и поговорить с летчиками, которые выполняют задания над центром Берлина.

— Все это можно было сделать в другом месте, — не уступал Шиманов. — Там же стреляют.

— На войне всегда стреляют, — ответил Новиков. — Разве не рискуют командиры авиакорпусов, находящиеся в боевых порядках наступающих танкистов? Или те, кто водит на боевые задания группы самолетов? Да и вы, дорогой Николай Сергеевич, сами не любите отсиживаться на КП фронта. Кто только что вернулся из Альтерсгова? Или там не стреляют?

Шиманов на это ничего не ответил. На том разговор и закончился.

29 апреля противодействие гитлеровцев снова возросло. В 67 воздушных боях наши истребители уничтожили 46 самолетов врага. Успеху способствовала новинка в управлении авиацией, предложенная Новиковым. Накануне Берлинской операции в 16-й воздушной армии была соз-

дана централизованная система радиолокационных узлов наведения, сыгравшая большую роль.

29 и 30 апреля бои в Берлине приняли особо ожесточенный характер. Новиков большую часть времени находился на командном пункте 16-й воздушной армии. Он знал, что противник отчаянно сопротивляется, упорно цепляясь за каждый квартал, дом и этаж, то и дело переходит в контратаки. Он приказал усилить удары с воздуха, чтобы помочь штурмовым отрядам продвинуться вперед, но еще раз напомнил о близости своих войск. Последние вылеты пикировщиков он разрешил для удара по району Маобит и резиденции Гимmlера на восточном берегу Шпре. Аэрофотосъемка зафиксировала несколько прямых попаданий крупнокалиберных бомб в обе цели.

«Наши части, — вспоминает о тех днях С. И. Руденко, — настолько сблизились с противником в центре Берлина, что мы отменили боевые вылеты, опасаясь ударить по своим. Командиры наземных войск, однако, просили прислать их, убеждали нас: «Пусть они не бомбят и не стреляют, а пройдут раз-другой на бреющем над фашистами. Услышав гул, они прячутся, перестают вести огонь. Нам это только и нужно, чтобы ворваться в опорный пункт». Пришлось разрешить холостые вылеты штурмовиков, которые одним своим появлением наводили на немцев ужас»¹¹.

30 апреля Новикову позвонил командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский.

— Прошу от имени летчиков второй воздушной армии, — сказал он, — разрешения сбросить над Берлином Первого мая красные знамена с надписями в честь нашей Победы и международного праздника солидарности всех трудящихся мира.

— Хорошая мысль, — ответил Новиков. — Но не забывайте об осторожности. Хотя с авиацией противника покончено, в последний момент всякое может случиться.

— Прикрытие знаменам будет надежное, — заверил Красовский.

С утра 1 Мая над Берлином то и дело моросил весенний теплый дождик. Над поверженным рейхстагом гордо реяло Знамя Победы, но в различных районах города еще гремели выстрелы. В полдень в небе Берлина появились советские истребители, принесшие на своих крыльях нашим бойцам первомайский привет Родины. Отважные

¹¹ Руденко С. И. Крылья Победы. С. 368.

летчики гвардии капитан В. Новоселов и майор Н. Малиновский в сопровождении 16 истребителей под командованием дважды Героя Советского Союза А. Ворожейкина в составе Героев Советского Союза В. Буянова, И. Лавейкина, П. Пескова и других над площадью у рейхстага сбросили два красных полотнища. На одном из них было начертано: «Да здравствует 1 Мая!» На другом ярко выделялось слово «Победа», а на оборотной стороне — «Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!». Полотнища опустились точно по назначению. Их бережно приняли воины полка, которым командовал полковник М. Ф. Зинченко.

Вечером Новиков вместе с генералом Савицким поехал в 19-й Краснознаменный авиаполк, ставший 176-м гвардейским, поздравил летчиков с окончанием боев за Берлин, а генерал Савицкий передал полку трофейное знамя, которое подарили авиаторам наземные войска.

К исходу 2 мая Берлин был полностью занят советскими войсками. Новиков в это время находился в штабе 2-й воздушной армии, где полным ходом шла разработка плана авиационного обеспечения Пражской наступательной операции. Для действий на главном направлении наступления войск 1-го Украинского фронта были выделены основные силы 2-й воздушной армии. Кроме прикрытия войск, обеспечения переправы через Эльбу и массированных ударов по живой силе и технике врага перед авиацией была поставлена задача не дать противнику возможности маневрировать по железным дорогам, практически выключить все крупнейшие железнодорожные узлы вокруг Праги.

Берлинская операция закончилась 7 мая выходом войск 1-го Белорусского фронта на Эльбу. Советские летчики под руководством Новикова и командования воздушных армий уничтожили и вывели из строя 400 танков и САУ, 100 бронетранспортеров, 10 тысяч автомашин, 1750 полевых и зенитных орудий, взорвали 230 складов боеприпасов и разрушили 14 переправ. За это же время летчики 4, 16 и 2-й воздушных армий провели 1317 воздушных боев и сбили в них 1172 вражеских самолета, 100 самолетов было уничтожено на аэродромах¹². Но хотя и велико было наше превосходство в воздухе, а сама битва сравнительно короткой, однако и советская авиация потеряла 527 самолетов.

¹² См.: 9 мая 1945 года. С. 324.

Утром 8 мая 1945 г. главный маршал авиации А. А. Новиков отдал один из последних приказов на советско-германском фронте, в котором командующему 16-й воздушной армией генералу С. И. Руденко предписывалось выделить 18 наиболее опытных летчиков-истребителей для выполнения особого задания. Выбор пал на 515-й истребительный авиационный полк. Возглавляемые майором М. Н. Тюлькиным, летчики непосредственным сопровождением прикрывали перелет с аэродрома Стендаль в Берлин английской, французской и американской делегаций.

12 мая Новиков вылетел в Москву. Подготовка к войне с милитаристской Японией набирала темпы. Ему предстояло решить массу проблем, связанных с перебазированием авиационных соединений с Запада на Дальний Восток, изучением нового театра военных действий, проработкой вопросов стратегического применения Военно-воздушных сил в боевых действиях против японских милитаристов.

Советский Союз не мог считать обеспеченной свою безопасность на Дальнем Востоке, пока там полыхал военный пожар. Решающее значение вступления СССР в войну против Японии признавали и наши союзники. Они считали, что их вооруженных сил недостаточно для быстрой победы над японским агрессором. Цель вступления СССР в войну заключалась в том, чтобы, выполняя союзническое обязательство по Ялтинскому соглашению, ускорить капитуляцию Японии и приблизить конец второй мировой войны в интересах народов антигитлеровской коалиции и всего прогрессивного человечества¹³.

План перегруппировки авиационных сил в соответствии с указаниями Генерального штаба был разработан командованием и штабом ВВС еще в апреле 1945 г., затем обсужден на заседании Военного совета ВВС. Исполнительная директива командующего ВВС на осуществление перегруппировки была подписана 24 июня. Согласно этой директиве по воздуху перебазировались 6-й бомбардировочный авиакорпус генерала И. П. Скока, 7-й бомбардировочный авиакорпус генерала В. А. Ушакова, управление и штаб 190-й отдельной истребительной авиадивизии полковника В. В. Фокина, а также 54-я транс-

¹³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 473, 479.

портная и 21-я гвардейская транспортная авиадивизии (командиры генералы В. А. Щелкин и И. М. Горский)¹⁴. Одновременно продолжались мероприятия по укомплектованию и пополнению новыми самолетами авиационных частей и соединений воздушных армий, расположенных на Дальнем Востоке.

30 июля 1945 г. было создано Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Членом Военного совета Ставка назначила генерала И. В. Шикина, начальником штаба — генерала С. П. Иванова. Главкомандующим монгольскими войсками стал маршал МНР Х. Чойбалсан. Действия сил ВВС и ВМФ координировали главный маршал авиации А. А. Новиков и адмирал флота Н. Г. Кузнецов.

В состав полевого штаба командующего ВВС вошли генералы и офицеры Н. П. Дагаев, Б. В. Стерлигов, В. Л. Успенский, Н. Ф. Андрианов, М. Н. Кожевников, П. Ф. Коротков, И. И. Жданов, П. А. Колесников, Л. И. Смирнов. Это были испытанные на многих фронтах, грамотные специалисты. В полевом штабе командующего ВВС, как и в штабе ВВС Красной Армии, существовало незыблемое правило: «Работа коллективная, ответственность индивидуальная». Это правило родилось еще на Северном фронте в начале войны и стало стилем работы в органе оперативного руководства ВВС с назначением А. А. Новикова на должность командующего ВВС.

Советская авиационная группировка на Дальнем Востоке включала 12-ю воздушную армию Забайкальского фронта (командующий маршал авиации С. А. Худяков), 9-ю воздушную армию 1-го Дальневосточного фронта (генерал И. М. Соколов), 10-ю воздушную армию (генерал П. Ф. Жигарев), 19-й бомбардировочный авиационный корпус 18-й воздушной армии (командир генерал Н. А. Волков), ВВС Тихоокеанского флота (командующий генерал П. Н. Лемешко)¹⁵. Советские и монгольские войска превосходили противника: в людях — почти в 2 раза, в орудиях — в 4, в танках и самоходно-артиллерийских установках — в 7 и в самолетах — в 2,5 раза¹⁶.

¹⁴ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 221.

¹⁵ См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 223.

¹⁶ См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974. С. 422.

Боевые действия военно-воздушных сил Дальнего Востока с учетом опыта, накопленного на советско-германском фронте, планировалось вести в форме авиационного наступления. Перед фронтовой авиацией и корпусом дальней авиации стояли следующие боевые задачи: завоевать господство в воздухе и надежно прикрыть от ударов с воздуха главные группировки войск фронтов; ударами по железнодорожным объектам, эшелонам и автоколоннам сорвать маневр резервами противника; содействовать сухопутным войскам при прорыве системы укрепленных районов и развитии успеха в глубину; ударами по штабам и узлам связи нарушать управление войсками; систематически вести разведку. Ни одна из этих задач не была в новинку ни для Новикова, ни для его полевого штаба. Все они успешно решались на советско-германском фронте.

К лету 1945 г. только поездок на фронт в качестве представителя Ставки по авиации у главного маршала авиации А. А. Новикова насчитывалось около десяти, и ни одна из них им не была забыта. Обладая феноменальной памятью, он держал в уме сотни вариантов использования Военно-воздушных сил в самых различных условиях. Однако ни один из них в полной мере не подходил к Дальневосточному театру военных действий. Требовался новый подход к решению поставленных задач.

Творческая жилка была характерной чертой натуры Новикова. Она получила дальнейшее развитие в ходе подготовки и проведения военной кампании на Дальнем Востоке. Предпосылкой и фундаментом его решений был богатейший опыт, накопленный на советско-германском фронте. Анализируя соотношение сил противоборствующих сторон, специфику условий, в которых ВВС предстояло обеспечивать боевые действия трех фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, Новиков прежде всего обратил внимание на разобщенность операционных направлений, исключительно широкие полосы наступления общевойсковых армий. Если на Европейском театре наступательные операции группы фронтов разворачивались в полосе шириной 300—1100 километров, то здесь протяженность Забайкальского фронта по государственной границе составляла 2300 километров, 2-го Дальневосточного — 2130 и 1-го Дальневосточного — 700 километров.

Чтобы использовать авиацию массированно и на главных направлениях, Новиков, исходя из замысла Ставки,

решил большую часть стратегического резерва направить на Забайкальский фронт, которому предстояло играть основную роль в разгроме квантунской группировки врага. К этому времени 12-я воздушная армия получила на усиление два бомбардировочных корпуса, две транспортные и одну истребительную дивизию, увеличила свой боевой состав более чем вдвое, а по бомбардировщикам — втрое¹⁷. Бомбардировочной авиации армии была поставлена задача парализовать работу важнейших железнодорожных и автомобильных коммуникаций и изолировать район боевых действий от притока резервов противника, а дивизиям штурмовиков — поддерживать войска на поле боя. Основные силы 10-й воздушной армии привлекались к поддержке войск 2-го Дальневосточного фронта при форсировании реки Амур и наступлении на сунгарийском направлении. Командованию 9-й воздушной армии Новиков приказал основное внимание уделить поддержке войск на поле боя, поскольку 1-й Дальневосточный фронт прорывал полосу мощных укрепрайонов на приморско-маньчжурском направлении.

Проверяя подготовку авиационных частей и соединений, Новиков побывал на большинстве аэродромов, беседовал с авиаторами, уточнил задачи. Как всегда, много внимания он уделял организации взаимодействия ВВС с наземными войсками. Под его руководством штабы воздушных армий совместно со штабами фронтов, общевойсковых и танковой армий детально разработали планы взаимодействия, единые кодированные карты, радиосигналы и переговорные таблицы, сигналы взаимопознавания войск и авиации. В танковую и общевойсковые армии, которым предстояло наступать на главных направлениях, были выделены оперативные группы из офицеров штабов воздушных армий. Они должны были осуществлять вызов авиации с аэродромов и управление ею над полем боя, согласовывать с общевойсковым командованием вопросы взаимодействия в ходе операции, информировать командующего и штаб о складывающейся в районе их нахождения наземной и воздушной обстановке. В стрелковые и танковые дивизии от авиасоединений были направлены авианаводчики.

Закончилась подготовка к стратегической операции перегруппировкой сил воздушных армий ближе к государственной границе. Широкая сеть ложных аэродромов,

¹⁷ См.: *Авиация и космонавтика*. 1985. № 9. С. 20.

перелеты небольшими группами при полном радиомолчании, тщательная маскировка и рассредоточение техники держали противника в неведении об истинных замыслах советского командования. Сыграла в этом деле свою роль и своеобразная «маскировка» руководящего состава Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. Главный маршал авиации Новиков, например, прибыл к месту боевых действий в воинском звании на две ступени ниже действительного. Временные воинские звания и вымышленные фамилии имели все командующие фронтами, члены военных советов. Противник, конечно, узнал о ряде новых назначений в советских войсках, но ему так и не удалось разгадать (об этом свидетельствовали на допросах японские генералы), кто именно прибыл на Дальний Восток.

В семейном архиве Новиковых хранится фотография, помеченная августом 1945 г. На ней Александр Александрович запечатлен вместе с сыновьями Львом и Юрием в форме... генерал-полковника авиации.

— В этом звании, — вспоминает Лев Александрович, — папа ходил, если память не изменяет, больше месяца, но в Москву после победы над Японией он вернулся как положено, главным маршалом авиации.

8 августа 1945 г. японскому послу в Москве было передано заявление Советского правительства о том, что в связи с отказом японского правительства прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. В заявлении Советского правительства указывалось, что этот шаг был «единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»¹⁸.

Начало наступления советских войск в ночь на 9 августа было необычным. Чтобы обеспечить внезапность, атака производилась без артиллерийской и авиационной подготовки. Но Военно-воздушные силы не остались «безработными». С началом действий войск по приказу Новикова поднялись в воздух и наши самолеты. 76 экипажей

¹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1947. Т. 3. С. 363.

Ил-4 19-го бомбардировочного авиакорпуса нанесли удары по военным объектам в Чанчуне и Харбине. На расвете Новиков приказал приступить к поддержке и прикрытию ударных группировок, а также к ведению воздушной разведки.

— Выпускайте самых подготовленных, — говорил он командующим воздушными армиями, — и небольшими группами. Наземные войска должны постоянно чувствовать авиационную поддержку, нам нужно знать обстановку по ту сторону линии фронта.

Дело в том, что до начала боевых действий советская авиация не имела возможности вести воздушную разведку. Поэтому, как только была объявлена война, Новиков приказал для ее выполнения привлечь не только разведывательные части и подразделения, но и почти треть бомбардировочной и штурмовой авиации, часть истребителей. Это было новинкой в оперативно-тактическом использовании Военно-воздушных сил. Высокая интенсивность разведки с воздуха обуславливалась необходимостью вскрытия многих объектов, данными о которых советское командование не располагало.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, наша авиация в течение 9 августа выполнила до 2 тысяч самолето-вылетов¹⁹. Она действовала по войскам и технике противника на поле боя и в районах их сосредоточения, а также по железнодорожным станциям и опорным пунктам Хайлар, Солунь, Хайшуйтан, Учагоу, Хутоу, по плавсредствам на реке Сунгари и аэродромам противника.

Удары советских войск оказались для противника полной неожиданностью — меры по строгому соблюдению скрытности перегруппировок и сосредоточения сил дали свой результат. С фронтов стали поступать сведения о том, что враг оказался не в состоянии сдержать натиск наступавших с многих направлений группировок, хотя и бросил в бой все наличные силы, не считаясь с потерями.

Высокий темп продвижения войск потребовал передачи разведанных с борта самолетов по радио, что было предусмотрено при подготовке к операции. Повсеместное внедрение радиосвязи, проведенное еще в 1943 г., помогло экипажам воздушных разведчиков справиться с этой задачей.

¹⁹ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 428.

10 августа командующий 12-й воздушной армией маршал авиации Худяков доложил Новикову о мужестве летчика 821-го истребительного авиаполка младшего лейтенанта В. Н. Молоканова. Выполняя задание по разведке японских войск в районе Хайлара и установлению пригодности аэродромов для посадки своих самолетов, он проявил смелость и решительность. Под прикрытием с воздуха группы истребителей Молоканов совершил посадку на вражеском аэродроме, осмотрел посадочную полосу, уточнил сведения о японских войсках в данном районе, благополучно совершил взлет и доставил командованию важные сведения.

Через два дня пришло сообщение из 96-й штурмовой авиадивизии от подполковника И. А. Кочергина о подвиге лейтенанта Юрченко (в сообщении инициалов нет. — *Ред.*). При полете на «свободную охоту» он шел ведомым командира 75-го штурмового авиаполка майора С. А. Черных. При атаке вражеского бронепоезда самолет ведущего был подбит, и летчик совершил вынужденную посадку на территории врага. Приземлившись рядом, Юрченко забрал командира на борт своего самолета и благополучно возвратился на аэродром.

— Вот и не нюхавшие пороху летчики, — говорил Новиков, читая донесения, — а ведут себя как настоящие фронтовики.

В течение первых пяти суток операции советские наземные войска в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами разгромили приграничные части врага, продвинулись на сотни километров вперед. Новиков постоянно требовал наносить по укрепленным районам врага мощные сосредоточенные удары. Бомбардировщики действовали группами по 90—100 самолетов, штурмовики наносили удары эшелонированно. Истребители, захватив господство в воздухе, надежно прикрывали наступающие войска.

Много хлопот доставило Александру Александровичу быстрое продвижение вперед 6-й гвардейской танковой армии. Уже на четвертый день наступления ее части, обходя узлы сопротивления японцев, преодолели Большой Хинган и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Темн продвижения танкистов превзошел все ожидания. Это радовало Новикова, но в глубине души он был недоволен собой.

— Почему не учел опыт Белорусской операции? — упрекал он себя. — Тогда авиации тоже пришлось дого-

нять наземные войска. А тут еще одна заковыка — истребители и штурмовики прикрыть танкистов не могут: мал радиус действия...

Новиков принял смелое, но рискованное решение, приказав осуществить авиационную поддержку только силами бомбардировочной авиации. Бомбардировщики нанесли удары по укрепленным районам, узлам сопротивления, подходящим резервам, отходящим колоннам, железнодорожным станциям и интенсивно вели воздушную разведку.

Оригинальностью отличались решения Новикова и по применению военно-транспортной авиации в интересах передовых отрядов и 6-й гвардейской танковой армии, глубоко вклинившихся в южную и центральную части Маньчжурии и оторвавшихся от баз снабжения. При разработке плана операции по его совету для обеспечения наземных войск были специально выделены транспортные авиадивизии и полки. Но темп продвижения танкистов оказался выше расчетного. И Новиков приказал наладить бесперебойную работу воздушного моста. Транспортники отлично справились с поставленной задачей. Ежедневно от 90 до 100 самолетов летали через Большой Хинган, доставляя материальные средства 6-й танковой армии. Всего было совершено 1755 самолето-вылетов и перевезено около 2 тысяч тонн горючего и 186 тонн боеприпасов²⁰.

Однако на отдельных участках и направлениях противник оказывал упорное сопротивление, делал попытки перейти в контрнаступление. Так случилось в боях за Муданьцзян, которые продолжались пять дней. 16 августа стал самым тяжелым днем для войск 1-й Краснознаменной и 5-й армий. Противник, сосредоточив значительные силы пехоты и танков, непрерывно и сильно контратаковал. Видя это, Новиков приказал командующему 9-й воздушной армией перенацелить в этот район 252-ю штурмовую авиационную дивизию. Командир дивизии подполковник В. Х. Макаров грамотно решил поставленную задачу: непрерывными эшелонированными действиями по артиллерии, танкам и пехоте врага штурмовики оказали помощь наземным войскам. Кроме того, чтобы предупредить дальнейшее сосредоточение вражеских войск в районе Муданьцзян, Хайлин, Мингута,

²⁰ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 431.

генерал И. М. Соколов организовал ряд сосредоточенных ударов силами штурмовиков и бомбардировщиков. Совместными усилиями сухопутных войск и авиации противник был окончательно разгромлен.

Эффективным был массированный удар силами 108 бомбардировщиков по узлам сопротивления Дуннинского укрепленного района. После этого удара укрепленный район был взят, гарнизон японских войск капитулировал. При осмотре местности после ее занятия наземными войсками было обнаружено разрушение четырех дотов, двух дзотов, склада боеприпасов, двух траншей и двух подземных ходов сообщения.

— Дальневосточный Кенигсберг, — задумчиво сказал генерал Соколов.

— Пожалуй, да, — ответил Новиков. — Штурмовики свою задачу выполнили в том и другом случае блестяще.

Господство в воздухе советскими летчиками было завоевано в первый день операции. Отсутствие серьезного противодействия японской авиации и зенитной артиллерии позволило организовать полеты бомбардировщиков и штурмовиков на средних и малых высотах, увеличить время их нахождения над целью, повысить точность ударов. Эта сторона боевых действий авиации уже не беспокоила Новикова, поэтому все его внимание было переключено на обеспечение транспортных операций, подготовку и выброску воздушных десантов для захвата с воздуха важных пунктов и обеспечения этих десантов боевыми материальными средствами для их действий.

Воздушные десанты было решено высадить в крупных городах Маньчжурии — Чанчуне, Мукдене, Харбине, Дайрэне, Порт-Артуре. Десантники должны были захватить аэродромы, железнодорожные узлы, склады оружия и быстро разоружить местные гарнизоны. Помня об ошибках в организации воздушных десантов под Москвой, Новиков лично участвовал в подготовке экипажей 21-й гвардейской и 54-й транспортных дивизий к этим операциям, добивался того, чтобы десантные группы действовали в тесном содружестве с боевой авиацией.

С особой тщательностью готовился десант в легендарный Порт-Артур. Его возглавил заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенант В. Д. Иванов. 12-я воздушная армия обеспечила пере-

броску, прикрытие десанта в воздухе и высадку на аэродроме противника.

— При подходе к Порт-Артуру, — доложил Новикову маршал авиации Худяков, — японские истребители несколько раз пытались подойти к нашим транспортным самолетам, но, увидев мощное прикрытие, уходили в сторону. Истребители прикрытия разогнали японцев, пытавшихся обстрелять транспортные самолеты при заходе на посадку. Дерзкие и четкие действия десантников обеспечили сохранность промышленных предприятий, электростанций, сооружений связи, железных дорог и многих военных объектов, позволили быстро восстановить в городе порядок.

Захват важных административно-политических и промышленных центров передовыми отрядами сухопутных войск и воздушными десантами окончательно дезорганизовал управление войсками и резервами противника. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, японцы прекратили боевые действия и начали складывать оружие. 2 сентября 1945 г. правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции.

В одном из донесений разведотдела тех дней Александр Александрович Новиков натолкнулся на любопытное признание американского генерала К. Ченполта, командовавшего тогда ВВС США в Китае. Ченполт заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени»²¹.

Война на Дальнем Востоке закончилась, а вместе с ней закончилась и вторая мировая война. Советские летчики под руководством А. А. Новикова, используя богатый опыт войны с фашистской Германией, оказали действительную помощь сухопутным войскам в разгроме Квантунской армии. При решении сложных задач на специфическом театре военных действий с новой силой проявились полководческий талант командующего ВВС Красной Армии, его умение правильно оценить обста-

²¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. С. 594.

новку, найти неординарное решение, претворить его в жизнь.

В ходе всей операции Военно-воздушные силы являлись главным средством ведения разведки и важным средством десантирования и транспортировки войск и грузов. За время операции было перевезено по воздуху 16 500 солдат и офицеров, около 2780 тонн горючего, 563 тонн боеприпасов и 1496 тонн различных грузов²².

Под руководством Новикова авиация в руках советского командования являлась мощным и наиболее маневренным средством вооруженной борьбы, оказавшим существенное влияние на ход и исход военных действий против миллионной армии противника. 8 сентября 1945 г. полководческий талант главного маршала авиации А. А. Новикова был отмечен второй медалью «Золотая Звезда».

²² См.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 233.

СУДЬБЫ КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Закончилась война, на землю пришел долгожданный мир, но не закончились суровые испытания советского народа. Перед ним встала неотложная и крайне грудная задача: в кратчайший срок восстановить пострадавшие от войны районы, достичь довоенного уровня развития народного хозяйства, а затем и превзойти его, чтобы повысить материальное благосостояние и культурный уровень советских людей.

Вернувшись с Дальнего Востока, полный сил, энергии сорокапятилетний главный маршал авиации ушел с головой в работу. Начавшееся сокращение Вооруженных Сил породило массу проблем, потребовало новой перестройки ВВС. Прежде всего нужно было позаботиться о сохранении и поддержании постоянной боевой готовности всех авиационных частей и соединений, проанализировать громадный опыт минувшей войны, поставить его изучение и внедрение на научную основу, сделать правильные выводы и наметить пути развития всех родов авиации.

Много хлопот возникло при создании отечественной реактивной техники. Очень метко сказал о событиях, предшествовавших этому, авиакопструктор А. С. Яковлев, отвечавший в годы войны за опытное самолетостроение: «...копструкторы не раз говорили о том, что откладывать развертывание перспективных работ не следует, особенно в области реактивной техники. Еще в конце войны мы неоднократно ставили этот вопрос в нар-

комате. Однако каждый раз нам отвечали, что главное сейчас — обеспечить выпуск максимального количества боевых самолетов, удовлетворяющих по своим качествам фронт, а «перспектива подождет»¹.

До поры до времени перспектива ждала. Но знакомство с трофейной реактивной и ракетной техникой, изучение состояния дел в наших конструкторских бюро окончательно убедили Новикова в реальности перспектив развития авиационной техники на принципиально новой основе. На декабрьском (1945 г.) совещании в ЦК он поддержал А. С. Яковлева, предложившего закончить доводку первых советских реактивных самолетов Як-15 и МиГ-9 и запустить их в серийное производство.

— Если не подведете, — сказал на это Сталин, — сделаете машины в срок — пустим их на Тушинском параде².

Во второй половине 1945 г. семью Новиковых постигло горе — умерли отец и мать Александра Александровича. Тяжело было переживать, но напряжение, с каким Новиков работал в те дни, было под стать фронтовому. Времени для переживаний просто не хватало: каждые сутки расписывались буквально по минутам. Чувство долга, ответственности за порученное дело у него было развито до высшего предела.

10 февраля 1946 г. А. А. Новиков был избран депутатом в Совет Союза Верховного Совета СССР по Особому избирательному округу. На одном из предвыборных собраний он встретился с братом Валентином, который закончил войну старшим инженером авиаполка, майором.

— Академию я не потяну, — сказал Валентин Александрович, — думаю вернуться в Кострому, поближе к родному дому.

— Пиши рапорт по команде, — ответил старший брат.

У них не было даже мысли о том, чтобы использовать служебное положение Новикова-старшего для подбора «теплого местечка» Валентину. Тот «от звонка до звонка» провел на фронтовых аэродромах, а после увольнения в запас до выхода на пенсию работал в Костромском авиаотряде ГВФ.

¹ Яковлев А. С. Цель жизни. С. 419.

² См.: Яковлев А. С. Цель жизни, С. 422.

Александр Александрович делал все возможное, стараясь подготовить МиГ-9 и Як-15 к летным испытаниям ранней весной 1946 г. И не только для того, чтобы они участвовали в Первомайском воздушном параде. Нужно было спешить по более важной причине. С Запада потянул ветер «холодной войны», что заставило ускорить дело. 24 апреля 1946 г. летчик-инженер А. Н. Гринчик совершил первый успешный полет на МиГ-9. Затем был облетан Як-15, который пилотировал летчик-испытатель М. И. Иванов. Эра реактивной авиации в стране началась. Однако Новиков в этом историческом событии уже не участвовал. В ночь на 23 апреля он был арестован. Такая же участь постигла членов Военного совета ВВС Н. С. Шиманова, А. И. Шахуринна, А. К. Репина...

Разбирательство велось торопливо. Особых доказательств вины не требовалось. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР А. А. Новиков был осужден на пять лет лишения свободы. Различные сроки тюремного заключения получили другие арестованные члены Военного совета ВВС. Снисхождения никому не было, старые заслуги не учитывались. Указом Президиума Верховного Совета СССР Новиков был лишен воинского звания главный маршал авиации, звания дважды Героя Советского Союза, орденов и медалей.

В дневнике-воспоминаниях А. А. Новикова есть запись, которая высвечивает еще одну сторону этого судебного процесса.

«Вопрос о состоянии ВВС был только ширмой, — напишет он многие годы спустя. — Арестовали по делу ВВС (следователь Лихачев), а допрашивали в основном о другом. Им нужен был компрометирующий материал на одного из Маршалов Советского Союза (речь идет о Г. К. Жукове). Допрос шел с 22 по 30 апреля ежедневно. Потом с 4 по 8 мая. Был я у Абакумова не менее семи раз как днем, так и ночью, но не помню, чтобы там не было следователя Лихачева, который любил повторять: «Был бы человек, статейка найдется». Методы допроса Абакумова: оскорбления, провокации, угрозы, доведение человека до полного изнеможения морально и физически...»

Без малого шесть лет строгой изоляции в следственной тюрьме! Потом он назовет их иронично «полным курсом сталинской академии», а в дневнике-воспоминаниях запишет две понравившиеся ему фразы из книги

Рудольфа Петерсхагена «Мятежная совесть»: «Полная изоляция хуже угроз и пыток» и еще: «Невиновный не просит о помиловании и не бежит, а требует справедливости». Но требовать было бесполезно. Осужденный на пять лет, Новиков пробыл в заключении до февраля 1952 г. И. В. Сталин еще был жив, его мнительность не анала предела. Справедливость восторжествовала только в мае 1953 г., когда «дело Новикова» было пересмотрено, судимость снята. 2 июня того же года вышло постановление Президиума ЦК КПСС о полной реабилитации по сфальсифицированному на него делу. 29 июня 1953 г. главный маршал авиации А. А. Новиков был назначен командующим дальней авиацией.

Кругой поворот в судьбе коммуниста Новикова произошёл в знаменательное время. Боевые реактивные самолеты стали основным оружием Военно-воздушных сил. Неузнаваемо изменились и сами ВВС. По сравнению с заключительным периодом войны их удельный вес в Вооруженных Силах возрос более чем в три раза³. Фронтная авиация стала реактивной, сверхзвуковой, ракетноосной. Существенные изменения произошли и в техническом оснащении дальней авиации.

Как далеко шагнула техника! Как выросли люди! Начинать в новой должности пришлось, по сути, с азов. Человек творческого ума, исключительного трудолюбия, Новиков немедленно взялся за изучение всего, что появилось в военном деле за последние годы. Без глубоких знаний, научного подхода к делу он не мыслил служить тому, что считал своим призванием, целью жизни. Времени было в обрез. Он не щадил ни сил, ни здоровья. Международная обстановка обострялась. Правящие круги империалистических государств во главе с США стали открыто проводить политику подготовки новой мировой войны. Феноменальная память, внутренняя дисциплинированность и исключительная собранность помогли Новикову. При этом надо иметь в виду, что его назначение на должность командующего дальней авиацией совпало с началом ее перевооружения на реактивную технику. Многие авиационные части, а вместе с ними и Александр Александрович осваивали дальний бомбардировщик Ту-16, имевший скорость около 1000 километров в час и дальность около 5760 километров⁴.

³ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР М., 1968. С. 485.

⁴ См.: Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР 1938—1950 гг. М., 1978. С. 350.

Новиков ценил каждую свою минуту, не тратил попусту и время подчиненных. Его учебным классом часто становился салон специального самолета, который одновременно был также воздушным извозчиком. Летать приходилось много. Как и в годы войны, он старался бывать там, где происходили самые важные события, где решался успех дела. Он снова был в родной стихии. Только заниматься вопросами оперативного и стратегического применения авиации пришлось на совершенно новой основе. В начале 1954 г. личный состав Советских Вооруженных Сил приступил к плановому изучению атомного оружия и способов боевых действий в условиях его применения. К тому времени наша страна уже располагала ядерным оружием различной мощности, в том числе водородными бомбами, а также экспериментальными данными о разрушительной и поражающей силе нового оружия⁵.

В напряженном труде время летело незаметно, по жизнь брала свое. Александр Александрович встретил человека, которого ему так не хватало в личной жизни. У них оказалось много общего. Тамара Потаповна Фомина, ставшая вскоре Новиковой, пришла в армию в годы Великой Отечественной войны, окончила Военную академию, любила свою профессию военного инженера-аэролога. К тому же была умна, красива. Они полюбили друг друга. В семье появилась дочь Зоя.

— Главной его чертой,— вспоминает Тамара Потаповна,— была неиссякаемая энергия. Он любил литературу, искусство. Собрал большую и интересную библиотеку, где было много книг по военной науке, истории и искусству, писал стихи. В быденной жизни Александр Александрович был прост и приветлив, отличался скромностью, не любил излишеств, был честен до щепетильности. Таким он был в годы войны, таким остался до конца своей жизни.

Они прошли рука об руку много трудных, но наполненных интересной жизнью лет. На титульном листе своей книги «В небе Ленинграда» Александр Александрович с признательностью написал: «Дорогой жене, товарищу и другу. 1.01.70 г. Москва».

Как известно, после окончания войны 18-я воздушная армия, преобразованная в дальнюю авиацию, снова стала мощным и весьма необходимым средством пред-

⁵ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 502.

назначенным для решения оперативно-стратегических задач. Новикова радовали успехи в освоении дальнего реактивного бомбардировщика Ту-16. Появление на его борту ракет класса «воздух — земля» еще больше расширило боевые возможности дальней авиации. Самолеты-ракетоносцы становились подвижными стартовыми площадками ракет, а создание системы дозаправки топливом в воздухе обещало значительно увеличить радиус их действия. Экипажи получали возможность наносить удары по любой цели, находящейся на земле и на море, не заходя в зону досягаемости средств противовоздушной обороны данного объекта.

В сентябре 1954 г. было проведено первое крупное войсковое учение с реальным взрывом атомной бомбы, которая была сброшена со специально оборудованного самолета-носителя. Главный маршал авиации Новиков принимал участие в подготовке и проведении учения как командующий дальней авиацией.

Итоги реального применения ядерного оружия еще раз подтвердили необходимость пересмотра и коренного изменения многих теоретических положений и практических рекомендаций по всем разделам военного искусства, сложившихся на основе опыта минувшей войны и практики боевой подготовки войск первых послевоенных лет. Александр Александрович тотчас приступил к разработке своих предложений, привлек к этой работе главных специалистов штаба. Но ему не давала покоя мысль о состоянии парка сверхдальних бомбардировщиков.

Существовавшие в то время самолеты этого класса не имели перспективы. Им на смену нужна была принципиально новая машина, с большим радиусом действия и повышенной грузоподъемностью. Обо всем этом он и повел речь на представительном совещании в начале февраля 1955 г. Надо было иметь большое мужество, чтобы в обстановке разговора об успехах в укреплении обороноспособности страны назвать вещи своими именами. Но Александр Александрович не мог поступиться своей совестью, он всегда был принципиальным и честным коммунистом.

— Стратегической авиации у нас пока еще нет,— прямо и спокойно заявил он.— Мало иметь решения на бумаге...

В ответ ему сказали, что опытные образцы новых стратегических самолетов уже есть.

— Кроме того,— резко заметил Н. С. Хрущев,— соз-

даются баллистические ракеты, для которых недостижимых целей на земле нет и не будет.

— Иметь образцы не означает иметь авиацию, — твердо стоял на своей позиции Новиков. — Что касается ракет, то, какими бы боевыми возможностями они ни обладали, они вряд ли заменят собой самолеты.

Александр Александрович знал, что говорил. Противопоставление ракеты самолету только-только зарождалось, но оно имело очень опасную для авиации тенденцию. Со временем это приведет к тому, что А. С. Яковлев прямо напишет в своей книге: «Военно-техническая мысль все больше приходит к таким примерно выводам: с появлением дальних баллистических ракет стратегический бомбардировщик теряет свое значение. Ракета в силу меньшей уязвимости по сравнению с самолетом и благодаря достигнутой сейчас степени точности попадания может гораздо эффективнее, чем тяжелый бомбардировщик, донести ядерный заряд огромной разрушительной силы до намеченной цели. Это положение справедливо также и для ракет меньшей дальности действия, бьющих по неподвижной цели»⁶.

Спорность и ошибочность этих выводов потом, через годы, подтвердит сама жизнь. Ракета и самолет не исключают, а дополняют друг друга, но в середине 50-х годов их противопоставление набирало силу. Новиков одним из первых заметил эту тенденцию и забил тревогу. Нельзя сказать, чтобы у него не было союзников. Однако их голоса были более чем робкими, дело с перевооружением дальней авиации шло не так энергично, как бы хотелось. И все-таки турбовинтовые сверхдальние самолеты-ракетоносцы и бомбардировщики, за которые ратовал Новиков, скоро начали поступать на вооружение. У этих машин оказалась удивительно долгая жизнь. В различных модификациях они служили безопасности Родины многие годы.

Острый ум, научный склад мышления, мудрость Александра Александровича с особой силой проявились при разработке теории стратегического применения ВВС в новых условиях. Он внес весомый вклад в решение важнейших вопросов военной теории и дальнейшего строительства Военно-воздушных сил.

Однако выступление Новикова на февральском совещании не осталось без последствий. В марте 1955 г. он

⁶ Яковлев А. С. Цель жизни. С. 523.

был освобожден от должностей командующего дальней авиацией и заместителя главнокомандующего ВВС Советской Армии и направлен в распоряжение Министра обороны СССР.

Колоссальное напряжение, с которым Александр Александрович работал после возвращения в авиацию, новая опала не могли не сказаться на его подорванном в тюрьме здоровье. Он тяжело заболел, перенес инфаркт и сложную хирургическую операцию. В жизни наметился еще один крутой поворот. 7 января 1956 г. Новиков был уволен из рядов Советской Армии в запас по болезни с правом ношения военной формы одежды.

Предложение руководства Гражданского воздушного флота, одобренное в ЦК партии, возглавить вновь организуемое в Ленинграде Высшее авиационное училище Гражданского воздушного флота Новиков поначалу встретил без энтузиазма. Однако город Ленина занимал в его биографии особое место. Сколько здесь было пережито! Здесь получено боевое крещение в небе, достигнут первый успех во время войны, пережиты самые страшные дни и ночи блокады.

— Судьба прочно связала меня с Ленинградом, — сказал он жене. — Сколько он мне дал, и сколько я ему отдал. И отдам еще!

Тамара Потаповна ничего не ответила, только согласно кивнула. Она уже поняла, что муж принял твердое решение.

6 августа 1956 г. главный маршал авиации А. А. Новиков прибыл в дорогой его сердцу город. Он прекрасно сознавал меру ответственности, которую взял на себя. Закачивались летные испытания Ту-104. Выход первого в мире реактивного пассажирского лайнера на воздушные трассы требовал коренной перестройки практически всех служб Аэрофлота. Высшее авиационное училище как раз и создавалось для того, чтобы готовить высококвалифицированных руководителей, инженеров-пилотов и инженеров по эксплуатации воздушного транспорта, которым предстояло осуществлять массовые регулярные перевозки пассажиров, почты и грузов на реактивных самолетах. И это радовало. Он снова будет на переднем крае научно-технического прогресса, готовить руководящие кадры для Аэрофлота.

Новое высшее учебное заведение создавалось на базе курсов начальствующего состава и партийной школы при политическом управлении ГВФ. Особых затрудне-

ний в подборе преподавательских кадров не возникло. Начальник партийной школы Ф. А. Захаров, руководители кафедр Н. А. Денисов, Н. Н. Крылов, П. С. Лабазин, Ф. Я. Спасский оказались опытными специалистами и толковыми преподавателями. Сам Александр Александрович еще в Москве дал согласие возглавить одну из ведущих кафедр «Летная эксплуатация». По-иному обстояло дело с учебно-производственной базой. Особняк на Литейном проспекте, выделенный для училища, был мало приспособлен для занятий. Не хватало помещений, крайне бедным оказалось оборудование лаборатории и кабинетов.

Реактивной техникой, как говорится, здесь и не пахло. Кроме того, конструкция здания, построенного еще во времена Елизаветы Петровны, не позволяла устанавливать какие-либо двигатели, создающие вибрационные моменты. Нужно было срочно решить вопрос о строительстве лабораторного корпуса, жилого дома для постоянного состава и общежития для слушателей.

Заботы навалились со всех сторон, но Новиков сумел быстро во всем разобраться, поставить работу училища на научную основу. Он отличался исключительной аккуратностью и удивительной пунктуальностью. «По нему можно сверять часы», — очень скоро стали говорить в училище. Личный пример руководителя Александр Александрович ценил превыше всего. Его первым выступлением на новом месте был доклад о воспитательной работе и о роли преподавателей в воспитании слушателей, который длился 1 час 45 минут. Ученый совет училища единогласно принял решение напечатать доклад в методическом сборнике. Нет, это не было данью былым заслугам маршала Новикова. Доклад того заслуживал. Он не потерял своего значения и через многие годы. Молодые преподаватели училища, как правило, начинали свое знакомство с учебным процессом с чтения этого документа.

Александр Александрович беззаветно любил город на Неве, его проспекты и площади, пригородные дворцы и парки: Пушкин, Гатчину, Павловск... Но особенно дороги ему были исторические места, связанные с именем В. И. Ленина. Один из своих первых ленинградских выходных дней он провел в Разливе. Об этом есть запись в его дневнике.

«19 авг. День Воздушного Флота. Ездил к Шалашу В. И. Ленина, подышал свежим воздухом, привел мысли

в порядок. Здесь я не был с июня 1939 года. Тогда была очень плохая дорога, а теперь проложено шоссе, в районе Шалаша устроены пешеходные дорожки для посетителей и площадка для автобусов и автомашин. В прошлом году здесь побывало 174 тыс. посетителей. Это не считая ленинградцев, приезжающих в Разлив отдохнуть и погулять»⁷.

Жизнь в училище налаживалась быстро. Занятия начались 15 сентября, в день, когда Ту-104 совершил первый регулярный рейс с пассажирами по трассе Москва—Иркутск. Время в пути по сравнению с полетом на поршневых самолетах сократилось почти втрое.

— Такими же темпами нам надо развивать учебно-производственную базу,— сказал Новиков своему заместителю П. С. Лабазину.

Сам он показывал в этом деле пример, достойный подражания. Благодаря его стараниям во дворе особняка на Литейном началось строительство лабораторного корпуса, в аэропорту Шоссейная полным ходом шел ремонт помещений летного отряда и лаборатории сверхзвуковых скоростей. Даже поездку в Москву для доклада о приеме училища и снятия с партийного учета он использовал, чтобы обогатить учебно-производственную базу. «В ВВС добился получения двигателя ВК-1 со стендом»,— запишет он в дневнике о появлении в училище первой реактивной машины.

Кафедра «Летная эксплуатация» задумывалась как одна из ведущих на пилотском отделении. Новиков добился полного ее укомплектования опытными кадрами, составил план научной работы, приступил к чтению лекций по курсу аэродинамики. При училище продолжали работу курсы усовершенствования начальствующего состава (КУНС). В очередном наборе слушателей КУНС оказалось несколько человек, кто уже успел полетать на Ту-104. Александр Александрович незамедлительно воспользовался этим. Его лекции обогатились практическими рекомендациями.

В январе 1957 г., после поездки в Киев для ознакомления с постановкой дела в Институте ГВФ и новыми машинами ОКБ О. К. Антонова Ан-10 «Украина» и Ан-14 «Пчелка», Новиков заболел. Две недели пришлось провести в больнице — стенокардия. На больничной

⁷ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

койке он узнал новость, которая буквально поразила его.

— Звонили из Москвы,— сказал П. С. Лабазин.— Совету училища предложено рассмотреть вашу кандидатуру на предмет присвоения ученого звания профессора.

— Как так?— удивился Александр Александрович.— Не успели начать работу — и уже ученое звание.

— Все законно,— ответил Лабазин.— Вы пришли на педагогическую работу с производства, возглавляете, а точнее, создали кафедру, читаете лекции. Мою кандидатуру тоже предложено рассмотреть к ученому званию доцента.

— Надо подумать,— сказал Новиков.

— Все строго по закону, — повторил Лабазин. — Выходите из больницы, собирайте необходимые документы — и, как говорится, с богом.

Голосование было тайным. И Новиков, и Лабазин получили голоса полностью. В марте 1957 г. состоялись выборы в местные Советы. Новиков баллотировался по 32-му избирательному округу Дзержинского района города Ленинграда. Сколько было теплых и сердечных встреч на предвыборных собраниях! Ленинградцы хорошо помнили о его вкладе в оборону города в первые семь месяцев войны с фашистской Германией. И здесь голосование было единодушным.

Начало нового учебного года училище встретило во всеоружии. Учебно-производственная база значительно пополнилась и обновилась. Теперь слушатели могли заниматься в 16 лабораториях и 11 кабинетах, оборудованных самой современной техникой, а на трассы Аэрофлота вслед за Ту-104 вышли турбовинтовые Ил-18, Ан-10 и самый большой в мире авиалайнер Ту-114. Специалисты для эксплуатации новой техники начали готовиться на КУНС по пяти специальностям: командно-лётной, службы движения, политрабты, службы перевозок и работы за границей. Новиков начал писать книгу о реактивной технике в транспортных перевозках.

1959 год стал заметной вехой в его жизни. В январе он получил в Москве аттестат профессора № 003577 от 14 января 1959 г. Заместитель ученого секретаря ВАК сказал Новикову, что за его кандидатуру было подано свыше 95 процентов всех голосов.

— Такое в практике ВАК бывает исключительно редко,— подчеркнул он.

В дневнике появляется еще одна примечательная запись: «Днем домой пришли ребята — Лева, Юра, Светлана, поздравили меня с профессорским званием... Это очень большое событие в моей жизни. Я никогда не только не мечтал, но даже не думал быть профессором. Столь высокое звание очень ко многому обязывает на педагогическом поприще. Надо много и много работать как по должности, так и для личного совершенствования»⁸.

Через несколько дней после возвращения Новикова в Ленинград начал свою работу XXI съезд КПСС. О тех днях говорят записи в дневнике:

«31 янв. С карандашом в руках читал Отчетный доклад ЦК КПСС съезду партии. Впечатление огромное...

1 фев. Воскресенье. Погода мягкая. Днем ездил отдохнуть к Шалашу В. И. Ленина, а затем в Сестрорецк — к дубкам Петра»⁹.

Новиков жил напряженной и полнокровной жизнью. Летом 1959 г. в училище состоялся первый выпуск. Впервые в истории гражданской авиации руководство авиаподразделениями приняли командиры, получившие высшее специальное образование. Многие из них возглавили ответственные участки, потом выросли в крупных организаторов производства. Выпускники преподнесли Александру Александровичу адрес, в котором были такие слова: «В эти торжественные дни, когда каждый из нас вступает в новую жизнь, мы с большим уважением и любовью обращаемся к Вам: в течение четырех лет мы чувствовали Вашу заботу и внимание, трудный и упорный труд воспитателя-педагога. Разлетаясь по всем краям нашей необъятной Родины, мы увозим с собой частицу Вашего сердца, Вашего разума и труда. Вы всегда будете для нас примером коммуниста, руководителя, воспитателя и друга».

Человек творческого ума, огромного трудолюбия, постоянно ищущий, Новиков никогда не довольствовался достигнутым, постоянно помогал молодежи раскрывать свои способности. Научная работа в училище была поставлена на широкую ногу, причем ее тематика отвечала самым современным требованиям. Полным ходом шла и подготовка к открытию заочного отделения с пятилетним сроком обучения для подготовки инженеров-пилотов.

⁸ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

⁹ Там же.

тов. Неоценимую помощь Александру Александровичу оказывал его заместитель по летной подготовке П. В. Картамышев, особенно тогда, когда коварная болезнь выбивала его из строя.

Тяжело больно, Александр Александрович отдавал всего себя работе: писал научные труды, настойчиво и кропотливо собирал документы для своих мемуаров, встречался с бывшими защитниками осажденного Ленинграда. Занимали его в те годы и вопросы восстановления доброго имени тех, кто был репрессирован в конце 30-х годов, в том числе и командарма 1 ранга И. П. Уборевича.

Последний раз Новиков видел Уборевича перед самым его арестом. На многие годы имя Иеронима Петровича было вычеркнуто из списка героев гражданской войны и выдающихся полководцев и строителей Советских Вооруженных Сил. Только через четверть века Александр Александрович, сам испытавший несправедливость обвинений и репрессий, смог написать о нем очерк, в котором есть такие слова: «И сколько бы лет с тех пор ни прошло, я всегда был и буду благодарен Иерониму Петровичу за резкий поворот в моей военной судьбе. Добрые чувства к Иерониму Петровичу какое-то время нельзя было открыто выразить, и я хранил их глубоко в себе как тайную любовь к опальной святыне»¹⁰.

На трассы Аэрофлота тем временем вышли еще две новые машины: Ан-24 и Ту-124. Выдающихся успехов добились советская наука и техника. 12 апреля 1961 г. впервые в истории освоения космического пространства гражданин нашей страны коммунист Юрий Алексеевич Гагарин совершил полет в космос. Взволнованный Александр Александрович пишет письмо первопроходцу Вселенной:

«Дорогой Юрий Алексеевич!

Восхищен Вашим беспримерным подвигом!

От всего сердца ветерана гражданской и Великой Отечественной войн горячо поздравляю Вас с великой победой — благополучным завершением полета в космос.

Пишет Вам командующий ВВС Красной Армии в период Великой Отечественной войны, главный маршал

¹⁰ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Новикова.

авиации, дважды Герой Советского Союза, профессор Новиков Александр Александрович.

В годы Великой Отечественной войны партия доверила мне командование Военно-воздушными силами Красной Армии, и в силу этих обстоятельств я был свидетелем проявления массового героизма военных летчиков, воспитанных Коммунистической партией, сражавшихся за честь и независимость нашей великой Родины и всего прогрессивного человечества. Сколько мужества, отваги, самоотверженности проявили они в воздушных боях с ненавистным врагом. Многие из них сложили головы, но они делали благородное дело и совместно со всеми воинами Красной Армии отстаивали нашу Родину и обеспечили дальнейшее процветание нашего народа, развитие советской науки, сделавшей возможным полет человека в космос.

И вот мне, прослужившему многие годы в военной авиации, особенно хотелось, чтобы первый полет в космос был совершен именно советским военным летчиком. Сердце подсказывало мне, что так и будет. В этом сказались моя любовь и уважение к военным летчикам, глубокая вера в их способности, в их силу.

Когда я увидел Вас в передаче по телевизору рапортующим о полете, поверьте, не мог удержаться от слез, хотя я человек и несентиментальный. Но это были особые слезы — слезы величайшей радости, слезы безмерной гордости за свою Советскую Родину, за советского человека, за Вас, дорогой военный летчик Юрий Алексеевич!

Мы, старшее поколение летчиков, можем теперь с гордостью сказать, что штурвал космических кораблей находится в надежных руках пришедшего на смену вам молодого поколения, которое уверенно будет возвышать и прославлять наш советский народ, будет неотступно бороться за все прогрессивное, за раскрытие тайн природы, за окончательное покорение космоса.

Посылаю Вам на память свою фотокарточку. Прошу Вас не отказать в любезности выслать мне свою. Если будете в Ленинграде, буду рад Вас видеть у себя.

Еще раз горячо поздравляю Вас с одержанной победой и желаю Вам и Вашей семье успехов в работе, счастья в жизни и крепкого здоровья».

Письмо было отправлено по почте. Быстрого ответа Александр Александрович не ожидал. Все средства массовой информации сообщали буквально о каждом шаге

первого космонавта. Его дни были заполнены до предела. Уже 28 апреля, ровно через две недели после торжественной встречи в Москве, Юрий Алексеевич по приглашению Центрального Комитета. Коммунистической партии Чехословакии вылетел в Прагу. И вдруг, буквально через несколько дней после его возвращения из первой заграничной поездки, генерал Н. П. Каманин, тогдашний руководитель подготовки советских космонавтов, передал в Главный штаб ВВС, жене Новикова, пакет с автографом первого космонавта. В конверте оказались письмо и фотография Юрия Алексеевича с Золотыми Звездами Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Чехословакии. На обороте фотографии — слова: «Александр Александровичу Новикову с глубоким уважением и признательностью. Ю. Гагарин. 21.05.61 г.»

Письмо было написано не на машинке, а от руки.

«Дорогой Александр Александрович! — писал Гагарин. — Безмерно тронут Вашим вниманием ко мне. Извините, что обращаюсь к Вам не официально, не по военному уставу. Большое спасибо Вам за то внимание, которое оказали мне, простому советскому летчику. Очень много говорится и пишется во всем мире по этому случаю. Я не могу и не имею никакого права принять все это на себя. Если моя заслуга составляет хотя бы одну сотую долю всего сказанного, то и это было бы для меня величайшей оценкой совершенного. Я знаю, как трудно было нашим летчикам в период Великой Отечественной войны. Их заслуги и трудности, которые они перенесли, во много раз больше моих. Я просто оказался в фокусе событий, которые подготовили народ, партия, наука.

Этот полет — только начало. Я буду готовиться к большим полетам и выполнять их. Космические полеты под силу выполнять только летчикам. Если другие хотят летать в космос, то прежде они должны научиться летать на самолетах. Авиация будет начальной ступенью для полетов в космос.

Сердечно Вам благодарен за фотографию. Высылаю Вам свою. Завтра я лечу в Болгарию. Затем, очевидно, будет поездка по стране. Обязательно побываю в Ленинграде. Считаю для себя великой честью побывать у Вас. Ваш адрес и телефон теперь у меня есть, обязательно буду у Вас, как буду в Ленинграде...»¹¹

¹¹ Копии писем хранятся в архиве А. А. Новикова.

Здоровье Александра Александровича ухудшалось — ленинградский климат явно не подходил для его легких, но он продолжал упорно трудиться. Он привык доводить начатое дело до конца. Выход на воздушные трассы Аэрофлота турбореактивных и турбовинтовых многосместных пассажирских самолетов, поступление на эксплуатацию новых вертолетов вызвали резкое увеличение объема воздушных перевозок и широкое использование авиации во многих отраслях народного хозяйства. Проводилось дальнейшее оснащение аэропортов и воздушных трасс новыми радио- и светотехническими средствами, радиолокационными системами, обеспечивавшими более оперативное и качественное руководство движением самолетов в сложных метеоусловиях.

В этот период успешно осваивались и новые, более совершенные аэродромные средства обслуживания реактивной техники. Задачи по подготовке высококвалифицированных летных и инженерно-технических кадров, специалистов наземных служб, в совершенстве владеющих этой техникой, передовыми методами ее обслуживания и обеспечения полетов, в первую очередь были поставлены Высшему авиационному училищу. Чтобы решить их, под руководством Новикова создаются факультет для подготовки инженеров по эксплуатации аэропортов и новые кафедры, в том числе авиационного электрооборудования и автоматики, управления воздушным движением, специальной подготовки и другие. Особое внимание уделялось повышению качества подготовки специалистов, совершенствованию методов теоретического и производственного обучения. 15 сентября 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в подготовке специалистов и вклад в развитие науки А. А. Новиков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Он проработал в Ленинграде больше десяти лет. В течение этого времени свои силы и знания Александр Александрович, тяжело больной, отдавал организации, становлению и развитию высшего авиационного учебного заведения, которому очень скоро предстояло стать Академией гражданской авиации. Сотни выпускников, получивших дипломы инженеров, вспоминают его добрым словом. Многие из них стали командирами авиационных подразделений, получили почетные звания заслуженных пилотов и штурманов СССР. Новиков был руководителем научных работ пяти соискателей кандидатской и

одного соискателя докторской степени. Ему принадлежат более сорока научных статей, несколько учебных пособий, книги «В небе Ленинграда», «Нормандия» в небе России», «Реактивная техника в транспортной авиации» и другие.

Буквально до последних дней своей жизни Александр Александрович продолжал работать над книгой о боевых действиях авиации и подвигах наших летчиков в годы Великой Отечественной войны. Он спешил ее завершить. Врачи удивлялись: «Откуда берутся у него силы?»

В его палате, с особого разрешения, стоял письменный стол, весь заставленный книгами и рукописями.

— Мне некогда болеть, я должен работать,— говорил он врачам.

Как бы ни было трудно Александру Александровичу, он никогда не жаловался на свою болезнь. Он чувствовал, что уходит из жизни, но ни разу не подал вида, что дни его сочтены. Только часто в его глазах была глубокая, безмерная усталость...

Большую помощь и поддержку оказывала мужу Тамара Потапова. Будучи человеком военным (она уволилась из Вооруженных Сил в звании полковника), Т. П. Новикова была Александру Александровичу добрым другом и советчиком, активно помогала ему в работе.

По натуре Александр Александрович был человеком чутким и внимательным, хотя внешне казался сдержанным и немногословным. Детей своих хотел видеть честными, трудолюбивыми, достойными продолжателями семейных традиций. И они выросли такими: старший сын Лев — журналист-международник, ныне покойный, дочь Светлана — журналист, сотрудница Гостелерадио, младшая дочь Зоя — кандидат исторических наук, научный сотрудник одного из институтов Академии наук СССР. Младший сын Юрий был журналистом, он рано ушел из жизни.

Главного маршала авиации А. А. Новикова не стало в 1976 г., но живет в народе память о флагамене крылатого строя. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР в Зале Победы выставлены его награды: три ордена Ленина, две медали «Золотая Звезда», три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, а также иностранные награды. Память о нем живет в названиях улиц Москвы,

Ленинграда, Калининграда, Костромы. Его имя присвоено Балашевскому высшему военному авиационному училищу летчиков. Он навсегда остался в авиации, в ее рядах, в ее истории. В различных районах Мирового океана плавают большой автономный траулер-морозильник «Маршал Новиков». На доме в Москве, где жил Александр Александрович, установлена мемориальная доска с барельефом прославленного полководца.

В старинном волжском городе Костроме, который летом утопает в зелени, а зимой — в высоких сугробах, на одной из небольших площадей стоит бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза главного маршала авиации А. А. Новикова.

Новиков прожил яркую, поистине героическую жизнь, которую всю без остатка отдал служению Отечеству, развитию Военно-воздушных сил. Имя его навечно вписано в историю нашей Родины. Оно по праву стоит в ряду имен выдающихся полководцев ленинской школы, воспитанных Коммунистической партией.

* * *

При работе над монографией использованы воспоминания соратников А. А. Новикова — А. С. Благовещенского, Г. В. Зимины, С. И. Руденко. Особую признательность автор выражает Т. П. Новиковой, предоставившей в его распоряжение документы и материалы, а также письма, фотографии и неопубликованные воспоминания А. А. Новикова.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ А. А. НОВИКОВА

- 1900, 6 (19) ноября* — Родился в дер. Крюково Нерехтского района Костромской области.
- 1918* — Окончил учительскую семинарию.
- 1919* — Призван в Красную Армию.
- 1920* — Курсант Нижегородских советских пехотных курсов командного состава. Вступил в партию. В должности заведующего разведкой стрелкового полка участвовал в боях на петроградском и олонцеком направлениях.
- 1921* — Участвовал в подавлении кронштадтского мятежа.
- 1922* — Закончил тактико-стрелковую школу «Выстрел», участвовал в подавлении восстания меньшевиков в районе Озурчетп на Кавказе.
- 1922—1923* — Командир роты красноармейского университета Отдельной Кавказской армии.
- 1923—1927* — Командир батальона Военно-политической школы Отдельной Кавказской армии. Участвовал в боях против меньшевиков в районе Мапглис.
- 1927—1930* — Слушатель Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе.
- 1930—1933* — Начальник 1-го отдела штаба 11-го стрелкового корпуса.
- 1933—1935* — Начальник штаба 450-й авиационной бригады.
- 1935—1938* — Командир 42-й легкобомбардировочной эскадрильи.
- 1938—1940* — Начальник штаба ВВС Ленинградского военного округа, Северо-Западного фронта, управления ВВС Ленинградского военного округа.
- 1940—1941* — Командующий ВВС Ленинградского военного округа.
- 1941—1942* — Командующий ВВС Северного, Ленинградского фронтов, первый заместитель командующего ВВС Красной Армии.
- 1942—1943* — Командующий ВВС Красной Армии и заместитель Наркома обороны СССР по авиации.
- 1943—1946* — Командующий ВВС Красной Армии. Избран депутатом Верховного Совета СССР
- 1946—1952* — По ложному обвинению находился в тюремном заключении.
- 1953—1954* — Командующий дальней авиацией,

1954—1955

— Командующий дальней авиацией и заместитель главнокомандующего ВВС Советской Армии.

1956

— Уволен из рядов Советской Армии по болезни.

1956—1967

— Начальник Высшего авиационного училища гражданской авиации.

1976, 3 декабря

— Умер, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------	----------

ВЫБОР ЦЕЛИ	10
-------------------	-----------

«ХОЧУ ЛЕТАТЬ!..»	32
-------------------------	-----------

КОМАНДАРМ ЛЕНИНГРАДСКОГО НЕБА	57
--	-----------

ВО ГЛАВЕ ВВС	84
---------------------	-----------

ПО ЗАДАНИЮ СТАВКИ	115
--------------------------	------------

ЗА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО	141
-------------------------------------	------------

«ТАНКИ ОСТАНОВИТЬ МОЖНО»	173
---------------------------------	------------

УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ	197
--------------------------	------------

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ	220
--------------------------------	------------

ТАЛАНТ ПОЛКОВОДЦА	240
--------------------------	------------

СУДЬБЫ КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ	266
-------------------------------	------------

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ А. А. НОВИКОВА	284
---	------------

1907-11

